

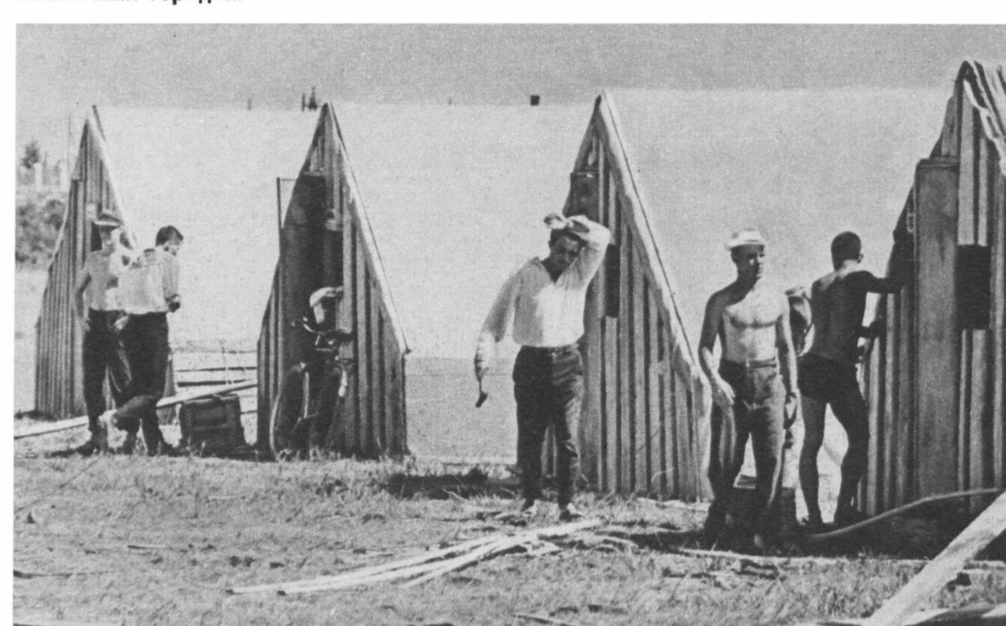
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЗАКОН ЦЕЛИНН

Это — палатка стройотряда студентов из Одессы.

Палаточный городок.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 28 (1985)

11 ИЮЛЯ 1965

Вячеслав БЕЛОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

За работу на целинных стройках ни один студент Нобелевской премии не получил и не получит. Но те студенты, которые семь лет назад положили первые кирпичи в фундамент первого здания на целине, сделали открытие, которое может быть названо «законом целинного тяготения». Вот уже седьмое лето подряд тысячи студентов из сотен вузов страны приезжают на целину, чтобы работать, чтобы строить...

В пятидесяти километрах от Целинограда, недалеко от станции Сороковая, строится мост через реку Ишим. Строят его студенты Московского инженерно-строительного института. В прошлом году 54 студента МИСИ уже построили железобетонный стодвенадцатиметровый мост через реку Баксук. За три с половиной месяца! Сломав все графики, студенты озадачили многих специалистов Главцелинстроя, определивших срок строительства моста в два года...

Однажды я услышал вопрос: почему это студенты рвутся каждое лето на целину? Едут — значит, нужно ехать, значит, есть необходимость в такой поездке. Человек всегда как-то по-особенному радуется посаженному им цветку, дереву. А если человек строит дом? Да самому человеку всего двадцать, и дом этот в его жизни первый?..

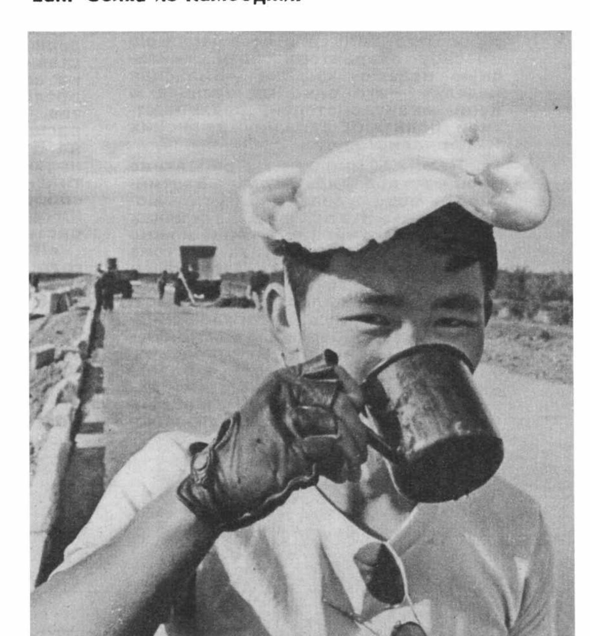
В Целинограде я узнал, что Центральный штаб студенческих строительных отрядов стал постоянно действующим, что в Целинограде всю зиму работают члены штаба, готовят студенческую стройку к лету.

Мне рассказали о строительстве экспериментальной школы в совхозе «Октябрь» — школы, которую студенты строят на свои средства и дарят местным ребятишкам. О студенческой автоколонне — этим летом она будет насчитывать более двух тысяч автомашин,— о строительстве гидроузла на реке Шортанды, о дороге Целиноград — аэропорт, о планах и проблемах снабжения отряда стройматериалами.

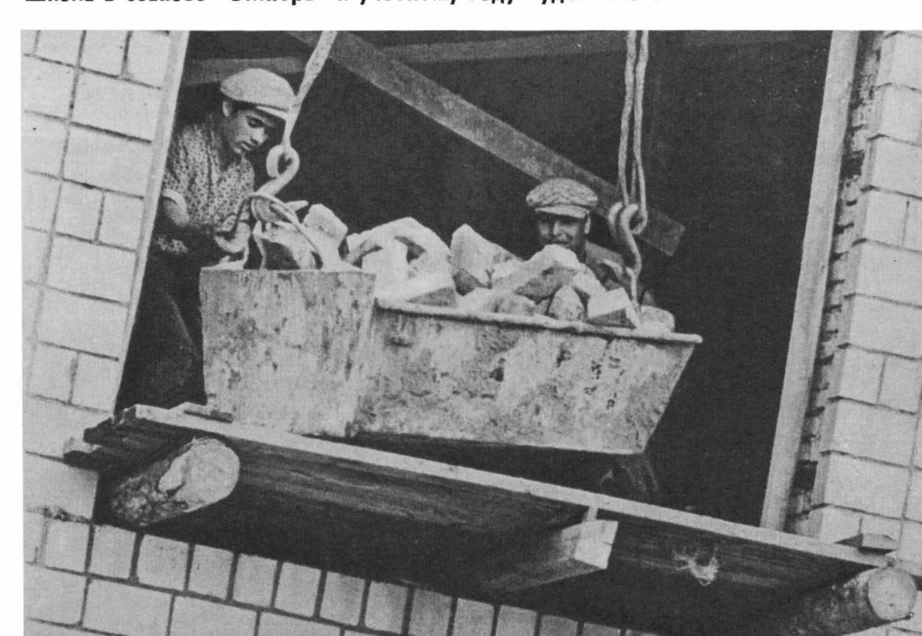
Сами студенты называют свою организацию «студенческой республикой». И, конечно, как и подобает всякой уважающей себя республике, принялись расширять свои международные связи. Сотни иностранных студентов приезжают на целину, чтобы вместе с советскими парнями и девчатами узнать радость труда, почувствовать себя нужными людям.

ОГО ТЯГОТЕНИЯ

Еанг Сейха из Камбоджи.

Школа в совхозе «Октябрь» к учебному году будет готова.

Татьяна Никитина «отбивает точку».

ЗАКОН ЦЕЛИННОГО ТЯГОТЕНИЯ

НЕДЕЛЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

В. ПАРХИТЬКО

В нескольких десятках километров от границы ГДР проходила так называемая «кильская неделя» — традиционное празднество милитаристов, ныне используемое реваншистами Западной Германии для того, чтобы противопоставить себя миролюбивым народам Балтики. «Кильская неделя» проводится с 1882 года. В ней всегда участвовали магнаты капитала, аристократы, на ней почти каждый год присутствовала яхта семьи Круппов — «Германия-I». Прошли десятилетия, совершенствовались яхты, на последней «кильской неделе» яхта Круппов была названа «Германия-VI». Ее присутствие как бы подчеркивало преемственность старых традиций германского империализма.

Главными участниками «кильской недели» выступили 23 военных корабля от 10 стран НАТО; среди них выделялся эсминец-ракетоносец «Клод В. Риккетс», прибывший в Киль под флагом Соединенных Штатов. Прибытие этого корабля, на борту которого находятся ракеты с ядерной смертью, особенно широко рекламировалось на Западе. В это же время неподалеку от Киля проходила встреча генералов, адмиралов и штабных офицеров стран НАТО. Там, в городе Фленсбурге, под председательством бывшего нацистского генерала и военного преступника Треттнера обсуждалась проблема: «Расположение врага на Балтийском море». «Кильская неделя» прошла под знаком разжигания ненависти к соседним народам.

Министр иностранных дел Германской Демократической Республики Отто Винцер в ответ на мою просьбу охарактеризовать «кильскую неделю» сказал: «Кильская неделя» — это одно из звеньев в цепи милитаристской, реваншистской политики западногерманских империалистов».

...Неделя мира в Прибалтике прошла под лозунгом «Балтийское море должно быть морем мира». И эти слова на языках народов балтийских стран можно было увидеть на улицах Ростока и Висмара, в портах Засница и Штральзунда, в университетском городе Грейфсвальд и в домах отдыха знаменитого курорта Варнемюнде. Все побережье Балтийского моря Германской Демократической Республики оделось в праздничный наряд. Граждане самой северной провинции ГДР Мекленбурга тепло приветствовали дорогих гостей из-за рубежа и со всех концов Германской Демократической Республики. Особое значение происходящим торжествам придало участие в них Первого секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного Совета Германской Демократической Республики Вальтера Ульбрихта, Председателя Совета Министров ГДР Вилли Штофа и других руководителей Социалистической единой партии Германии и правительства ГДР. В Росток прибыла правительственная делегация Советского Союза во главе с министром морского флота СССР В. Г. Бакаевым.

Неделя Балтийского моря — большой фестиваль дружбы, праздник культуры прибалтийских народов. Ей посвящены выставки, спортивные соревнования. Причем нынешняя неделя рекордная и по числу участников и по числу стран, представленных на ней. В демонстрации, которая проходила 4 июля по улицам Ростока, приняло участие свыше 200 тысяч человек.

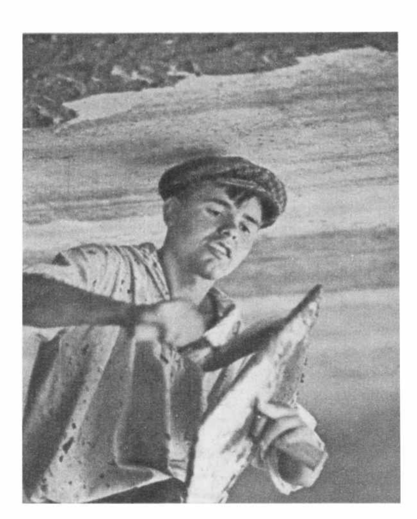
В этом году в праздновании недели мира приняли участие представители Норвегии и Исландии, на встречах деловых кругов были представители Соединенных Штатов, которые заинтересованы в расширении торговли со странами на Балтике. На спортивных соревнованиях, кроме молодежи прибалтийских государств, выступили спортсмены из Бельгии, Румынии, Югославии, Австрии. Прибыли туристы со всех концов света.

«Популярность недели растет из года в год,— сказал заместитель министра культуры ГДР Борк.— В 1966 году мы постараемся организовать большой конкурс певцов, танцоров, музыкантов с тем, чтобы круг ее участников стал еще шире».

Росток. По телефону.

Демонстрация в Ростоке на площади Эрнста Тельмана.
Телефото АДН—ТАСС.

Василий Нижник — штукатур.

Сегодня Рая Рыманова — повариха.

«Искры гаснут в тумане сами, пять ребят о любви поют чуть охрипшими голосами».

Главное здание автопансионата «Морское око».
Фото автора.

СИНЕВИРСКОЕ ОЗЕРО

«Морское око», «жемчужина Карпат», «сказочный уголок земли» — вот неполный ряд эпитетов, которыми вознаграждается закарпатское Синевирское озеро.

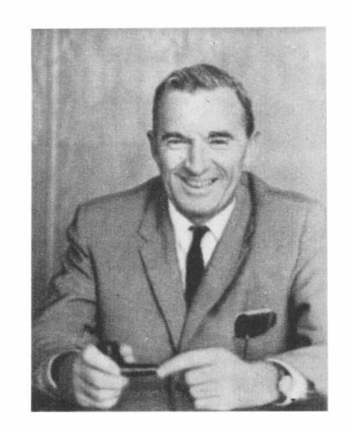
На берегу его возвышаются два великолепных корпуса автопансионата «Морское око». За сезон прошлого года здесь отдохнуло более шести тысяч человек.

И. ДЗЬОБАК

с. Разтока,
Закарпатской области.

— Здравствуйте, друзья!

Давний друг журнала, австралийский писатель Фрэнк Харди снова приехал в Москву. Во время беседы с сотрудниками «Огонька» он рассказал о своих творческих планах и обещал прислать несколько новых рассказов.

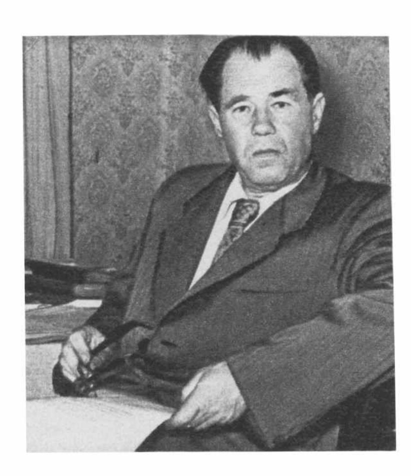

Новый отряд офицеров закончил академии Вооруженных Сил СССР. На приеме в Кремле в честь выпускников с большой речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Фото С. Смирнова.

«ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЮ СТОЮ»

Вот и Петро Глебка достиг 60-летия, а в памяти он все еще молодой — чубатый комсомолец 20—30-х годов, деревенский парень, вышедший из бедняцкой крестьянской семьи. Он вошел в белорусскую литературу походкой уверенной и решительной, привнеся с собой романтическую возвышенность чувств, горячую любовь ко всему новому, революционному, бурно возникавшему всюду, куда только падал взгляд. Сорок лет назад появились в печати его первые стихи. С тех пор много воды утекло, но не заглохла звонкая лира поэта. Умело используя в своем творчестве народный язык, краски родной речи, он встал в один ряд с такими всеизвестными мастерами белорусской поэзии, как Янка Купала, Якуб Колас, Петрусь Бровка, Максим Танк, Аркадий Кулешов. Первые двое из них были его непосредственными учителями. Их плодотворное влияние укрепило его поэтический дар, творчество Купалы и Коласа дало ему высокие образцы поэтической мысли и той славной, простой и чистой стихотворной речи, которая характерна для них, основоположников белорусской литературы.

Петро Глебка любит свой край, свою милую и светлую Беларусь и отдает ей всю свою душу. В поэме «В счастливой семье» он пишет:

Шумен день твой, отчизна родная,
Тих твой вечер, отрада моя,
Зажигаются звезды, сверкая,
Не смолкает напев соловья.

И я слышу в безмолвии ночи,
Как влюбленный парнишка поет:
«Я люблю твои ясные очи,
Руки светлые, имя твое.

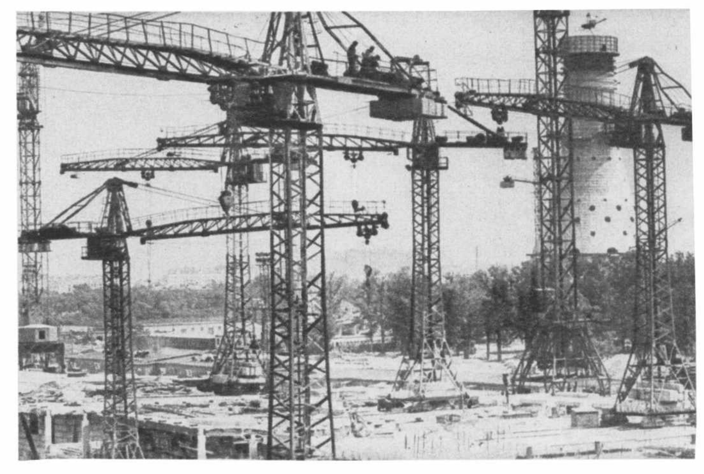
Я люблю твою стройную поступь,
Золотую улыбку твою.
Я стою не под звездами просто,
Под счастливой звездою стою».

Вера в жизнь, в правду, в счастье, в победу пронизывает творчество Петра Глебки. В 1941 году, когда гитлеровские полчища вторглись в пределы Советской страны, когда под сапогами иноземных солдат застонала белорусская земля, поэт написал сильное и мужественное, полное оптимизма стихотворение «Мы вернемся!»:

Далече уж где-то своя сторона —
И хата, и поле, и сад,
А всеми владеет надежда одна:
— Мы скоро вернемся,
Вернемся назад!

Сотни стихотворений, более десяти поэм, пьеса «Над Березой-рекой» — таков творческий итог Петра Глебки к шестидесятилетию. В связи с юбилеем писатель награжден орденом Ленина. Его вдохновенное слово дорого белорусскому народу. Оно близко и дорого также всем советским людям, которым понятны чувства поэта, его патриотизм, его целеустремленность, его любовь к родной земле.

Ник. КРУЖКОВ

Строится телецентр.

Фото А. Бочинина.

Сорок телевизионных гектаров

Немногим более двух лет осталось до того дня, когда диктор столичного телевидения скажет: «Сегодня мы начинаем первую передачу из студии Всесоюзного телевизионного центра... Внимание!» И телелуч, шагнувший с пятисотметровой высоты останкинской телевизионной башни-колосса, понесет далеко окрест музыку, изображения...

Я не случайно сказал «далеко окрест». После ввода в строй нового телецентра радиус новых прямых передач увеличится до 150 километров вокруг Москвы против пятидесяти сегодняшних. Но, конечно, не только в этом особенность и уникальность останкинского Всесоюзного телевизионного центра. Пожалуй, главным в нем будет огромное здание — 415 метров по фасаду. Вся же строительная площадка занимает 40 гектаров!

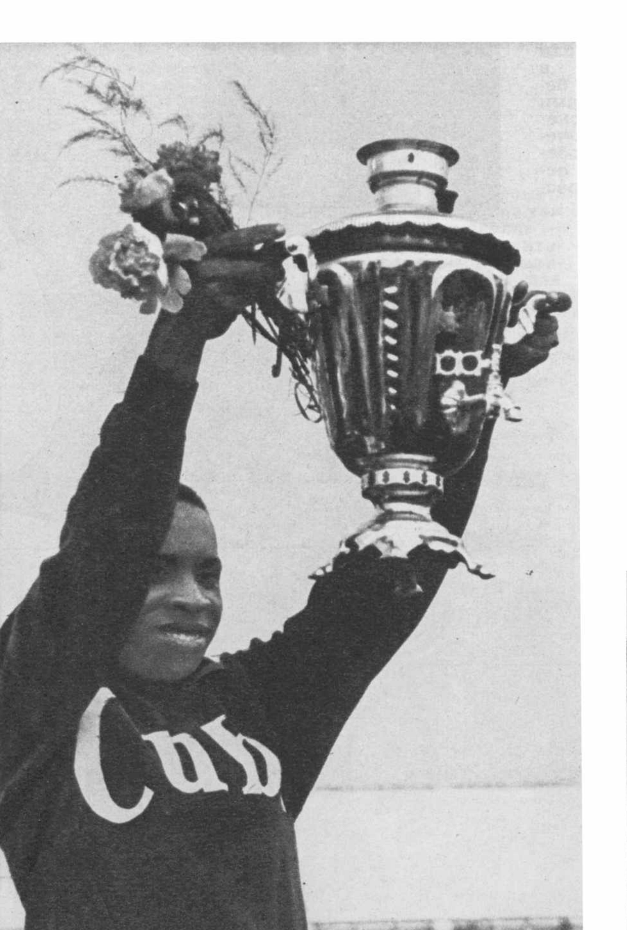
Здесь будет все, что необходимо для передачи нескольких черно-белых и одной цветной программы. В основном здании, расположенном на площади в 115 тысяч квадратных метров, будут смонтированы приборы и аппараты отечественного производства, сейчас их разрабатывают научно-исследовательские институты и конструкторские бюро. Во всех рабочих и подсобных помещениях кондиционеры станут поддерживать температуру и влажность воздуха, наиболее благоприятные для работы.

Крупнейший в стране (иностранные специалисты утверждают, что и в Европе) телецентр будет связан со станциями «Интервидения» и «Евровидения».

Но Останкино — это еще не все телевидение. Ему будет придан и нынешний телевизионный комплекс.

К. БАРЫКИН

НА ПРИЗ БРАТЬЕВ ЗНАМЕНСКИХ

Восьмой раз съехались в нашу страну сильнейшие легкоатлеты мира на соревнования имени выдающихся советских спортсменов братьев Георгия и Серафима Знаменских. Впервые «московская традиция» была нарушена, и созвездие легкоатлетов увидели жители столицы Белоруссии — Минска.

Спортсмены соревновались по полной олимпийской программе легкой атлетики, включающей 36 видов спорта.

Наряду с уже прославленными спортсменами мира — чемпионами и призерами Олимпийских игр — в состязаниях приняли участие и молодые, порадовавшие нас высокими результатами. Киевлянин Владимир Кудинский установил всесоюзный рекорд в беге на 3 000 метров с препятствиями, барьерист Имант Куклич, минчанин, показал отличный результат в барьерном беге на 400 метров.

Главные же призы мемориала разыгрывались в беге на 1 500, 5 000 и 10 000 метров — любимых дистанциях братьев Знаменских. Их почетными обладателями стали Юрген Май из ГДР, поляк Лех Богушевич и советский спортсмен Леонид Иванов.

НА СНИМКАХ: «Кубинская молния» — Э. Фигерола с памятным трофеем — подарком минчан. Победителя главного приза мемориала братьев Знаменских в беге на 10 000 метров Леонида Иванова поздравляют Петр Болотников и венгр Лайош Мечер. Тамара Пресс победила в метании диска, толкании ядра и в количестве данных ею автографов.

Фото Л. Бородулина.

ПОШЕЛ ХЛЕБ КУБАНИ

Фото
А. Гостева.

Московский международный

Минь Дык первый раз в Москве — разве на нее насмотришься!!

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. УМНОВА.

С пароходом фестиваль уже сравнивали. Но поскольку мы поняли, что без сравнений — увы! — и нам не обойтись, решили сравнить его с поездом. Не так уже оригинально, но зато точно.

5 июля в Кремлевском Дворце съездов торжественно поднялся флаг IV Московского международного кинофестиваля. И поезд понесся вперед. Чем дальше станция отправления, тем больше состав набирает сил. Лето — горячая съемочная пора, и тем не менее что ни день — надежные источники (свои у каждого корреспондента) сообщают: Софи Лорен вылетает в Москву (не может же она не знать, как рукоплескал ей после фильма «Брак по-итальянски» советский зритель!). Одри Хепберн приедет вместе с мужем Мел Фeрером, чтобы познакомиться со своими «близнецами» — советскими Наташей Ростовой и Андреем Болконским; выезжает Антониони, вылетает Яна Брейхова...

А фестивальный поезд мчится вперед. Что ни час — новый пейзаж, новые люди, новая страна перед глазами — ведь участвуют 67 стран.

Нет, фестиваль не только во Дворце съездов, где ежедневно с двух часов дня и до поздней ночи идет конкурс художественных фильмов. Он в Москве повсюду. На Белорусском вокзале и в Шереметьеве, где звезды спускаются прямо с неба; он в трех лучших московских кинотеатрах, где смотрят внеконкурсные картины; он в Доме кино, где идет смотр короткометражных фильмов; на заводе Лихачева — там проходят горячие встречи с гостями; в кинотеатрах и клубах, где демонстрируются фильмы, получившие премии на предыдущих московских фестивалях, и показывают картины с участием лучших актеров мирового кино. Он в кинокадрах, флагах и транспарантах, что украсили площади столицы, и дома, в телевизоре, перед которым в этот час непременно соберется вся семья — фестивалю все возрасты покорны.

Гостиница «Москва» — главный штаб фестиваля.

— Что вы хотите увидеть, с кем познакомиться, что узнать? — спросили мы у толпившихся здесь киноболельщиков.

— Хотим видеть звезду первой величины, самого строгого члена жюри, нашего старого друга Раджа Капура и самого молодого участника!

Разумеется, привести их было не в наших силах. Мы решили показать их в журнале.

Но в фестивальном калейдоскопе нелегко разобраться. Он перевернул привычные понятия.

Так, звезду № 1 на фестивальном небосклоне по общему мнению надо было искать отнюдь не среди юных, стройных, белозубых красавиц: сенсацией первой недели фестиваля был... Закариадзе. После просмотра фильма «Отец солдата» его имя не сходило с уст, менялось только ударение в фамилии, интонация у всех была одна — восторженная!

Самый строгий член жюри? Мы решили отыскать его. Против одной фамилии стояло «37 ролей». Что ж, человек, воплотивший на экране столько образов, достоин судить игру своих коллег. Следующая цифра нас несколько озадачила: строгому судье было 27 лет! Но это была известная французская актриса Марина Влади.

Для разговора с ней не надо искать переводчика, Марина Владимировна (отсюда и ее псевдоним), как и ее сестры, известные актрисы французского экрана (они носят другие псевдонимы), хорошо говорит на своем родном русском языке. Она очень ждет «Войны и мира», русская литература всегда ей была близка, а сейчас особенно: ведь Марина работает над ролью Ирины в «Трех сестрах» Чехова. Остальные женские роли в этом спектакле будут играть ее сестры. Между прочим, чтобы заседать в жюри, Марине пришлось оставить на бабушку трех сыновей. Игорю восемь лет, Пете — семь, а Володе — всего год три месяца.

...Радж Капур в эти часы уехал строить дом, проинформировали нас коллеги. Что ж, будем пока искать самого молодого участника.

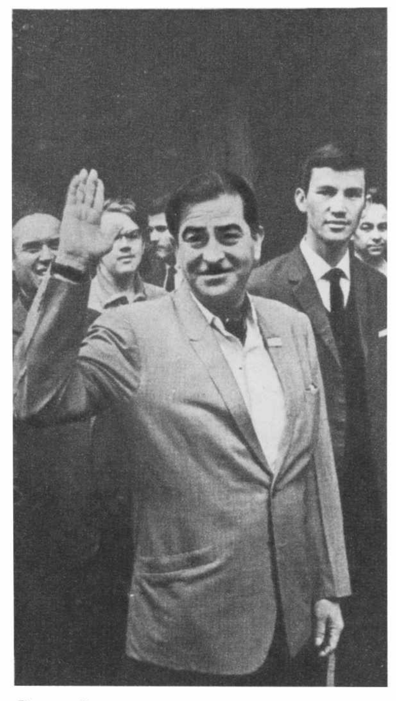
На Московском фестивале очень много фильмов о молодежи, естественно, что их играют сверстники. И все же...

Минь Дык 22 года, но в это трудно поверить: тоненькая, хрупкая, застенчивая, и голос высокий, как колокольчик. Минь Дык играет роль крестьянской девушки в фильме «Молодой солдат», который показывает Демократическая Республика Вьетнам. Это ее вторая роль; первая была вскоре после окончания киношколы в Ханое в 1960 году. Когда открылась школа, много народу захотело поступить туда — десять тысяч на сто мест. Школьница, участница художественной самодеятельности, Минь Дык выдержала экзамен. Училась она у советского режиссера Ибрагимова. Ее планы? Пока только одно — после фестиваля она едет в командировку на юг ДРВ, туда, где американские самолеты бомбят ее народ. Она должна видеть все своими глазами, чтобы потом рассказать об этом людям: «Я хочу, чтобы мое искусство служило моей родине, моему народу».

Народ — об этом, собственно, говорил и Радж Капур. Он приехал со строительства нового московского дома, где рабочие, узнав его, доверили ему поставить первую панель, и, естественно, разговор зашел о народе, о зрителе, о том, для кого творит режиссер.

— Мне очень близок девиз фестиваля «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами», — говорит Радж Капур. — Мои фильмы зачастую трагичны, но говорю я об этом с юмором, с улыбкой. Если в нашей жизни будет больше смеха, мы будем счастливее. Я четвертый раз в Москве и очень ценю московского зрителя. Он дал мне уверенность в нужности моей работы, у вас люди очень тонкие, эмоциональные, быстро схватывают основное. Когда мне говорят в Индии, что я у вас популярен, я отвечаю: это не я, а душа того молодого человека, который играл Бродягу, душа молодого человека Индии, который хочет найти свое место в жизни. Сейчас я привез три своих фильма. «Сингам» — последняя моя работа. Они очень разные по форме, но тема везде одна: маленький человек и его место в жизни.

...Так состоялась эта заочная пресс-конференция, которую мы провели по просьбе кинаболельщиков, что стоят у гостиницы «Москва». Ее, правда, нет в программе фестиваля, но там столько всяких встреч, мероприятий, конференций, что одной больше — не беда.

Старый друг москвичей Радж Капур.

Дочь прославленного генерала

Недавно мне довелось быть в Липецке. Там я познакомился с бывшим военным фотокорреспондентом Иваном Александровичем Нарциссовым. Он работал в газете 2-го гвардейского стрелкового корпуса, в который входила Панфиловская дивизия.

Иван Александрович показывал мне фотографии девушки-солдата — дочери легендарного героя. Валя Панфилова служила в дивизии, которой командовал отец. Она добровольно ушла на фронт, стала медсестрой. Иван Александрович вспомнил, что сослуживцы всегда отзывались о Вале Панфиловой как о храбром, самоотверженном воине. Сфотографировал он ее в 1942 году под Калинином. На село, в котором находился медпункт, налетело 20 фашистских бомбардировщиков. Загрохотали разрывы. Валю ранило в голову. Ей сделали перевязку, и она продолжала без устали оказывать помощь раненым.

Стойко, как и подобает воину, перенесла Валя весть о гибели отца.

Вскоре Валя Панфилова вступила в ряды Ленинской партии.

Сейчас Валентина Ивановна Панфилова живет в Алма-Ате. Валентина Ивановна замужем, у нее четверо детей.

В. СОКОЛОВ

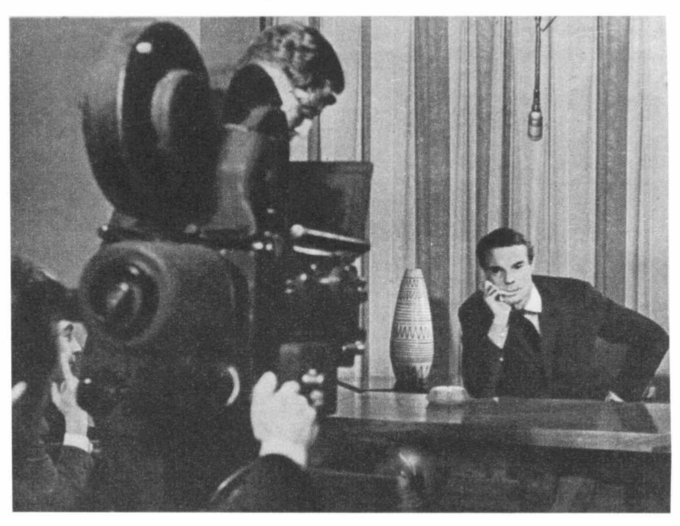
САМАРКАНДСКИЕ

В Самарканде на городище Афрасиаб, где в древние времена располагался город, археологическая экспедиция Академии наук УзССР под руководством доктора исторических наук В. А. Шишкина извлекла из-под толщи земли бесценные памятники старины.

На стенах вскрытого жилого комплекса VI—VII веков — высокохудожественная роспись, сделанная клеевыми красками на глиняной штукатурке. В одном из поме-

Лучшее созвездие фестиваля—звезды космические и кинематографические Марина Влади и Алексей Леонов.

Кто вы! Об этом не спрашивают у актера из ФРГ Томаса Хольцмана. Все знают, что он — «Зорге».

Народный артист СССР Серго Закариадзе, он же отец солдата.

НАХОДКИ

щений, где производит раскопки научный сотрудник Д. П. Вархотова, обнаружены своеобразные жанровые картины, которые располагаются на стенах в три яруса. Они изображают шествие с подарками, мужчин и женщин, одетых в богатые костюмы, а также реальных и фантастических животных.

— Все эти редкие творения древних художников,— рассказал Василий Афанасьевич Шишкин,— свидетельствуют о высоком мастерстве зодчих и художников. Наряду с ранее открытыми памятниками искусства Хорезма, Пенджикента, Варахши росписи и письмена Самарканда дают богатейший материал для изучения истории культуры раннего средневековья Средней Азии.

Они несколько отличаются от художественных творений Хорезма, Пенджикента. Более тонкая и изощренная роспись дает право предполагать, что в Самарканде была своя художественная школа мастеров. Открытый жилой комплекс решено превратить в музей.

Я. БАКМАН

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

В. НИКОЛАЕВ

Многолик мир бизнеса. Но и при всем его многообразии нельзя не удивиться, столкнувшись с такой его сферой, как карточная игра. Это тоже бизнес. Около зеленого стола греют руки не только шулера и богатые бездельники, но и содержатели игорных центров и издатели газет, в которых постоянно отводится место для картежного обозревателя.

Апофеозом картежного бизнеса, его светлым праздником являются всемирные чемпионаты. Здесь, как принято считать, царит чистое искусство. Здесь не место грубому азарту и тем более шулерству. Здесь собирается всемирная элита, виртуозы туза и семерки, цель которых — эстетическое наслаждение и дальнейшее совершенствование тонких приемов.

Очередной, 13-й всемирный чемпионат по бриджу состоялся в Буэнос-Айресе, в роскошном отеле «Плаца». Пара на пару вступали в единоборство представители США, Англии, Аргентины и других стран. Зал с искусственным климатом, мягкие, покойные кресла и специальные столы, безупречно вежливые и серьезные джентльмены (игроки, судьи, комментаторы газет, радио и телевидения), избранная публика — короче говоря, все солидно и серьезно.

В ходе многодневных соревнований сразу выявилось превосходство английской пары — 53-летнего карточного аса Бориса Шапиро и его 51-летнего партнера Теренса Риси. Эта пара еще до начала чемпионата считалась самой сыгранной, ибо ее спортивный стаж исчисляется 25 годами.

Встретившись за карточным столом со своими американскими соперниками, Шапиро и Риси начали быстренько разделывать их под орех. Раздосадованный таким ходом дела, американский игрок Джей Беккер с ненавистью поглядывал то на одного, то на другого англичанина. А те продолжали уверенно переигрывать Беккера и его партнера. И тут Беккер заметил, что англичане время от времени меняют положение пальцев той руки, которой держат карты. То пальцы вместе, то врозь, то два пальца сверху, то четыре. Да и пальцы свободной руки тоже временами идут в ход.

Судьи, похожие на жрецов, записали в таблицу очередной выигрыш англичан, а Беккер теперь начал ходить на все игры чемпионата с участием Шапиро и Риси. О тяжких подозрениях он поведал своему партнеру Дороти Хейден, и она вместе с ним стала изучать метод «игры» английских картежных рыцарей. Затем они посвятили в это дело комментатора газеты «Нью-Йорк таймс» и капитана своей команды. Теперь за английской парой наблюдала уже целая комиссия из четырех человек. Эта авторитетная комиссия постепенно расшифровала сигнальный код англичан. С этим открытием американцы направились во вражеский стан — к капитану английской команды Свиммеру и председателю Английской лиги игроков в бридж Батлеру. Последние вместе с четырьмя американцами посмотрели на очередное выступление Шапиро и Риси. Все было ясно. Шулера!

В доброе старое время в таких случаях, говорят, хватались за подсвечники... Но в середине XX века в отеле «Плаца» состоялась совсем иная процедура. Был срочно созван комитет Всемирной лиги игроков в бридж. Шапиро и Риси были официально обвинены в шулерстве. Оба с привычным хладнокровием картежных асов все отрицали. Экспансивный капитан итальянской команды громогласно заявил: «Я адвокат по уголовным делам. Я не верю, когда есть 99 процентов доказательств. Мне нужны все сто!» И тут нервы достопочтенного английского капитана Свиммера не выдержали. Слезы брызнули из его благородных глаз. Он воскликнул: «У нас в руках не 99 и даже не 100, а все 110 процентов!» Кто знает, что имел в виду незадачливый капитан Свиммер. Пути картежников неисповедимы. Быть может, он считает «виновными» Шапиро и Риси только в том, что они попались?

Шапиро и Риси, однако, и тут не растерялись. Риси не без сарказма заметил: «Когда выбираешься наверх, то завистники всегда тянут тебя вниз».

Молодость янтарного края

Антанас СНЕЧКУС,
первый секретарь ЦК КП Литвы

Вопрос. Нашим читателям хорошо известны успехи Литвы в промышленности и сельском хозяйстве, в науке и культуре. Мы хотели бы попросить вас, Антанас Юозович, рассказать об успехах в самой сложной сфере жизни республики — о ее новых кадрах, ее строителях.

Ответ. Пожалуй, вы правы. Это действительно сложный процесс. Говорят, труднее сформировать характер конструктора машины, его образ мыслей, чем сконструировать саму машину. Я уже много лет на партийной работе и по собственному опыту знаю: можно наметить очень правильную политику, задумать великолепные дела, но все затрещит по швам, если не будут подготовлены люди, способные вершить эти дела.

Известно, что четверть века назад народ Советской Литвы получил от буржуазного строя весьма скудное наследство. В «независимой» Литве почти вся промышленность принадлежала иностранцам. И разве могла в этих условиях идти речь о широкой подготовке кадров — инженеров, техников, агрономов, квалифицированных рабочих! Вы, конечно, можете сказать, что была и в буржуазной Литве своя интеллигенция. Да, была. Более того, считали, что в Литве имеется даже излишек интеллигенции, хотя на тысячу жителей было всего лишь два человека с высшим образованием. В чем же тут дело? Интеллигенция не находила применения своим талантам. Ваш журнал уже писал о старом литовском высокообразованном инженере Смильгевичюсе. Его волновала такая проблема: почему Литва должна платить втридорога бельгийской концессии за электроэнергию, когда она сама может производить ее дешево? Казалось бы, инженера должны были поддержать. Ведь это логично. Но в мире не всегда господствует логика. Наоборот, ему предложили молчать и не вести лишних разговоров о своих проектах. И вот способный инженер, сумевший уйти намного вперед своего времени, вынужден был работать не по своей специальности, чтобы иметь кусок хлеба. Это характерный для литовской интеллигенции пример. Таких, как Смильгевичюс, было много. Но если он бесплодно мечтал об электростанции, то, скажем, о литовских радиоприемниках, литовских морских судах, счетных машинах, телевизорах и радиолах — об этом никто и не мечтал. А теперь все это есть. Идет литовский цемент, и производит его один из лучших в Советском Союзе красавец завод в Акмяне; есть и телевизоры и счетные машины, есть и литовская большая химия: суперфосфат и азотные удобрения, пластмассы и ацетатный шелк. И все это потребовало целой армии молодых специалистов. А начинать здесь пришлось, как говорят строители, с нулевого цикла. О том, как мы смогли подняться над этим нулевым циклом, читателям «Огонька» скажет такая цифра: из всех специалистов, занятых сейчас в народном хозяйстве республики, 94% получили высшее и среднее специальное образование в годы Советской власти. Наших инженеров ныне встретишь и в других союзных республиках, а на предприятиях, стройках, в институтах Литвы — опытных специалистов, приехавших к нам из Российской Федерации, Украины, Белоруссии, приехавших не на месяц, не на год, а навсегда. И в этом — одно из ярких проявлений великого братства советских народов.

Вопрос. Какую роль играет сейчас молодежь в жизни Литвы?

Ответ. Восемьдесят процентов специалистов в народном хозяйстве Литвы—люди, едва перешагнувшие за третий десяток.

Я хочу представить вашим читателям нескольких таких строителей нашей республики, воспитанников комсомола, молодых коммунистов.

Практикантом пришел на стройку Неманской ГЭС Виленишкис. Сейчас он крупный и известный не только в Литве строитель электростанций. Рядовым инженером начал свою трудовую жизнь на Акмянском цементном заводе воспитанник Каунасского политехнического института Леопольдас Петравичюс. Теперь он директор этого комбината, отличный руководитель. Когда вы приедете на это предприятие, вам покажут цеха с высокой культурой производства. Новые человеческие отношения примечательны для тех, кто трудится на этом новом заводе. А трудится здесь почти во всех цехах молодежь.

Это характерно для многих заводов. Средний возраст работающих на таких предприятиях, как радиозавод, кабельный, не превышает 26—28 лет.

Очень сложный участок — колхозное производство. Наши враги, литовские буржуазные националисты, не раз каркали: «Новые заводы, может быть, вы и построите, а колхозы — никогда!» И приводили старую литовскую поговорку: «Общая лошадь всегда худая». Они и тут ошиблись! Новая жизнь заставляет пересматривать старые поговорки. Выросли в колхозах и совхозах республики такие хозяева, такие специалисты, что бывшие помещики им и в пастухи не годятся!

Стасис Ионикас после окончания сельскохозяйственной академии пришел в отстающий колхоз. Минуло немного времени, и из колхоза «Пирмин» начали поступать добрые вести. Ионикас стал приметным человеком в сельском хозяйстве. Его пригласили в аппарат министерства. Он встал во главе важного участка работы министерства сельского хозяйства. Но через некоторое время пришел в ЦК и сказал: «Моя работа важная и ответственная, и условия для нее хорошие, но она не по мне. Мне бы опять в колхоз. Там я хорошо знаю, что надо делать». И очень скоро снова все заговорили об Ионикасе, о достижениях руководимого им колхоза.

Нет, мы не боимся перепроизводства интеллигенции, хотя нынче студентов у нас в 9 раз больше, чем в 1939 году. Нам пока специалистов еще не хватает. Нам нужно много знающих, образованных людей и для села и для города. И мы их подготовим. Наша республика уже сейчас по числу студентов на 10 тысяч жителей намного обогнала Англию, Италию, Голландию.

Вопрос. Какое место молодежь занимает в развитии науки?

Ответ. Может быть, читателям «Огонька» будет интересно узнать, что одна из старейших высших школ СССР, Вильнюсский университет — год его рождения 1579-й,— имеет самого молодого в стране ректора — Йонаса Кубилюса. Его имя известно ученым многих стран. Он глава школы наших молодых математических талантов, развивающих теорию вероятностей и математическую статистику. Ректор Каунасского политехнического института Марионас Мартинайтис—тоже молодой человек. Большинство наших ученых, ведущих исследования в самых разных областях науки,— молодежь. Это, однако, не означает, что ученые старшего поколения уже сложили оружие. Они по-молодому дерзают рядом с молодыми. Недавно общественность Литвы отмечала 80-летие старого литовского лингвиста, профессора Юозаса Бальчикониса. Вместе со своими учениками он хорошо потрудился над составлением литовского словаря, шесть томов которого уже вышли. Очень многое сделал для подготовки кадров бурно растущей в республике большой химии наш «главный химик», маститый ученый, президент Академии наук Литвы Юозас Матулис.

Молодежь задает тон и в литературе и в искусстве. Стране известен лауреат Ленинской премии скульптор Гедиминас Иокубонис. Недалеко от Вильнюса стоит окаймленная лесами деревушка трагической судьбы — Пирчюпис. В годы войны многие ее жители пошли в партизаны, и гитлеровцы в отместку сожгли деревню и всех находившихся там жителей. В этой литовской Лидице высится скромная и вместе с тем величественная фигура «Пирчюпской Матери» — монумент, созданный Иокубонисом. Пирчюпису посвятил свою волнующую поэму «Кровь и пепел» молодой поэт Юстинас Марцинкявичюс. В его творчест-

Вильнюс предпраздничный

Фото Д. Ухтомского.

Новый квартал Вильнюса.

ве большое место занимает тема формирования коммунистического сознания. Мы радуемся успехам писателя Ионаса Авижюса, художника Стасиса Красаускаса, архитектора Ниёле Бучуте... Хочется поддержать смелые поиски нового в творчестве наших молодых архитекторов, мастеров интерьера, витражистов.

Вопрос. Вы рассказали нам о молодых людях Литвы. Как формируется их духовный облик?

Ответ. Я напомню слова Программы партии: «У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР».

Люди старшего поколения часто задумываются: «Сумели ли мы достойно передать своей смене эстафету, пронесенную через суровые годы революционного подполья, через трудные годы социалистической стройки, сумели ли мы зажечь в молодых сердцах готовность посвятить свою жизнь служению обществу?» Мне думается, что сумели.

Революционные традиции старой большевистской гвардии, слава героев, боровшихся против литовской буржуазии, против гитлеровцев, слава героев классовых битв первых послевоенных лет Прибалтики, очень остро и повседневно ощущаемая нами дружба и взаимопомощь советских народов — все это не могло не сказаться на идейной закалке литовской молодежи.

...Я помню письмо, написанное товарищем по подполью, секретарем ЦК компартии Каролисом Пожелой перед казнью: «Товарищи! Я работал, сколько мог, умираю за нашу общую цель. Желаю и вам работать, работать, бороться, пока не победите...»

Сын Каролиса Юрас Пожела выполняет завет отца. Этот молодой человек уже много успел сделать для развития советской науки. Специальностью отца была революция, специальность сына — физика. Но у обоих на вооружении — марксистско-ленинское мировоззрение.

...Депутат сейма от крестьян коммунист Беляускас был среди тех, кто провозглашал в Литве Советскую власть, принимал закон о передаче земли батракам и беднякам. Сын его Витас в годы войны с фашизмом сражался в партизанском отряде, а теперь он председатель колхоза.

Пример отцов воспитывает в детях революционную стойкость.

Буржуазная пропаганда все еще не оставляет надежды перетянуть нашу молодежь на свою сторону, играя на ее национальных чувствах: радиостанции вражеского стана ежедневно «работают» на Литву, вопя об утерянной ею национальной «свободе». Но наша молодежь понимает свободу иначе, чем буржуазные пропагандисты. Она знает, что настоящая свобода — это свобода трудиться без доморощенных и зарубежных эксплуататоров, свобода жить, творить для общества, для коммунизма.

Мне часто приходится встречаться с молодежью, и я с радостью вижу: эстафета — в руках, крепнущих год от года.

Жизнь

Антанас ВЕНЦЛОВА

Сверстнику

Скачками пробегает жизнь.
Но есть рубеж, когда с пролога
ты вновь погонишь тень былого
по вехам радостей и тризн.

Глазами сменщиков своих
себя увидишь поневоле,
как нечто близкое Аполе[1] —
осколком от времен иных.

Рожден под доброю звездой,
ты выбрался со дна окопа,
где корчилась твоя эпоха,
живя надеждою одной.

Ты поименно называл
не все. Молчания избыток
над миллионами убитых
и над живыми нависал.

Была эпоха ключевой.
Она нередко подавляла.
Легко себе уподобляла.
Случалось это и с тобой.

Но, веря в жизни торжество,
ты побеждал и смерть и низость,
чтоб завтрашние дни приблизить,
и ты добился своего.

[1] Аполе — древнее литовское городище.

Поэзия

...И в гуще сада вдруг проглянет
сиреневая ветвь, росою сплошь
покрыта...
Прокатываются под кораблями
причудливые глыбы малахита...
Птенец, лежащий на ладони,
и величавое раздолье,
свод радуги,
ее двойник —
гудящий беспрерывно мост,
луч, нанизавший на себя родник...
Планет и звезд
в пустынях неба
странствия...
Мерцанье светлячков...
Электростанция
у Немана...
Глаза счастливца...
Рассыпанные в сумраке огни...
И долгожданное вот-вот
осуществится.
Весна и утро возвращаются.
Взгляни:
опять пылают факелы рассвета,
опять объят пожаром край
востока,
и вот уж все великолепье
спектра
хвостом павлиньим ударяет
в окна!
Опять, как ливни, рассекают зерна
подернутое дымкой чрево пашни.
Всплывает солнце
из-за горизонта.
И должен этот день затмить
вчерашний!
Деревья закачал пьянящий ветер,
и лес уже не черен, не угрюм,
и потянулось к солнцу все
на свете,
и торжествующий пронесся шум!
И нечто ввысь безудержно
стремится
со дна души, подобное ростку.
И, словно стебелек тугие листья,
слова одели первую строку.
Мелодия возникла незаметно.
А небо и земля уже тихи.
И трепетные, будто струны ветра,
звучат новорожденные стихи...

Перевел с литовского Л. МИЛЬ.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Место в порту

О. КУПРИН

Путь от дома до работы занимает у Иозаса Гульбинаса всего минут десять. Он живет в новом доме вблизи торгового порта. Так что дорога очень простая. Сначала два пролета по лестнице. Потом несколько сот шагов по узкому переулку до проходной. Там, рядом с газетным киоском, доска почета. Вторая слева — фотография старшего крановщика Иозаса Гульбинаса, на ней он в новом костюме, аккуратно причесанный.

Точно такой же снимок он видел в Одесском порту, написано под ним было по-украински, дескать, работает в Клайпеде передовик, нормы перевыполняет, с него пример надо брать. И в Ленинградском порту и в Рижском — опять та же фотография.

Через проходную Гульбинас попадает на территорию порта. Полдороги от дома до рабочего места, считай, отшагал. Теперь через железнодорожные пути к своему портальному крану.

...Рычаг от себя вниз—стальные челюсти грейфера опускаются в угольный курган, глотают солидную порцию. «Знать, проголодался, дружище!» Вали рычаг в сторону — и стрела вместе с кабиной повернется туда же.

Грейфер раскачивается между двух флагов. Один полосатый — синий, белый, красный. Другой одноцветный — красный. Первый — французский, второй—наш, советский. Значит, пожаловал за углем француз. А красный флаг на его мачте — знак уважения к гостеприимному хозяину, к Советскому Союзу, к его, Гульбинаса, стране.

С палубы кто-то машет рукой:

— Привьет, камарад!

Крановщиком Иозас работает давно. Предлагали ему несколько раз вспомнить старую профессию шофера, поколесить по республике, а то и по стране — отказывался. Отвечал коротко: «Тут мое место». Или с улыбкой: «Тут моя боевая позиция». Мало кто догадывался, что вкладывал он в эти слова.

Иозас освоил за свою жизнь несколько профессий. Первая перешла к нему по наследству от отца. Мальчишкой Иозас орудовал в кузнице у горна. Пробовал браться за молот, да мал, видно, был, рановато. Но взяться пришлось все-таки раньше времени,

потому что отец умер, когда Иозасу шел шестнадцатый год, и остался он в семье старшим сыном, кормильцем. Ладил плуги и другой нехитрый крестьянский инструмент. Подковывал коней всей округи. Он знал их по кличкам, мог бы узнать по копытам, если потребовалось бы.

В 1940 году одним из первых посланцев Советской власти в небольшое село под Шяуляем приполз трактор, потом второй, третий... Жизнь пошла побыстрее, дни летели незаметно, заполненные массой всяческих дел. Гульбинас бегал на курсы механизаторов. Научился водить и трактор и автомобиль. Работал шофером.

Потом снова взялся за молот. Но это уже в сорок первом, когда началась фашистская оккупация.

Село стояло вдали от больших дорог, и немцы туда заходили редко. Жизнь словно опять остановилась. Крестьяне притаились по хуторам, тихо ждали, что будет дальше. Иозас теперь частенько просиживал целые дни в кузнице один, разводил огонь в горне и смотрел на красные языки пламени. Его тяготили эти часы и минуты, уходившие даром, однообразные и скучные. Иногда опять ковал лемехи, а хуторские лошади топали старыми довоенными его подковами по другим дорогам. Лошадям что? Им все равно, где топать и какой груз возить.

И такая стояла страшная вокруг тишина, что Гульбинас порой не выдерживал и колотил по какой-нибудь старой железяке, вкладывая в удары всю свою тоску по настоящей работе. Ему казалось, что под грохот железа легче думать, но мысли наталкивались одна на другую и спутывались в тугой клубок. Его крестьянский ум не в силах был пока осознать, что произошло за последние годы с его Литвой и кто он такой, Иозас Гульбинас, где его место и кому он должен теперь служить. Не помещикам же, будь они хоть свои — литовские, хоть пришлые— немецкие? Так вот жизнь пройдет, и никто на белом свете не узнает, какой ты есть, Иозас? Судьба человека во многом зависит от судьбы его родины. А судьбу родины делают люди. Но как? Что он может один?

Ответ пришел через три года, в тот день, когда стук его молота в кузнице потонул во всезаглушающем грохоте артиллерийской канонады. Страшная тишина раскололась для Иозаса навсегда. В тот день он твердо решил, что пойдет вместе с грохотом дальше, чтобы не вернулись в Литву старые времена и старые порядки. Вскоре Гульбинас уже освоил еще одну профессию — стал наводчиком противотанкового орудия, бойцом 16-й литовской дивизии.

О том, что здесь Гульбинас был не последним человеком, свидетельствовали медаль «За отвагу» и орден Славы. Когда командир вручал награды, Иозас, тогда еще плохо говоривший по-русски, твердо чеканил:

— Служу Советскому Союзу!

Эти три слова он произносил почти без акцента, смело и уверенно. Они были очень важными, эти слова. Впрочем, конечно же, не слова, а то, что за ними стояло.

Война катилась на Запад. Советская Армия вышла к Балтийскому морю, зажав в крепкие тиски Клайпеду — последний оплот фашистов на литовской земле. Немцы хотели сделать Клайпеду неприступной крепостью, опоясали город девятью линиями траншей, построили вокруг него множество железобетонных укреплений.

Бывший кузнец в ту пору стал уже командиром орудия. Его пушка участвовала в артподготовке перед началом штурма Клайпеды. А дальше... Дальше нужно было ворваться вместе с атакующими группами в город, пробиться через него и выйти к морю.

— Запомни, Гульбинас,— твое место в порту. Надо, чтобы утром твоя пушка стояла на причале. Действуй! — сказал командир дивизиона Ионас Крикчикас.

Клайпеда горела. То там, то здесь гремели взрывы, немцы заминировали чуть ли не весь город. Пробираться приходилось через груды развалин, сквозь бушующее пламя пожарищ. Лошадей пришлось оставить. Несколько трудных часов через огонь и смерть шел Гульбинас в порт. Теперь этот путь он проделывает за десять минут.

Глубокой ночью орудие Иозаса Гульбинаса заняло позицию на причале морского порта.

— Тут теперь наше место,— сказал командир, осматриваясь по сторонам.

Порта не существовало. Здания складов разрушены. Причалы завалены исковерканными стальными конструкциями. В свете догоравшего пожара были видны три развороченные стрелы кранов. Они, как громадные кресты, высились над этим кладбищем мертвого железа. У причалов в воде слегка покачивались льдины. Говорят, что море замерзает у Клайпеды раз в пятьдесят лет. Наверное, 1945-й был именно тем редким годом.

Солдаты отыскали неподалеку от позиции орудия хорошую немецкую землянку. В железной бочке, заменявшей печку, еще теплились угли. Они долго сидели молча вокруг нее и ловили вытянутыми вперед ладонями скупое тепло.

Три дня простояла пушка Гульбинаса на причале морского порта и не сделала ни одного выстрела. Немцы поспешно отступили. За эти дни Иозас вдоль и поперек исходил то, что раньше называлось портом, все осмотрел, все изучил. Теперь он знал тут каждый уголок не хуже, чем в собственном селе. Ему был особенно дорог этот небольшой пятачок литовской земли, потому что трудна была к нему дорога, потому что много друзей не дошло сюда, потому что он, кузнец из литовского села, отнял у фашистов город, принадлежавший испокон веку его народу.

Домой Гульбинас вернулся из госпиталя, когда война уже закончилась. Ковылял от хутора к хутору с палочкой, навещал старых знакомых. Бабы вздыхали, завидев его: «Молодой какой, а инвалид». Инвалид через год забросил куда-то палку и сел за баранку грузовика. Его считали лихим шофером.

Но однажды... Однажды он просто-напросто уехал. «Просто-напросто» потому, что, казалось бы, особых причин для отъезда не было. Кем собирается работать, он никому толком так и не сказал, хотя сам знал точно и решил уже давно.

Иозас пришел в порт, его зачислили на курсы крановщиков. Еще одна профессия Гульбинаса. Последняя. На всю жизнь. Потом его привели к причалу порта, показали на арматуру, сложенную на земле, сказали:

— Это твой кран. Надо начинать монтаж. Тут будет твое место. Чего ты улыбаешься, Иозас?

— Ничего. Просто хорошее место.

Стрела будущего крана лежала как раз там, где два года назад стояла пушка, а кабина на месте землянки, в которой грелись солдаты в ту морозную январскую ночь. Случаются же такие совпадения!

Тогда его кран был отмечен номером десятым. Сейчас Иозас работает на двадцать восьмом. Двадцать восьмой — не последний, не самый молодой в порту. Посмотришь из кабины — что вправо, что влево, — полнеба в стальном узоре стрел. Если пользоваться артиллерийскими понятиями, то не батарея и не дивизион, а целый полк портальных кранов. И полк интернациональный. Стоят рядом на «боевых позициях» уроженцы Ленинграда, другие — из ГДР, Венгрии...

Недавно на собрании начальник порта называл цифры. Получилось, что с того дня, как пришел Гульбинас на десятый кран, грузооборот порта увеличился в семь с лишним раз...

— Финиш! Камарад! Финиш!

Француз поднимает руки над головой, сжимает их в рукопожатии. Значит, судно загружено полностью.

— Финиш! — отзывается крановщик.

— Спа-си-бо! — кричит француз по-русски.

Иозас машет ему рукой: в добрый путь, дескать, мсье, до скорой встречи.

Теперь небольшая передышка. Минуту можно посидеть просто так, подумать о чем-нибудь. Что-то часто стал задумываться Гульбинас о такой неуловимой вещи, как время. Наверное, стареет. Во всяком случае, он так считает. А какой он старик в сорок-то четыре года?

И все-таки он думает о времени. В порту работает уже восемнадцать лет. Разве мало? Для жизни человеческой весьма внушительный срок. Прикинуть бы, сколько тонн перетаскал за эти годы — впору счетной машине бить челом, она, может быть, и выяснила бы. Только разве в этом дело? Ну была бы цифра. Наверное, очень большая. Сколько наработал человек за месяц, за год или даже за жизнь, выразить цифрой, пожалуй, можно. А сколько дала та работа человеку мыслей, чувств, мужества,— это уже другая статья.

Порой одна или две тонны потяжелее иных тысяч. Были такие у Гульбинаса. Он их автомобильным краном перенес из воды на грузовики. Не уголь, не ящики с яблоками, а мины. Водолазы отыскали их на дне залива под самым причалом. Страшный был груз, и от мастерства Иозаса зависело тогда, отбросят ли эти стальные болванки своим взрывом Клайпедский порт на несколько лет в прошлое или громыхнут впустую где-нибудь в безлюдном уголке. Все хорошо кончилось — и порт стоит и растет, и Гульбинас жив-здоров, и время идет вперед без остановок, изменяя все вокруг.

Ездил Иозас в свое родное село. Теперь там колхоз «Красное знамя». Кузницы его нет. Не одно десятилетие простояла, а ныне нет. Время ее снесло, срыло до основания. В колхозе сейчас шестьдесят с лишним тракторов, размах не тот, люди другие, и другая у них судьба, потому что у республики его тоже судьба иная, двадцать пять лет исполняется новой судьбе. Не будь того июльского дня сорокового года, когда стала Литва советской, стояла бы ветхая его кузница, и крестьяне хоронились по-прежнему по хуторам, батрачили, и время бы ползло черепахой.

Да, кстати. Смешная вышла история. На соседнем причале стояло на погрузке судно, готовилось идти тоже во Францию. В трюмы бережно опускали небольшие ящики. Многие прибегали посмотреть. Очень уж необычный груз — черепахи. Сложены они были в ящиках друг на друга, как консервные банки. Зашел туда и Гульбинас, посмеялся вместе с приятелями. Веселые мысли приходили на ум, особенно когда старичок, сопровождавший груз то ли с Кавказа, то ли из Средней Азии, похвалялся, какой вкусный суп получается из черепах. Еще он сказал, что этим черепахам лет по двадцати и что вообще они живут лет по триста.

И, как часто бывает у Гульбинаса, смешная эта история неведомо какими путями привела к размышлениям совсем иного рода. Зачем, скажи на милость, черепахе триста лет? Несправедлива природа. Гульбинасу бы такую долговечность, дожил бы он тогда до 2221 года. Вот бы посмотреть, как там все сложится. Черепаха-то ни черта не поймет. И сравнить не сможет, что было и что стало. Никаких у нее переживаний. Старичок — черепаший академик — сказал, что весь секрет ее долгой жизни в том заключается, что ползает она и никуда не спешит. Пресмыкающиеся, объяснял он, вообще почти не стареют. И опять несправедливо: что толку в их трехсотлетней молодости?

Иозас снова вспомнил старое свое село, кузницу, увидел себя парнишкой у пылающего горна. Как давно это было. Молот, плуги, подковы, кони хуторские, которых он узнавал по копытам. И что ты за человек был тогда, Иозас? Дальше своего носа не видел. А сейчас вот портальный кран. Мимо корабль плывет. Значит, еще один гость пожаловал. Флаг опять красно-бело-синий. Но это не француз, а голландец. У того полосы вертикальные, у этого — горизонтальные и не в той последовательности.

Двадцать пять лет прошло, а изменений столько, что в прежние времена и трех столетий не хватило бы. И если ты имеешь к тем быстрым двадцати пяти годам прямое отношение, наверное, ты и есть по-настоящему счастливый человек.

...Там, где в сорок пятом стояло орудие Иозаса Гульбинаса, работает новый портальный кран. Это недалеко, метров двести. А там, где была землянка, лежат штабелями тугие мешки сахара, только что приплывшие с Кубы.

Здесь была дорога на Ключевец...

Советские и чехословацкие солдаты — герои битвы с водой.

ПОЕДИНОК НА ДУНАЕ

Специальный корреспондент «Огонька» Генрих ГУРКОВ

Фото автора.

Мотор огромного транспортера-амфибии свирепо взревел, словно возражая против нового рейса, и мы двинулись в путь. Мелькнула слева возле обочины табличка с названием села — Пастухи, совсем как в России.

Дорога густо разрисована гусеницами: транспортеры утюжили ее десятки раз на дню. И так почти две недели.

По суше путь недолгий. Несколько минут — и перед нами вода. Она всюду, куда ни посмотришь,— слева, справа, впереди. Под водой поля. Под водой урожай, а он обещал быть очень щедрым. Верхушки деревьев, устремившиеся двумя рядами вперед, напоминают, что здесь была дорога. Сейчас ее не видно, транспортер плывет над ней.

Проплываем над бывшим мостом. Поворот. Мы в деревне Жилийска Радвань. Страшная картина человеческой беды. Один разрушенный дом, второй, третий... Вон там у дома рухнула стена и видна кухня: посуда стоит на полках аккуратно и сиротливо, вышитые рушники висят возле раковины... У некоторых построек часть крыши еще держится, а другая обвалилась, и издали кажется, будто дома под ударами воды стали на колени.

Дома стали на колени. Люди — нет. Вся Чехословакия ведет в эти дни борьбу с неслыханным бедствием, обрушившимся на южные районы страны.

А случилось все вот как...

С ранней весны уровень воды в Дунае начал стремительно и зловеще возрастать. Таял снег в горах, неделями шли проливные дожди. Под водой оказались некоторые деревни Баварии. Возникла угроза наводнения и в Южной Словакии. В районы, которым угрожала опасность, были направлены части Чехословацкой армии. Началась работа по укреплению берегов. Многие десятки километров, многие часы и дни труда. Было организовано круглосуточное наблюдение. Армейские грузовики и понтоны стояли в боевой готовности.

А уровень воды все поднимался. Обычно здесь этот уровень — около 3,5 метра. Но в этом году в течение 58 дней вода стояла на отметке 6 метров, 33 дня — на уровне 7 метров, 10 дней — на уровне 8 метров. Количество протекавшей воды было в 3—4 раза больше обычного. Зеркало Дуная в некоторых местах поднялось на 6—7 метров выше земли. С невероятной силой Дунай давил на насыпные берега и дамбы, размывал их. Положение стало критическим. Началась эвакуация придунайских сел. 45 тысяч человек, 80 тысяч голов скота за короткий срок вывезли спасательные команды.

А Дунай готовился к следующему удару. 13 июня в районе Братиславы вода поднялась до отметки 837 сантиметров, на следующий день — до отметки 900 сантиметров, а 15 июня уровень воды достиг 920 сантиметров! Такого еще не было в истории.

Берега не выдержали...

Когда вода рванулась в деревни Южной Словакии, большинство людей и сельскохозяйственных животных было уже в безопасности. Большинство, но не все. Требовались чрезвычайные меры. По просьбе правительства Чехословацкой Социалистической Республики в некоторые районы, где сложилась особенно тяжелая ситуация, были направлены подразделения Советской Армии, находящиеся, в соответствии с Варшавским Договором, на территории соседней Венгрии.

...Я их увидел на большом школьном дворе, советских солдат и чехословацких. Сразу и не разберешь, где кто: форма похожая, к тому же они поменялись знаками отличия, и на пилотках многих наших ребят — чехословацкий лев, а у чехословаков — наша звездочка.

Майор Виктор Семенович Перьков, командир подразделения, приземистый, крепкий человек, собранный и деловитый, рассказывает коротко и четко:

— После прорыва дамбы в районе Медведова мы получили приказ выйти на помощь. Спешили, как могли. Несколько дней и ночей на тяжелых плавающих транспортерах вывозили людей, имущество, скот. Спали по два часа, сменяя друг друга. Человеческих жертв нет. Животных тоже вывезли всех — утонули только две коровы да несколько поросят. Сейчас вывозим тракторы, машины, которые оказались под водой. Люди работали как надо, даже не знаю, кого из них выделить, все потрудились хорошо. Ну, вот, например, младший сержант Геннадий Петренко...

Майор подзывает светловолосого солдата. На гимнастерке у него — значок отличника Чехословацкой армии.

Петренко? Фамилия знакомая. В сегодняшнем номере «Руде право» говорится о радисте с Урала, не спавшем несколько ночей. Он устал до того, что носом хлынула кровь. Солдат намочил полотенце, прилег на минуту, потом сказал: «Это ничего»,— и снова побежал работать.

Рассказываю об этой корреспонденции Петренко — тот смущенно заулыбался:

— Таскал долго мешки с зерном. А вода там выше пояса. Ну, так и получилось...

— Долго еще служить?

— В октябре домой.

— С родителями живете?

— Нет. Мама у меня умерла, а отец на фронте погиб в сорок втором — в тот же год, как я родился...

Чумазые, черные от пыли, пота, усталости, золотые наши парни! Анатолий Погришаев из Воронежа и Артем Снаплян из Майкопа, водители транспортеров, теперь, наверное, с закрытыми глазами проведут машины через затопленные Радвань и Ключевец: каждый метр дороги знаком. У лейтенанта Аркадия Фасикова, наверное, до сих пор звенит в ушах поросячий визг: больше 3 тысяч свиней вывезли с затопленной фермы госхоза Вербина. Ночью, под ураганным ветром, под проливным дождем.

Майор Мирослав Немец — командир чехословацкого подразделения, действовавшего в этом районе, рассказывал мне:

— Очень ваши помогли. В самое время подошли сюда. Скромные, добрые ребята. Да что говорить — русский солдат! Работали знаете как? Руки в крови, ноги в крови. Мне тут один старик мадьяр сказал: «В войну я русских не видел, был в Германии в американском плену, сейчас, когда вижу, шапку снимаю, и все другие так делают. Если бы не советские солдаты, плохо было бы нам здесь...»

Я видел в газете «Обрана Лиду» такие слова: «В нашей памяти свежи картины того времени, когда советские танки шли по нашей стране с гроздьями ребятишек, висевших с букетами цветов в руках на танковых башнях. В Медведове никто не думал о цветах. Но советские солдаты опять пришли спасать жизнь, пришли туда, где есть опасность».

А наши ребята с восторгом говорили о чехословаках, с которыми работали плечом к плечу. Рассказывали о сержанте Милане Севере, который спас ребенка из рухнувшего дома. Рассказывали о монтере Месароше из Брно: тот отдыхал с семьей в Ключевце, а когда началось наводнение, отправил жену и детей в безопасное место, а сам остался и вместе со всеми работает здесь...

Сегодня всюду в Чехословакии: в городе металлургов Остраве и столице ярмарок Брно, в Карловых Варах и в Пльзене, в Праге и в Ческе Будейовице — люди, раскрывая газеты, смотрят прежде всего сообщения с юга Словакии.

Сотни предприятий республики выпускают сейчас продукцию сверх плана, чтобы помочь районам, пострадавшим от катастрофы. Ущерб, нанесенный наводнением, пока еще трудно определить, но он очень велик. Разрушено много домов, под водой находится около 135 тысяч гектаров, притом самые плодородные земли Южной Словакии и Южной Моравии — житниц страны.

Положение остается сложным. Город Комарно на Дунае полностью отрезан от внешнего мира. Дороги затоплены. Ведутся большие работы, чтобы остановить воду.

...Мы возвращались в Братиславу, а навстречу по ночной дороге с включенными фарами на огромной скорости мчались тяжелые грузовики с глыбами камня. Поединок на Дунае продолжается.

Южная Словакия.

ны. В республике Лаконии всегда стараются примирить богов и чертей. Я замечал много раз, что люди не бывают либо злыми, либо добрыми; они бывают и злы и добры одновременно. Истина обычно сомнительна. Порочность людей отлично подходит для современной крикливой мелодрамы. Они успевают украсть, ограбить, совершить подлог и убийство, пока господь бог лишь развернет платок и высморкается.

Я вызвал лучших детективов моего бюро, которые пользовались в нашей партии безусловным доверием и многими благами, помимо жалованья. Конечно, они также пользовались и гражданским доверием и алкоголем в умеренных дозах. Господин Барбатус уплатил моему бюро пятьдесят тысяч долларов авансом на расходы по ведению следствия. Он бы, наверно, поторговался, если бы знал, что деньги поступят на мой счет. Таковы уж мы, люди. Недоверчивы и легковерны. Легковерны безошибочно. Господин Барбатус считал меня умным, энергичным и справедливым человеком — и в этом он не ошибся; я же находил его глуповатым, весьма ненадежным и жадным до денег — и я тоже не ошибся.

Сотрудники моего бюро были настоящие детективы современной школы. В целях безопасности они выступали под конспиративными кличками. Я отобрал четырех самых способных, известных по прозвищам: Марк-Дубинка, Секст-Косоглазый, Луций-Кастет и Фабий-Скорострел. Я знал их прошлое. У них был острый нюх, который особенно обострялся, если пахло деньгами. Они и прежде оказывали отечеству большие услуги, и благодаря им количество политических заключенных никогда не уменьшалось. Я не стану подробно описывать их характеры, так как они немного погодя сами раскроются перед вами.

Рисунки В. ГОРЯЕВА

ОБ ЭТОМ ПОМА

Мартти ЛАРНИ

Глава третья

На следующий день в газетах появилось объявление, в котором буквами с ослиную голову было обещано сто тысяч долларов награды тому (или тем), кто сумеет раскрыть тайну ограбления ювелирного магазина, принадлежащего бывшему министру внутренних дел господину Гнею Барбатусу. Независимые газеты Палинодии поместили на видных местах биографии Гнея Барбатуса и его супруги, десяток интервью и свыше сотни фотографий, на которых супруги Барбатус были показаны в различной обстановке, в различные моменты общественной и интимной жизни. Индивидуальность Ламеллы выступала лучше всего в купальном костюме. Взоры липли к ней, как пластырь. Некоторые журналисты заговорили о «возвращении Ламеллы». Партийный совет угрей собрался на экстренное совещание, считая возможным и «возвращение Гнея Барбатуса». Меня вызвал премьер-министр и высказал следующее предположение.

— Мне кажется,— сказал он,— что история с ограблением инсценирована. Барбатус ловит в этой мутной воде голоса избирателей. До выборов остается лишь полтора года. Рептилии теперь могут поднять шум, что-де наше правительство не обеспечивает гражданам защиты их прав.

— Предположение разумно, но, к сожалению, ошибочно. Гней Барбатус очаровательно простодушен. Его считают выдающимся характером, потому что никто не знает его. Он еще никогда ничего не выдумал.

Премьер-министр продолжал линию здорового недоверия.

— Ограбление могли придумать в партийном руководстве рептилий.

— Это выяснится со временем.

— Следствие ведется?

— Ведется. «Х 13/В 31 Х» занимается этим делом.

Лицо премьер-министра просияло в улыбке.

— Это ведь твое бюро?

— Так точно.

— Хорошо. И такса, надо полагать, прежняя: двадцать процентов от брутто прибыли в выборный фонд нашей партии.

— Ошибаешься. Тридцать процентов.

— Прости, дорогой друг. Я не забуду этого при следующем распределении орденов... Желаю удачного расследования.

Преступление, поскольку таковое произошло, наделало, по-моему, слишком много шуму. Чего только сюда не приплетали! Иностранные информационные агентства уже стали поговаривать о возможном правительственном кризисе. Глупость человеческая неописуема, но каждый может познать ее на собственном опыте.

Я решил расследовать это нашумевшее дело так, чтобы обе партии остались доволь-

Познакомившись с протоколами допросов, я дал ребятам следующие указания:

— Вы все знаете, что Гней Барбатус — рептилия и бывший министр внутренних дел. Вот вам отправная точка для следствия.

— Отправная точка ясна! — гаркнули четыре глотки.

Я продолжал:

— Теперь вы должны тщательнейшим образом исследовать, как и почему бывший министр и нынешний торговец ювелирными изделиями Гней Барбатус инсценировал ограбление. То ли он имел в виду а) рекламу своей торговли, то ли б) устройство своей жены Ламеллы — бывшей исполнительницы модных песенок — обратно на телевидение. Поэтому вы должны проверить все рекламные фирмы и конторы и дознаться, не заключил ли Гней Барбатус с кем-нибудь из них секретной сделки. А если заключил, то сколько он им заплатил. При этом надо выяснить политическую позицию данной фирмы. Затем нужно найти одежду господина и госпожи Барбатус, поскольку это даст нам в руки нить и поможет распутать клубок преступления. Как только упомянутая одежда будет найдена, ее надо отправить на экспертизу в Исследовательский центр криминалистики...

— Они там бастуют,— перебил Марк-Дубинка.

— Не перебивай. Воспользуемся услугами криминалистов какого-нибудь захолустного городка. А в крайнем случае, можно будет послать на исследование за границу. Время терпит. Экспертиза должна опреде-

Продолжение. См. «Огонек» № 27.

лить: а) артикулы тканей, б) кем сшито изделие, в) год изготовления, г) степень изношенности и состояние вещи — хорошее, удовлетворительное, плохое — и д) стоимость одежды — суммарно и каждой вещи в отдельности. По словам госпожи Барбатус, у обоих грабителей нижняя часть лица была закрыта красным шарфом. Это значительно облегчает задачу следствия. Теперь остается лишь задержать и допросить всех мужчин, у которых на шее или в гардеробе будет замечен красный шарф. Эксперты-криминалисты, конечно, смогут выяснить, является ли шарф отечественным или же иностранным изделием. Если он отечественный, дальнейшие розыски могут ограничиться пределами нашей страны; если же заграничный, тогда придется просить Интерполь установить следующее: а) не были ли данные шарфы ввезены в страну без пошлины — тогда мы возбудим дело о нарушении таможенного режима, б) не имеет ли красный цвет шарфов политической подоплеки и в) не явятся ли эти шарфы причиной международных осложнений и, возможно, обмена нотами.

— Судя по протоколам допросов, данные, сообщенные господином Барбатусом, быстро устаревают. Очень скоро их придется искать, как ископаемые останки. Насколько можно доверять его рассказу, оба грабителя были одеты в светлые плащи. Вот опять направляющая нить для нашего расследования. Всех мужчин в светлых плащах задерживать и допрашивать; надо у всех снять отпечатки пальцев и получить клятвенные заверения в том, что они не замышляют силой оружия свергать правительство нашей страны. Затем надо установить, не исчезал ли в последнее время каким-либо известным или неведомым способом одиночный автомат со складов армии, военно-морского флота, полиции, а также крупнейших гангстерских корпораций. При этом важно узнать калибр автомата, его исправность, фабричную марку и год изготовления. Точно так же следует выяснить, какое смазочное масло использовалось для чистки автомата. С этой целью необходимо обыскать все заводы, выпускающие смазочные масла и маргарин, и образцы продукции доставить в Исследовательский центр криминалистики...

— Он бастует! — опять воскликнул Марк-Дубинка.

— Не перебивать! Я бы просил не перебивать меня. Как засвидетельствовано протоколами допросов, грабители оставили на теле своих жертв — господина и госпожи Барбатус — многочисленные отпечатки, сделанные при помощи печати ювелирного магазина Барбатуса. Данный поступок указывает на то, что у бандитов исключительное чувство юмора или же что они долго работали на бойнях клеймильщиками мяса и профессиональное занятие стало для них второй натурой. Печать была найдена в магазине, и это также облегчает задачи нашего следствия. Теперь лишь нужно выяснить: какой фирмы штемпельная краска была использована и где была изготовлена печать? Не исключена возможность, что преступники воспользовались самодельной печатью. Поэтому задерживайте всякого, у кого в карманах, в портфеле или дома вы обнаружите печати и штампы. Задержанных можно будет выпустить на свободу после того, как они докажут свою невиновность и торжественно поклянутся не пользоваться своими печатями для политических целей.

И не забывайте, что в нашем законе сказано о клятве. Христиане должны клясться богом и его святым евангелием; иудеи — богом и его священным писанием; негры и мулаты — святым барабаном и белым дьяволом; атеисты, не исповедующие никакой религии, пусть клянутся своей честью, состоянием и должностью. Согласно конституции, совесть свободна. Я отдал строжайшее распоряжение, чтобы до окончания следствия господин и госпожа Барбатус не смывали и никаким иным способом не удаляли со своей кожи следов, оставленных печатью. В их доме надо провести тщательный обыск. Если будут обнаружены моющие, отбеливающие и пятновыводящие средства — скипидар, спирт, ацетон и тому подобное, — они должны быть изъяты. Печати на теле госпожи Барбатус я обещал обследовать лично — в иных случаях и полиция обязана проявить известную деликатность.

Тут я как будто заметил на лицах моих подчиненных скрытые усмешки. Может быть, им показалось, что перед ними развертывается пролог эротической комедии? Вполне возможно. Блохи всегда найдут себе собаку. Но я искренне готов поклясться, что не имел никаких задних мыслей, хотя иной раз и не прочь пофлиртовать с этакими ангелочками... Любовные комедии и фарсы, с помощью которых иные щелкоперы зарабатывают свой хлеб насущный, вызывают у меня колики. Если бы я написал о любви комедию, я не уложился бы, возможно, и в сто страниц. Но для создания фарса на ту же тему мне потребовалась бы лишь спальня да пара простынь.

— К делу! — воскликнул я неожиданно громко, прерывая цепь умозаключений моих детективов. — Прежде чем вы начнете действовать, я хочу дать вам еще несколько указаний. Приглядывайтесь ко всем женщинам, у которых на шее, в ушах, в волосах, на руках и на ногах появятся в эти дни новые украшения. Вы ведь знаете, что женская страсть к нарядам и украшениям составила значительную часть истории преступности, которую нам следовало бы по возможности подсократить. Итак, шпионьте за всеми женщинами, но это не должно заводить вас слишком далеко. Сохраняйте хладнокровие при любых обстоятельствах. Будьте всегда начеку. Спускайте предохранитель пистолета, как только увидите красный шарф, светлый плащ, бриллиантовое украшение, подозрительный узел с вещами, штатского человека с автоматом или же незнакомца, у которого пальцы испачканы штемпельной краской.

Шныряйте всюду — среди бедных и богатых, и особенно присматривайтесь к людям, старательно моющим руки. Я признаю, что задача не из легких. Наш народ известен своей чистоплотностью. Бедные моют полы, богатые подчищают цифры своих доходов — главное, чтобы получалось чисто. Так вот, господа, великое дело зовет вас. Мы должны сражаться за нашу свободную республику, против преступности, идущей к нам из-за границы. Я полагаю, у нас в руках важнейшие нити, ведущие нас по следам преступников. Вопрос теперь лишь в том, чтобы настигнуть и взять их — живыми или мертвыми.

На этом закончился первый акт. Марк-Дубинка, Секст-Косоглазый, Луций-Кастет и Фабий-Скорострел, бросив на меня восхищенные взгляды, удалились. Оставшись один на сцене, я налил себе стаканчик виски и грустно вздохнул:

— Блаженны люди, лишенные мозгов и сами того не подозревающие! Такие необходимы отечеству, политика которого представляет собой непрерывную лотерею; одному достается портфель министра, другому — язва желудка, а третьему — репутация безупречного гражданина. Большинству же не достается ничего.

Глава четвертая

Господин Барбатус верил мне, но не правительству и не судебным органам. Он полагал, что свобода или, как говорили циники, гражданская распущенность, царившая при правительстве рептилий (которое сидело у власти четыре года подряд), процветала и в наши дни. На самом же деле с переходом власти к угрям в Лаконии начала складываться конъюнктура нравственного подъема. Изредка, правда, случалось, что тот или иной министр нашего правительства напивался вдребезги и нарушал правила уличного движения, а какой-нибудь высший чиновник возводил на своем участке за счет государства пару железнодорожных мостов и шоссейную дорогу; какой-нибудь генерал устраивал поставки таким образом, что его личное состояние возрастало, нарушая все нормы приличия; или авторитетнейший юрист забывал сообщить о своих доходах, подлежащих налогообложению.

ЛКИВАЮТ

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

Роман-памфлет

Но это все же мелкие нарушения по сравнению с тем, что творилось буквально каждый день, пока моей милой родиной правили рептилии. Вот тогда в Лаконии царила полнейшая свобода. Государственная полиция могла свободно брать кого угодно, а суды свободно выносили приговоры. Согласно законам, не считалось аморальным ковырять в носу, но и за меньшую провинность сажали в тюрьму и казнили. Трудно сказать, как далеко зашло бы очистительное рвение рептилий, если бы государственные палачи не объявили забастовку. Они требовали оплаты сверхурочных и неслыханного повышения сдельных тарифов. Забастовка закончилась лишь при нынешнем правительстве. Я не хочу хвалиться, но все же не могу умолчать: это я ее прекратил.

В то время я был государственным посредником по улаживанию трудовых конфликтов. Я уговорил забастовщиков подписать соглашение, по которому палачам устанавливался месячный оклад, бесплатное виски в барах, право содержать подругу за счет государства и, наконец, княжеская пенсия. В тех случаях, когда приходилось усаживать на электрический стул министра действующего правительства, палачу платили надбавку за грязную работу.

Да, господин Барбатус доверял мне. Он знал, что я изучал в Университете Палинодии право, словесность и общегуманитарные науки, что я презираю алкоголь, хотя и не отказываюсь от него, и что никакое недоразумение не могло склонить меня к браку. Он знал также, что закон всегда на моей стороне, ибо я хороший юрист и широта интеллекта моего противника никогда не лишит меня дара речи. Но он не знал одного: что сыскное бюро «X 13/B 31 X» принадлежит мне,— конечно, через подставное лицо, как водится. В свое оправдание я могу сказать, что не только у меня, а у всех высших должностных лиц Лаконии были собственные коммерческие предприятия, которые, разумеется, пользовались не только моральной, но и материальной поддержкой партии, стоящей у власти.

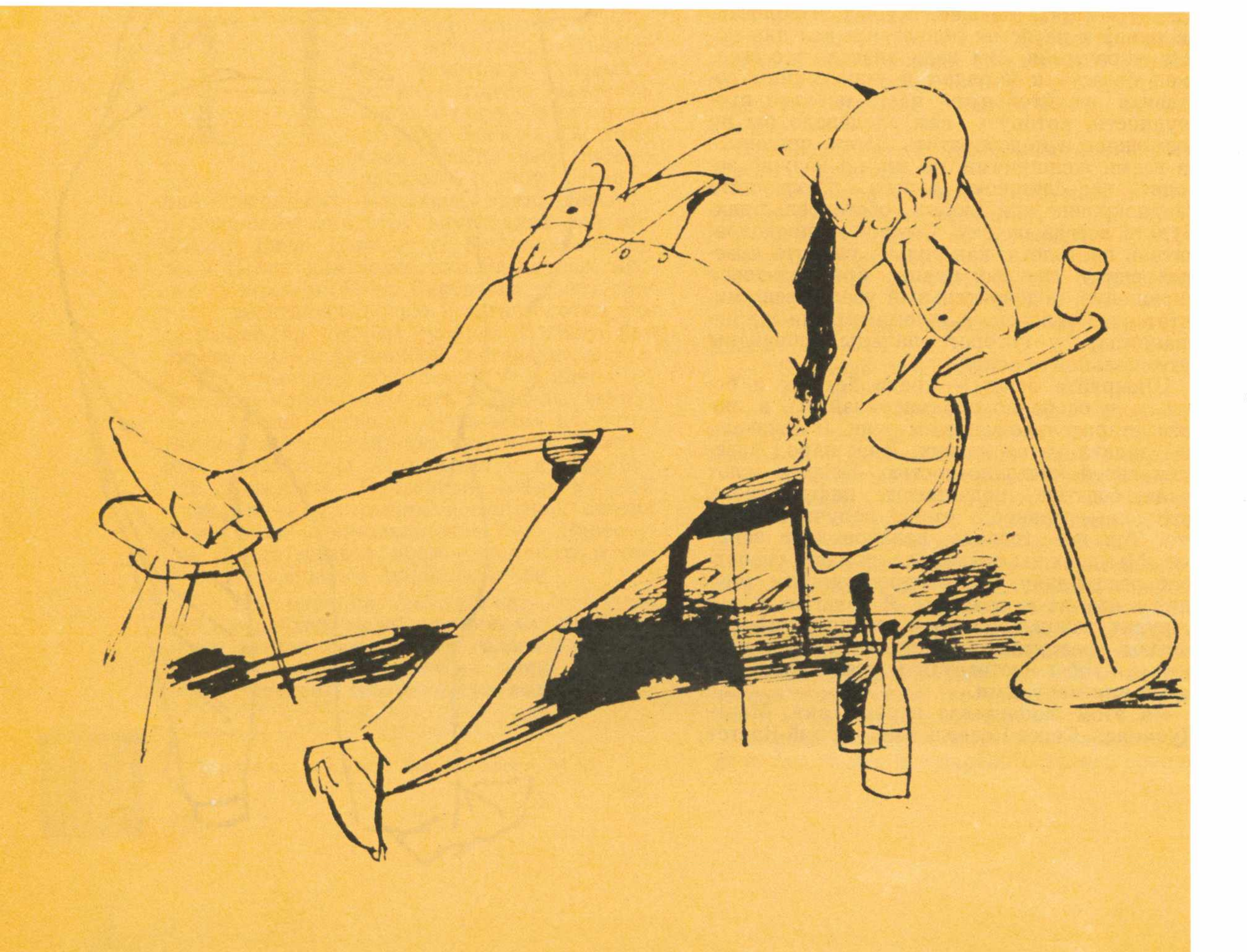
Премьер-министру нашего правительства принадлежали маргариновые заводы, министру почты — железные дороги, а министру обороны — пушечные заводы. У меня же было лишь одно несчастное сыскное бюро. Я знаю, конечно, что ни о чем подобном не может быть и речи в Финляндии, где чувство гражданской ответственности является прирожденным и любая нечестность распознается уже в зародышевой стадии. Но в Лаконии — этом пленительном Эльдорадо свободы, где не требуются ни водительские права, ни разрешение носить оружие, ни пепельницы,— там для некоторых избранных граждан существуют особые, исключительные привилегии. Вот и я, с тех пор как детективы моего бюро с особым рвением принялись за работу, получил особую привилегию посещать дом господина Барбатуса.

Господин Барбатус пригласил меня к себе, чтобы побеседовать о некоторых вопросах уголовного права. Видите ли, у него дома произвели обыск. Сыщики реквизировали все моющие, пятновыводящие и отбеливающие средства, а заодно и вообще все жидкости: духи, напитки, лекарства. Словом, постарались. Лаконийцы вообще очень старательный народ.

Знакомясь с людьми, я всегда запоминаю их приметы. Это у меня профессиональное. Господин Барбатус был пятидесяти лет, среднего роста, с карими глазами, склонный к полноте. Два подбородка и третий наметился. До женитьбы на Ламелле он боролся за нее, а после свадьбы — с нею. Три года тому назад он загляделся на ямочки модной певицы варьете и вскоре был вынужден жениться. Для него это был первый брак, а для Ламеллы — второй. Ламелла успела побывать замужем за каким-то парикмахером. Беззаботный цирюльник не думал о старости и умер молодым. Говорят, он был пьяница, нарушал законы и супружеский долг. Ламелла положила конец его изменам, дав ему яду. Отчаяние не смотрит на законы. Не поглядел на них и суд, который оправдал Ламеллу.

Госпоже Барбатус как раз исполнилось тридцать лет. Природа дала ей одно лицо, а косметика — другое. Язык был ей дан для того, чтобы скрывать мысли, и она их скрывала, не умолкая. Злые люди, которые завидовали даже снам ближнего, довольно громко поговаривали о легкомыслии и ветрености госпожи Барбатус. Дважды в году она уезжала на какой-то из континентальных увеселительных курортов и проводила там долгий отпуск. А мы ведь знаем по собственному опыту, что чем дольше отпуск, тем глубже падение. В каждом возрасте для любви складывается своя особая конъюнктура. Ламелла находилась как раз в том возрасте, когда конъюнктурная кривая достигает высшей точки, а в производстве гормонов имеются большие неиспользованные мощности. Да и вообще она была великолепная женщина.

Не удивительно, что Ламелла влюбилась в меня. Я мужчина именно того типа, которым увлекаются женщины: рост выше среднего, статный, брюнет с голубыми глазами и с чуть седеющими висками. Неполных сорока лет. Никогда не сидел в тюрьме. И ко всему — холост.

События последних дней нашли свое отражение в газетах и на лице господина Барбатуса. Он плакался, стараясь вызвать сочувствие.

— Господин министр,— проговорил он со стоном, когда мы сидели на террасе его пышно обставленного дома и потягивали шотландский виски,— меня испытывают слишком сурово. Сначала наглое ограбление моего магазина, а потом эти ужасные методы следствия. Сегодня у меня в доме провели обыск, вы понимаете: домашний обыск! С какой стати? С нами обращались, как с преступниками. Чье это распоряжение, что мы — моя жена и я — даже не можем умыться?

— Не знаю, кто отдал такое распоряжение,— ответил я уклончиво,— но причины запрета мне совершенно понятны. До тех пор, пока следствие не закончено, нельзя уничтожать вещественные доказательства.

— Вещественные доказательства?..— отупело пробормотал господин Барбатус.— Неужели недостаточно того, что нас сфотографировали в чем мать родила!

— Да, причем они снимали с разных сторон и крупным планом,— добавила госпожа Барбатус.— С меня сделали по крайней мере десять снимков.

— Восемь,— уточнил господин Барбатус.— А с меня шесть.

Я с радостью отметил склонность Ламеллы увлекаться и преувеличивать, так что она обычно даже правду говорила, чуть-чуть привирая. Она все-таки уверяла, что с нее сделали десять снимков, и притом — двумя фотоаппаратами. Я даже позавидовал усердию и расторопности моих сыщиков. Получить снимки вещественных доказательств — это было великолепно придумано! К тому же спрос на снимки нагого женского тела никогда еще не удовлетворялся полностью. А тело, украшенное печатями,— это даже пикантно и, во всяком случае, прозвучит новинкой. И притом это патриотично, ибо снимки голых женщин являются весьма важной статьей лаконийского экспорта как в развитые, так и в развивающиеся страны. Женатые мужчины, разглядывая фотографии незнакомок, находят в них формы своих собственных жен, а холостяки видят в картинках доступную замену брака, вполне современную в нашу эпоху небывалого расцвета заменителей. Культ картинок стал неотъемлемой частью западной цивилизации. Женщины дают мужчинам смелость и обезоруживают их.

— Я вам вполне сочувствую,— сказал я чистосердечно.— Разумеется, я не вправе вмешиваться в действия тех, кто непосредственно ведет следствие, но все же рискну взять на себя известную ответственность: смойте с вашего тела печати ювелирного магазина.

— Сейчас? Немедленно?— воскликнула Ламелла.

— Да хоть сейчас. Но постойте-ка. Я бы хотел, пожалуй, взглянуть на эти печати. Это, впрочем, даже моя прямая обязанность, как министра полиции.

Ламелла отличалась откровенностью как в манере одеваться, так и в манере раздеваться. Она собиралась тут же обнажить свое розовое тело, но господин Барбатус воскликнул:

— Ламелла! Не здесь, только не здесь, ради бога! Будет ужасный скандал.

Он начал говорить что-то о приличиях и о нравах, точно пуританский проповедник. И даже осмелился упрекнуть жену за то, что она, мол, слишком много выпила вина. Возможно, он силился припомнить предостережение апостола Павла: «Не упивайтесь вином, ибо оно побуждает к распутству». Наконец он предложил следующий компромисс:

— Уж довольно, мне кажется, если господин министр увидит, как меня изукрасили.

В ответ я произнес нечто неопределенное, и мы, покинув террасу, вошли в дом. Попросив жену дожидаться нас в гостиной, господин Барбатус прошел со мною в ванную и с горечью сказал:

— Такого оскорбления мне еще никогда

не наносили. Вот, полюбуйтесь: я точно свиная туша.

Он снял рубашку и обнажил свой торс. Ярко-фиолетовые клейма пустили по коже длинные чернильные подтеки.

— Негодяи получат за это пожизненную тюрьму,— сказал я холодно.

— Пожизненную! Это же обеспеченное существование до конца дней, естественная смерть и похороны за счет казны! Я требую смертного приговора. Их следует повесить на центральной площади Палинодии. Вы подумайте о моем личном достоинстве.

Господин Барбатус был действительно полон личного достоинства. Я не хотел спорить с ним о мере наказания непойманных преступников. Про себя я подумал, что на господине Барбатусе больше и клейма поставить негде. Осмотрев его гладкую спину, я завел разговор о страховании:

— Ваш магазин, конечно, застрахован на случай грабежа?

— Да, к сожалению...

— К сожалению? Что же так? Или страховка слишком мала?

— Напротив, она непомерно велика. Но вы же знаете эти страховые общества: они вкладывают свои средства в промышленные предприятия, в недвижимость и в результате оказываются не в состоянии выплачивать страховые вознаграждения. В договоре со мной имеется условие: вознаграждение выплачивается застрахованному лишь после поимки преступников.

Я вовсе не был потрясен этим сообщением. Говоря медицинским языком, господину Барбатусу теперь предстояло перейти на диету: питаться одними надеждами. Имея столь изящно составленную страховку, господин Барбатус мог радоваться, вспоминая прожитые годы. Какие-то десять миллионов, насколько мне было известно, еще не пошатнули его благополучия. Я сказал ему несколько общих слов утешения, посоветовал отмыть штемпельную краску теплой водой с мылом и, пятясь, вышел из ванной комнаты, оставив его одного. Дальше произошло нечто такое, чего я уже не берусь рассказать со всеми подробностями. Рекомендую вниманию читателя великолепнейший «Декамерон» Джованни Боккаччо, потому что Боккаччо был писателем по профессии, моя же специальность — право и криминальная психология.

Все же я должен сказать хотя бы о том, что Ламелла ждала меня в гостиной, готовая отправиться в ванну. Нужно было лишь проверить печати и разрешить смыть их. Я искренне поверил, что мои ребята действительно сделали с нее десять снимков двумя фотокамерами. Охотно разрешив ей помыться, я удалился. Я подумал, что министру полиции, пожалуй, неприлично преклонять колена даже перед женщиной, чье лоно, как алтарь. У меня возникло подозрение, что вся сцена срепетирована заранее и что сценарий написан в партийной канцелярии р е п т и л и й.

Придя домой, я почувствовал себя маленьким и жалким. Мне казалось, что я высох и съежился, как будто меня продержали несколько часов в автоклаве.

Глава пятая

Каждый день в мое сыскное бюро поступали добрые вести: сыщики нападали на следы преступников. Газеты печатали из номера в номер захватывающую детективную повесть, с интригой, способной заинтересовать читателей всех возрастов. Преступников, по всей вероятности, было восемь. Я пришел к такому выводу путем простого арифметического расчета: четыре сыщика вели розыски в четырех штатах Лаконии, и каждый из четырех напал на след двух преступников. Вообще в Лаконии столкнуться с преступниками очень легко. Гораздо труднее поймать среди них именно того преступника, которого ты ищешь.

Я еще прекрасно помню случай, когда государственная полиция разыскивала физика-атомника, подозреваемого в шпионаже. Преследуемый сумел ускользнуть, перемахнув через границу. Но, пока его ловили, полицейские задержали человек сорок взломщиков, двух убийц, одиннадцать контрабандистов, свыше сотни содержателей публичных домов, уклоняющихся от уплаты налога, и несколько фальшивомонетчиков. В результате получился неплохой улов за счет, так сказать, «побочного продукта».

Но, как известно, побочный продукт порой оказывается ценнее основного продукта. Мне рассказывали, что в Финляндии — как побочный продукт мебельного производства — изготовляются тысячи тонн прекрасного столового вина. Или, как сказал президент Лаконии Бос Таурус, жизнь — это химический процесс, при котором в качестве побочного продукта рождаются люди.

Пока мои сыщики вели свои дознания (кстати, это было единственное значительное дело, по которому за все время забастовки сыщиков велось следствие), а газеты рекламировали ювелирную торговлю господина Барбатуса, наша партия готовилась к предстоящим выборам. Партийные взносы у г р е й, занимающих правительственные должности, были повышены на десять процентов. Многие высокие должност-

ные лица начали скрывать свои доходы. От жен они скрывали свои расходы. Вам, наверно, покажется невероятным, что я не скрывал ни того, ни другого. Единственно, что я деликатно сохранял в тайне,— это была моя связь с госпожой Барбатус.

Я никогда не старался быть особенно целомудренным, потому что целомудрие мужчины, по моему убеждению,— это либо поза, либо беспомощность. Если уважаемый читатель ждет от меня теперь признаний покаянной души, он, к сожалению, ошибается. Я не из тех сладострастников, которые наслаждаются до пресыщения, а потом начинают каяться, находя новое наслаждение в том, чтобы мучить себя. Я пришел к выводу, что люди, погруженные в самосозерцание, никогда не бывают единодушны относительно того, что же они в действительности созерцают. Посему я отказываюсь вступать в их клуб. Я расскажу о нашей маленькой любовной истории без самолюбования и без лишних церемоний. Я не думаю, чтобы это могло повредить мне, так же как и Ламелле, которая, насколько мне известно, находится теперь в полной безопасности: в женской тюрьме Палинодии.

С того дня, как я властью министра полиции разрешил господину и госпоже Барбатус помыться, меня время от времени приглашали провести вечер в семейном кругу. Просиживая эти вечера, набитые трескучей пустотой, я замечал не раз, что муж есть муж, а жена есть жена и что общая у них только постель. Господин Барбатус сетовал на свои неудачи. Ему не повезло в политике и в супружеской жизни. Я вообще не понимаю, как ему могло повезти в политике, если у него череп служил в основном опорой жевательных мышц. Если бы подобные политики взялись решить задачу, относится ли голод к области социологии или же психологии, то мир наверняка умер бы с голоду. За женой он тоже не умел ухаживать. И дело было тут, конечно, не в разнице возрастов, ибо такая разница как раз и побуждает мужчину испытывать все возможные средства, проявляя максимум изобретательности. Ведь недостаточно покорить женщину, за ней надо еще ухаживать.

Ламелла испытывала неудовлетворенность и начинала тяготиться мужем, который женился лишь для того, чтобы узаконить блуд. Господин Барбатус был неисправимый пессимист, чья мудрость не имеет корней и не приносит плодов. Он лишь сетовал на горести судьбы и на несправедливость правительства, стоящего у власти. Он верил, что любит свою жену, но его вера не делала ее счастливой.

Мало-помалу мне стало ясно, почему господин Барбатус так часто искал моего общества: он боялся пить в одиночку, чтобы не стать алкоголиком. Каждый мой визит заканчивался тем, что господин Барбатус засыпал, а мы с хозяйкой дома выходили прогуляться по саду. Любой мужчина, доживший до моих лет, знает, что невинные прогулки часто заводят слишком далеко, грозя нечаянными последствиями. Однако тут о нечаянности не могло быть и речи благодаря моей предусмотрительности. Как все приятные романы, наш тоже начался поцелуем. Продолжение мы решили устроить у меня дома, где было двое старых слуг, восемь комнат и французская кровать.

В тот вечер первого поцелуя я пришел домой с несколько странным чувством. Вероятно, я влюбился в Ламеллу. Она внушала мне то смешанное с жалостью восхищение, на какое обычно попадаются сестры милосердия. Я ведь знал, что порочный человек интересен, добродетельный — скучен. Но Ламелла не была полностью ни тем, ни другим. Часами гуляя по саду, я слушал ее откровенную болтовню и думал про себя: мечтатели просыпаются от снов, когда оказываются женатыми.

У некоторых людей бывает дар речи, у некоторых — мозги. У Ламеллы был дар речи. Как откровенно и в то же время как по-женски деликатно изображала она глупость своего мужа! Будь я на месте Ламеллы, мне наверняка опротивел бы Гней Барбатус, который при любых обстоятельствах все чаще и чаще пренебрегал своими супружескими обязанностями. Не думаю, чтобы деревянная нога когда-нибудь передавалась по наследству, но деревянная голова, видимо, все-таки передается.

Придя домой, я, несмотря на поздний час, тут же объявил слугам, что послезавтра ровно в двадцать один ноль-ноль ко мне придет дама, визит которой должен остаться тайной. Мои верные Корвус и Кабаллус понимающе улыбнулись. Оба они были в том возрасте, когда меньше действуют, а больше понимают.

Я лег в постель и стал читать всемирно нашумевший роман, бестселлер, из которого в Голливуде уже накрутили несколько фильмов, а в Голландии крутили пакетики для семян. С книгой я незаметно заснул. Вероятно, и автор дремал, когда писал свое произведение.

* * *

Ламелла пришла ко мне без малейшего страха и стеснения. Будь я писателем, я бы изобразил до мельчайших подробностей, как она была одета, как выглядела, ее очарование и даже интонации ее голоса. Теперь же я скажу лишь коротко: она была исключительно прелестна. Вкусив понемножку алкоголя, мы оба стали как огурчики. Запас слов у Ламеллы был скуден, из чего я сделал заключение о скудости ее мысли. Слова создают картину человеческой ограниченности. Они как бы очерчивают тот мир, который мы всюду носим с собою. Но есть еще и беззвучные слова, рождающие своеобразное щекотание в горле. Они сказываются в интонациях, во внутренних репликах и могут действовать столь же сильно, как и любое внешнее раздражение. Обстоятельства определяют характер возбудителей, их силу и многообразие.

Ламелла была обольстительна, но я видел в ней удачную копию Мата-Хари[1]. Поэтому во мне возникло отрицательное приспособление, как будто я в любое мгновение ждал сигнала тревоги. Профессия стала для меня второй натурой: я уже не в силах отрешиться от подозрительности. Ведь она могла оказаться лазутчицей враждебной партии, агентом иностранной державы или, наконец, частным сыщиком своего мужа. Подозрительной казалась ее расчетливость, ее умелая нежность. Но постепенно настороженность исчезла, подозрения рассеялись. И так вновь подтвердился извечный закон приспособляемости: тесные ботинки жмут до тех пор, пока мы не привыкаем к ним.

Ламелла продолжала тайно посещать мой дом. Я уже с нетерпением ждал ее прихода. Понятно, что два здоровых человека не могли удовольствоваться только беседами. Это было бы даже противно естеству. Конечно же, наше общение было более тесным. Мне нет надобности описывать это подробно, ибо данная тема есть гвоздь новейшей беллетристики, а в жизни подобные переживания наверняка испытал каждый нормальный мужчина и каждая женщина. За исключением старых дев Лаконии, ведущих постоянную борьбу за свою честь. Для них переводятся на лаконийский язык произведения Генри Миллера и некоторых скандинавских писателей — я уж не помню их имен, произведения, которые должны удовлетворить даже самых взыскательных любителей тайных вожделений.

Я привык пользоваться словом «любовь» очень осмотрительно. Поэтому я воздержусь от красот возвышенно романтического слога и не стану говорить о нашей большой любви и т. д. Достаточно сказать, что я привязался к Ламелле. Ее восхитительные духи свидетельствовали о том, с каким блеском человеку порой удается улучшать природу; а ее способность покорить мужчину показывала, от каких слабых, едва уловимых сигналов начинается в наших нервах бешеный танец электронов.

Продолжение следует.

[1] Знаменитая немецкая шпионка.

Гордость республики

О. ВАСИЛЬЕВ

Фото Дм. УХТОМСКОГО.

В Вильнюсе нам сказали:

— Для начала пройдите по улицам...— И назвали их несколько десятков.— Это очень интересно — вильнюсские улицы, старинные и новейшие. Потом посмотрите, какие мы делаем станки,— это наша гордость. И электронно-счетные машины — тоже гордость. И мебель...— Опять десятки названий.

Успеть всюду невозможно. День спустя мы могли уже сами давать советы туристам. Нельзя быть в Вильнюсе и не побродить по узким улочкам старого города, и совсем уж преступление не посетить новых кварталов района Антоколь — глупо упустить возможность пройтись по магистралям разных столетий.

В Каунасе мы уже не спрашивали, куда нам идти и что смотреть. Надо просто не задерживаться долго в гостинице. На улице мы попали в поток молодежи.

— Что сегодня в городе самое интересное?— спросили мы.

— Поедемте с нами. Увидите.

На поляне у Каунасского моря, образованного плотиной электростанции, был студенческий праздник. Разумеется, песни, соревнования, аттракционы. Решили взять интервью у самой красивой девушки. Два часа ходили и выбирали — очень трудное дело, сплошные красавицы. Познакомились с рядовой.

— Что самое красивое на свете?

— Жизнь.

— Чем лично вы гордитесь больше всего?

— Тем, что Литва занимает одно из первых мест по распространению газет и журналов,— улыбнулась девушка.

— Странная гордость.

— Нет. Я работаю в «Союзпечати».

— Ваши планы?

— Университет и многое другое...

Ее звали Дануте, а фамилия кончалась на «айте» — это у всех девушек. Но рядом стоял парень в форме летчика гражданской авиации. Наверное, скоро ее фамилия будет кончаться на «ене» — это у всех замужних женщин.

Дальше наш путь лежал в Клайпеду. Мы летели по Неману на подводных крыльях «Ракеты». С нами в салоне — школьники-пятиклассники, у них экскурсия. Берем интервью на тему «Кем быть?». Инженером, врачом, артистом, милиционером, бухгалтером — как папа. Жаль, что никто не хочет быть поэтом. Придет время — будут. В краю Немана трудно не стать поэтом: красота заставит.

В Клайпеде — разговор с Антанасом Якутисом, молодым парнем, бригадиром судосборщиков Балтийского судостроительного завода. Чем гордится, он рассказал сам, без вопросов.

— Сколько кораблей построил, не могу сказать. Много. Сначала маленькие. Сейчас большие морозильные траулеры монтируем. Смотрите, целый конвейер. Один за другим. Какие громадины! Рыбы много будет.

Рыбы и сейчас уже немало. Сосед завода — рыбный порт. Уже тесно становится в нем кораблям. Многие суда — местные уроженцы.

Трудно перечислить все, чем знаменита и чем гордится сегодняшняя Литва.

— Но у Гедимина вы, конечно, успели побывать?— спросили нас в Вильнюсе за несколько часов до отъезда в Москву.

Мы не смогли сказать «нет». Мы долго карабкались на Замковую гору, к знаменитой башне Гедимина. Отсюда открывалась великолепная панорама столицы Литвы — древнего и в то же время очень современного города. Над старой башней на длинной мачте трепетал высоко в небе флаг республики. Он первый в городе встречает солнечные лучи и последним прощается с ними.

Город все строится...

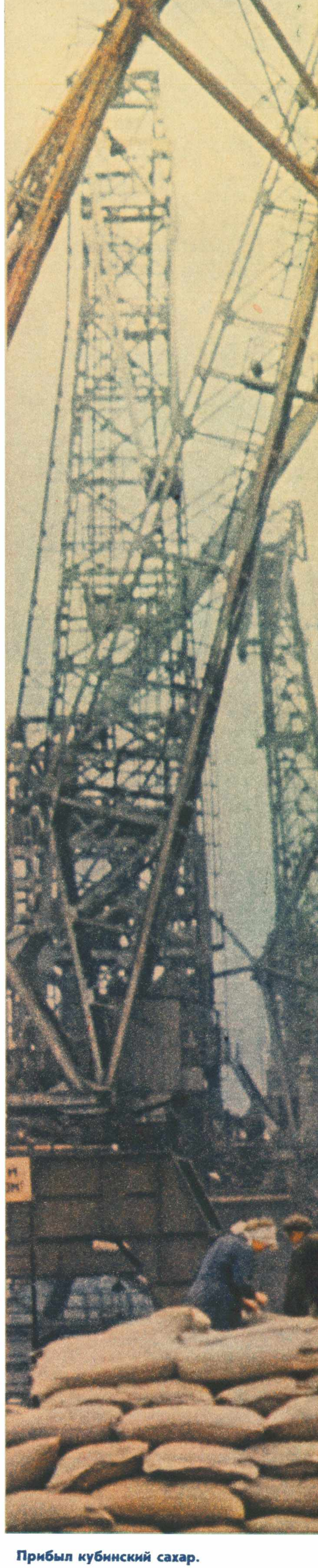
Сегодня — в море.

«Детская ложа» на празднике песни.

Радуга литовского витража.

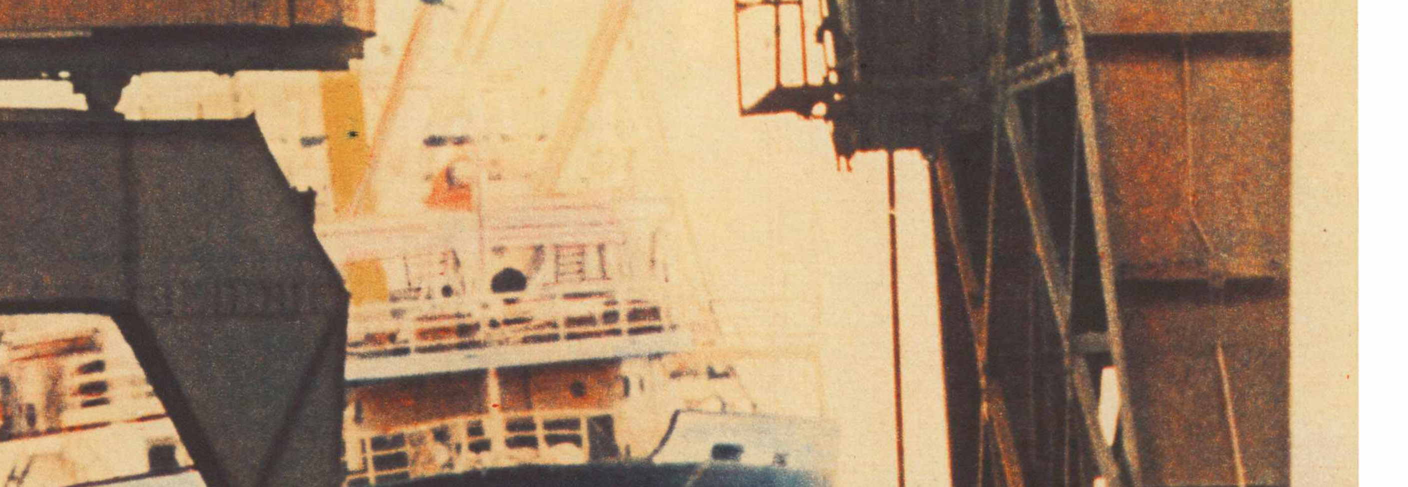

Прибыл кубинский сахар.

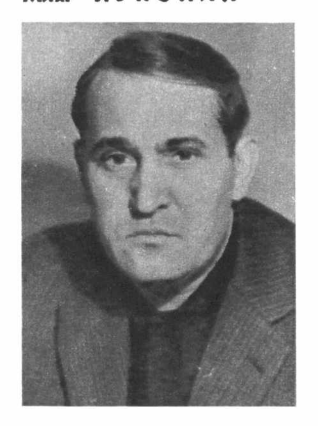
Дануте из Каунаса...

В краю Немана.

Клайпеда. Порт.

Мих. ЛУКОНИН

Стихи из Грузии

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Со мною случилось что-то,
Случилось,
Что-то особенное произошло,
Когда сквозь летку сталь
просочилась
И потекла,
искрясь тяжело.
Завод мой,
Как мне тебя не помнить?!
Тяжелые, в стальной синеве,
Маслом пахнущие ладони
Меня погладили по голове.
Завод мой,
Я вспомнил тебя в Рустави,
На металлургическом,
В сердце огня.
Здесь я увидел в потоках стали
Дни и ночи
Рабочего дня.

Завод мой,
Зачем я ушел когда-то?
Ты провожал меня верой простой.
Было нехитрое сердце сжато
Головокружительной
Высотой.
Я твой —
Доверчивый и прямодушный,
Я —
Разделивший твою судьбу.
Иногда
из ямы воздушной
Выходил с синяком на лбу.
Было, рабочее слово стало
Девицам на выданье резать слух.
Пело романсы, стихи шептало
Полчище литературных старух.
И бледнолицый певец манерный
«Откуда вы?» —
вопрошал тогда,
Пока не пробило
Апломб фанерный
Простым вопросом —
«А ты куда?»
Менялись звания и названья.
И мы оказывались не в чести...
Завод мой,
В час моего свиданья
Ты умолчанья мои прости.

Завод мой, я вспомнил тебя
в Рустави.
Гудят расплавленные миры.
Идут перегруженные составы
От Волги
До трудовой Куры.
Стихи не раз меня вызывали
В Рустави,
В Комсомольск на Куре.
Стоят грузинские сталевары,
Как виноградари на жаре.
В расцвете сил мастера проката,
Я снова с ними,
Не стал иным.
Всю землю, если она поката,
Обручем опояшем стальным.
Хожу, и хожу,
И горжусь законно.
Вся жизнь, все будущее видней.
Завод мой,
я возвращусь.
Я дома —
В поэзии этих рабочих дней.

В ДОРОГЕ

Как с друзьями я не встречусь,
Если в Грузии порой,
Встретившись на повороте,
Сходятся
Гора
С горой.
Как же не найду...
Бывало,
Так и жили — вместе все,
Ездили до перевала
По горячему шоссе.
В этом гаме, в этом шуме
Часу не были одни.
Кутаиси и Батуми
Вспоминают эти дни.
Вехи юности тревожной,
Беспокойной и хмельной —
Этот камень придорожный,
Этот ключик ледяной.
Помнят белые уступы,
Как смеяться ты могла,
Ровные оскалив зубы,
Воду горную пила.
Брызгалась водой,
Смеялась,
Все кружилось столько дней!
Все смеялось,
все сменялось,
Стало проще и ясней.
А друзья мои!
Немало
Отцвело во всей красе.
Еду, еду к перевалу
По нагретому шоссе.
То же все, и та дорога,
Виноградники, жнивье.
Выменяла ты не много
За предательство свое.
Все веселье променяла,
Все дороги продала,
Выцвела и полиняла,
Стаяла,
Как не была.

Как с друзьями не увижусь!
Если в Грузии порой,
Встретившись на повороте,
Сходятся
Гора
С горой.
Сходятся гора с горою.
Встретятся с грядой гряда.
Только мы в круженье этом
Разлетелись без следа.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Меня волненье обуяло,
Подумал — робость выдаю.
Но подошел,
и просто стало,
Он подал руку,
Взял мою.
Давно. А помню, как впервые.
И после удивляться вновь:
Как молоды глаза живые!
Таким глазам не прекословь.
Он был из собственных,
из здешних,
Но чувствовались в нем века.
Он это понимал,
Насмешник,
Счастливый баловень стиха.
Как будто праздничный
и праздный,
Как будто бы и ни при чем.
А сам,
Уйдя от зрелищ разных,
К столу
Клонился всем плечом.
И заставало его утро
С волшебной строчкой огневой.
Потом уж
Весело и мудро
Шел по Тбилиси
Сам не свой.
Глазами, как у Льва Толстого,
Прицеливался под обрез.
В бородке вида не простого
Смеющийся
Гнездился бес.
Веселость древняя, пастушья
Была здоровьем на сто лет,
Мальчишеское простодушье —
Защитою
От всех сует.

Каким тяжелым оказался
След,
Незаметный вгорячах,
Когда он в гору поднимался
На наших сгорбленных плечах.
Входил в бессмертье,
Как решил он,
Вдруг оборвав свои пути.
Что его в жизни устрашило?
Ты его, родина, прости.
И шел народ ошеломленный,
Обиженный его виной.
Галактика
Галактиона
Взошла в поэзии родной.

* * *

Отлегло. Забываю.
А все-таки грустно.
Опять кружись, как ветер в поле.
А может,
чтобы жило искусство,
Нужны на свете такие боли?
Свет мой, зачем так внезапно
гаснуть?
Нехорошо так.
Как ночью в роще.
Ослепила такая ясность,
Что ухожу
На память,
На ощупь.
Я, оглохший. И спящий город.
Стоим вдвоем, ни назад,
ни вперед.
Я,
Открыв удушливый ворот,
Он
С открытыми ртами ворот.
Мне тяжело.
И если правда,
Что поэзии это сродни,
То бросить стихи
обязательно надо,
Слишком дорого стоят они.

ЦВЕТЫ

Цветы поливать перестала.
Молчала, являлась домой.
Какую-то книгу листала,
Смеялась,
Ходила со мной.
Томительны стали и тяжки,
Запущены — вот уж тщета —
Противные эти бумажки —
Квартирные наши счета.
Цветы поливать перестала.
Подумаешь!
Дни коротки!
Но очень уж ново и ало
Сияли твои коготки.
А я не поверил сначала,
Как верить беде не хотят.
Но ты невпопад отвечала,
Смеялась — и то невпопад.

Цветы поливать перестала.
Заметил. Жалею. Молчу.
Как будто от солнца устала.
Расспрашивать я не хочу.
А может быть, надо бы, надо
Тебя расспросить и понять?
Искала призывного взгляда —
Я видел —
опять и опять.
Зрачки распирало от страха,
И губы сводило виной.
Таилась пугливая птаха
Под смелостью этой шальной.
Я сам удивлен, провожая,—
Какая во всем простота!
Не ты уходила,
чужая,
Совсем и не ты
и не та.
Ни радости нет,
Ни проклятья,
Прощался с тобою иной.
В нехитром сиреневом платье
Та девочка
вечно со мной.
Иди!
Ни прощенья, ни просьбы.
Да если бы не отошла,
Пожалуй, уже не нашлось бы
Тех слов,
что сгорели дотла.
Итак, поломала немало
В разгуле своей пустоты.
Цветы поливать перестала.
За что ты казнила цветы?

По улице ходим с утра мы.
Прости мне, испытанный друг:
Ранений давнишние шрамы
Чего-то напомнило вдруг.
Восходит тбилисское лето,
Цветы и цветы на распыл.
Они
И напомнили это.
Как будто я это забыл.

ЦИРК

По Тбилиси ходит пара
Необычная на вид.
Вдоль веселого бульвара
Оживление царит.

Вроде парочки влюбленной,
Вроде нет,
не разберем,
Или воин ослепленный
С девочкой-поводырем.
Вот афиши:
«Цирк в Тбилиси!»
Ну, понятно:
Погляди,
Эти двое в страшной выси
Кувыркаются, поди.
Непохожие, другие.
Он идет,
поет слова,
Бицепсы его тугие
Распирают рукава.
Он идет походкой веской,
А она совсем не то —
Фея в шапочке жокейской,
В черном кожаном пальто.
Цокот этих ножек черных,
Светлый блеск веселых глаз
Жителей высокогорных
Останавливают враз.
Вон заходят в магазины,
Мы у входа постоим.
Любят зрелища грузины,
Улыбаются двоим.

По Тбилиси ходят двое.
Не видать со стороны,
Что звенящей тетивою
Двое те сопряжены.
Что его томит усталость,
Что ее уносит ввысь.
Это молодость и старость
Поздно за руки взялись.
Что тоска их укачала,
И прощаются сердца.
Что у этого начала
Не предвидится конца.

* * *

Мы встретились с тобой —
Два одиночества.
Не хочется нам вспоминать
о том, что было.
Не то, чтобы все отошло
и все остыло,
Нет, просто так —
не вспоминается,
не ропщется.
Красивая ты, как никто,
другим завидная,
Ты умная, все понимаешь.
В чем-то старшая.
Движеньем головы
густую прядь откидывая,
Идешь с работы, улыбаешься,
уставшая.
Все бы не так,
Не будь другого в памяти.
Или забудь другую я,
или прости я.
Но ты и я
Раздельно
Чем-то заняты
И ходим рядом, как орда
и Византия.
А впереди такая даль!
Такая улица!
Идем и все благодарим себя
за что-то.
Возвышенно и ново
С жизнью дружится,
Как будто бы мы на земле
после полета.
Когда глаза мои увиделись
с твоими,
Мы догадались о себе легко,
открыто:
Нам вместе не бывать,
Не быть двоими,—
У каждого из одиночеств
есть орбита.
А ты смеешься мне опять —
Моя сообщница,
Не хочется нам вспоминать
о том, что было
И не о том,
кого любил,
кого любила.
Идем, свободные, как два пути,—
Два одиночества.

Жатва в океане

В нынешнем году Советская страна впервые отмечает День рыбака. Наш корреспондент побывал в Государственном производственном комитете по рыбному хозяйству СССР. Вот что рассказал

председатель комитета Министр СССР Александр Акимович ИШКОВ:

— Около тысячи рыболовных судов находится сейчас в океане. Наши славные пахари моря собирают неплохой урожай. Рыбная промышленность страны уже превзошла уровень контрольных цифр семилетки. В нынешнем году будет добыто 56 миллионов центнеров рыбы и других даров моря — на 10 миллионов больше, чем предусматривалось.

Рыбаки трех прибалтийских республик — Эстонии, Латвии, Литвы — дают теперь в 16 раз больше продукции, чем при буржуазном строе. «Уже сейчас самый современный в мире русский рыболовный флот расширяется такими темпами, которые, вероятно, сделают его самым крупным в мире к 1965 году»,— говорится, между прочим, в отчете сенатской комиссии США.

Техническая оснащенность советского рыболовного флота резко улучшилась. Основой его стали большие морозильные траулеры (БМРТ). Это настоящие плавучие заводы, которые ловят рыбу в открытом океане, здесь же ее замораживают, готовят из нее консервы, а из отходов — рыбную муку.

Крупные затраты государства на индустриализацию морского хозяйства быстро окупаются. Траулеры «Ульяновск», «Николай Островский», награжденный орденом Трудового Красного Знамени, «Самарга» выловили за год по 130—140 тысяч центнеров рыбы. Улов каждого корабля дал по два с половиной — три миллиона рублей прибыли. Сумма достаточная, чтобы построить новый траулер!

Умение вести промысел рыбы не оценишь только абсолютными цифрами добычи. Есть и другие критерии, тоже очень важные. Как и что мы ловим? Рационально ли используем урожай океанских нив? Эти вопросы приобретают все большее значение.

Мы привыкли, например, к тому, что сельдь, хамса, салака, килька — рыба соленая, закусочная. Между тем из нее можно готовить другие вкусные и дешевые кушанья. Котлетные полуфабрикаты, рассольники, белковые соусы. Можно в конце концов ее просто жарить. Что для этого нужно? Отказаться от массового выпуска крепкосоленой рыбы в пользу свежемороженой. Трудно? Пока да. Мешает косность и нерасторопность некоторых руководителей предприятий.

Несмотря на высокую технику современного промысла и большой рост добычи, ассортимент рыбной продукции до сих пор узок. Он определяется в основном промыслом вблизи берегов и добычей придонной рыбы. Пелагическая — обитающая в открытом море — рыба используется мало. Сравнительно недавно начат промысел сайры. А сейчас мы приступаем к промышленному лову тунца. Вот посмотрите....

Министр подошел к огромной, во всю стену карте. В разных точках ее на голубой глади океанов — крохотные кораблики. Атлантика: новый плавучий институт «Академик Книпович». Тихий океан: тунцеловные базы «Ленинский луч», «Красный луч», «Солнечный луч»... Тунец — новый объект промысла — водится в тропических и субтропических водах.

Тунец в масле — отличные консервы. Пробные партии их уже появлялись в магазинах и были моментально раскуплены. Наши новые плавучие фабрики планируют нынче выпустить несколько миллионов банок консервов.

Промыслу серьезно мешают акулы. Они обгрызают пойманную, но еще не поднятую на борт рыбу, разрывают орудия лова. Как решить эти проблемы, должна подсказать наука. Возможно, помогут химики. Уже известны некоторые вещества, отпугивающие одних рыб и оставляющие равнодушными других. Они отпугнут хищника, а тунец не обратит на них внимания. Возможно, придется применить электричество для оглушения и тунца и акулы. Электронаркоз — весьма любопытный способ промысла.

Что касается акулы, то и она пойдет в дело. Капитаны тунцеловных баз радируют о том, что акула составляет часть прилова. Мясо этого морского хищника весьма ценится. Акулья печень насыщена витаминами. А вяленые акульи плавники пользуются большим спросом на мировом рынке.

Какие еще новинки попадут на наш стол?

...В порту Находка не так давно ошвартовался «Солнечный луч». Первую тысячу центнеров рыбы взял он в южных морях. Его новая продукция — деликатесные консервы. Марлин, бланшированный в масле, и меч-рыба, тоже в масле.

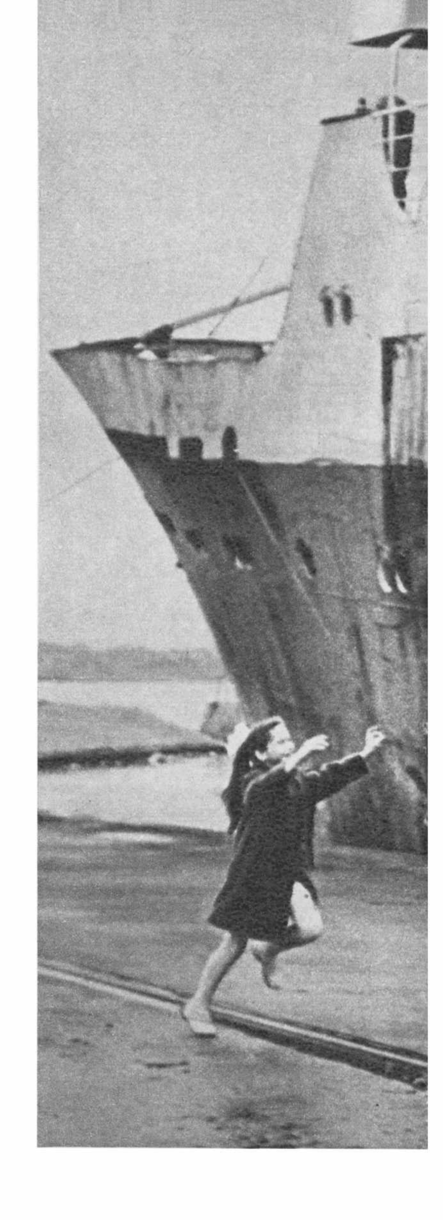
Океан богат не только рыбой. Его луга и пашни полны моллюсков и морских ракообразных. Эти продукты моря пока еще не в ходу, хотя представляют собой превосходное пищевое сырье. Они хороши и сами по себе и как приправа к другим блюдам.

Уже приобрели популярность креветки. Добыча этих морских рачков расширяется. Магазины нынче получат 18 тысяч центнеров варено-мороженой креветки. Будет выпущена и креветка натуральная. По вкусу она напомнит крабовые консервы.

Займет свое место на прилавке кальмар. Фаршированный, в масле и мороженый, кальмар по-калифорнийски и натуральный, в собственном соку. Мясо этого моллюска по калорийности, содержанию витаминов и вкусовым качествам превосходит многие сорта рыбы.

Еще одна новинка — варенье из морской капусты с брусникой. С чем сравнить этот оригинальный продукт? Пожалуй, с цукатами.

Несколько слов о перспективах. Океан — богатейший источник пищи и сырья. Запасы его неисчислимы. Но использовать их надо по-хозяйски, превратить промысел в плановое, высокоорганизованное морское хозяйство. Построенное на строго научной основе, оно будет интенсивным, рентабельным и неисчерпаемым.

ПУТ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Один за другим у пирсов Риги, Клайпеды, Таллина швартуются в эти дни суда рыболовного флота. За кормой — Западная Атлантика, тысячи миль поиска, борьбы со стихией и побед над ней.

Мы встречаем большой морозильный траулер «Валерий Быковский». Океан основательно потрепал этот корабль — детище литовских судостроителей. Морские волны слизали с его бортов добрую половину краски. И все же траулер выглядит празднично.

— Возвращаемся не с пустыми руками,— говорит капитан-директор БМРТ Александр Едемский.— За рейс мы добыли пятьдесят тысяч центнеров рыбы, на двадцать тысяч больше плана!

Путь от рейда к причалу занимает около часа, и, пока лоцман делает свое хитрое дело, экипаж готовится к выходу на берег. Морские волки надевают модные костюмы, крахмальные сорочки, а те, кто несет последнюю вахту, не забывают и о брезентовых рукавицах.

И вот наконец родная земля!

В. КРУПИН

Папка вернулся.

Ь К ПРИЧАЛУ

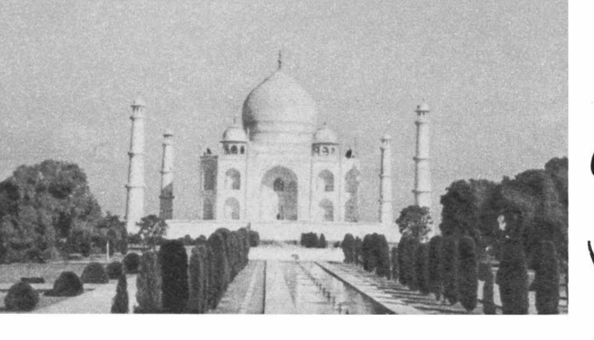
На рейде БМРТ «Валерий Быковский». Его встречает лоцман Эйжен Осис.

До встречи осталось всего десять минут, но так не терпится увидеть близких.

Вот они, морские волки.

За горами за

ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

Проснулись над Гималаями, вероятно, от ослепительного солнца, хлынувшего в иллюминаторы: утро бежало навстречу.

Под нами ни единого облака. Ясность поразительная. С высоты десяти тысяч метров отчетливо видны ледяные просторы меж горных вершин, будто огромные искусственные катки. В иные минуты тут, верно, царство безмолвия. А сейчас, пока мы летим, рев двигателей нашего «ТУ» на какое-то время нарушает покой этого царства. Бортпроводница сообщает, что в Дели температура воздуха 28 градусов выше нуля. Несколько позже мы поняли, что по индийским понятиям это скорее прохладная, чем жаркая погода...

Дели, аэропорт. Где-то здесь нас ожидают представители министерства просвещения. Да вон, кажется, они приближаются с большими венками из живых цветов. Но еще прежде к самому трапу подбежал человек до того знакомый, что ты нисколько не удивился бы, увидев его встречающим тебя на Внуковском аэродроме. Когда за тридевять земель ты в первую же минуту видишь соотечественника, к тому еще близкого своего друга,— это, поверьте, вдвойне приятно и вдвойне волнующе. Перед нами стоял в легкой рубашке навыпуск, как всегда, сияющий здоровьем и вообще сияющий Николай Личак, бывший мой сослуживец по армейской печати, а теперь сотрудник АПН. А вот уже подходят и наши хозяева с традиционными венками. Короткие взаимные приветствия — и, как водится, по машинам.

По пути в гостиницу я решил не пропустить ни единой достопримечательности: ведь это же Дели, столица Индии, страны, в которую ты прибыл первый раз в твоей жизни, и кто знает, побываешь ли еще здесь! Так смотри же во все глаза, ничего не пропусти! И вдруг полисмен приостановил и нашу и другие машины; остановились и пешеходы. Показался небольшой автомобильный кортеж. Теперь уж не помню точно, в третьей или во второй машине с незанавешенными окошками сидел направляющийся на службу Джавахарлал Неру. Я говорю «на службу», потому что именно в этот час сотни, тысячи велосипедистов заполнили все улицы и улочки столицы: служащие, объяснили нам, направляются в свои учреждения. Премьер-министр каждый день в один и тот же час отправлялся на свою высокую службу — человек, которому больше, чем кому-либо другому, многострадальная Индия обязана тем, что вырвалась из хищных и цепких когтей империализма и обрела независимость.

Кортеж проходил мимо нас медленно, и мы могли в течение нескольких минут видеть этого человека. Мы еще прежде слышали, что премьер-министр тяжело болен, но ведь он и раньше часто болел; может, думали мы, и на этот раз все кончится благополучно, силы вернутся,— словом, все будет хорошо. Но внешний вид Неру мало оставлял таких надежд. Он не сидел в своей машине, а полулежал, откинув голову на заднюю спинку сиденья, да не прямо, а как-то набок, ближе к левому углу. Стоявшие по обе стороны люди приветствовали его, но лица их были печальны.

В тот же день вечером мы смотрели хронику. И вновь увидали Неру, он встречал в своей резиденции важного дипломата. Для приветствия премьер-министр должен был подняться, но сделать это уже не мог без помощи державшего его под руку какого-то высокого и тоже пожилого человека.

Всю дорогу до гостиницы мы и наши хозяева молчали. Я смотрел по сторонам рассеянно и почти ничего не видел...

* * *

Мы приглашены в Делийский университет. Многие его профессора — сами литераторы, и у нас составился, по сути, литературный вечер, хотя и проходивший средь бела дня. Поэты читали нам свои стихи на хинди, на урду, на бенгали, все переводилось на английский, а уж с английского — на русский. Хоть путь, как видим, был тернист и сложен, но все-таки стихи доходили до нас. Потом такую же операцию, но в обратном порядке произвели со стихами нашего друга — узбекского поэта Рамза Бабаджана. Форма рубаи, в которой преуспел последние годы этот поэт, оказалась очень близкой многим участникам литературной встречи. Рамз читал:

Летит космонавт — и мир
погружен в изумленье,
От славы его дрожит небосклон
в изумленье.
Хвала человеку! Пред ним даже
смерть отступила,
А был бы аллах — застыл бы
и он в удивленье.

Индия чествовала на своей земле Валентину Терешкову, и, наверное, теперь вспомнили и про нее и про других покорителей космоса. Среди слушателей были две девушки-аспирантки. Они из Ташкента, проходят усовершенствование в восточных языках в Делийском университете. Дружба между двумя великими народами ищет самый короткий путь для своего укрепления. Язык — хороший помощник для такого великого дела.

Я думаю об этом, а между тем за мною и моими друзьями неотступно следит пара уже далеко не молодых, но очень внимательных глаз. Я был уверен, что этот человек после официальной встречи непременно захочет задержать нас еще на несколько минут и о чем-то непременно спросить, по-видимому, чрезвычайно важном для него. Он задержал нас в коридоре, недалеко от выхода.

— Прошу прощения, господа,— начал он на языке русского человека, давно утратившего возможность следить за живым развитием родной речи,— но мне бы хотелось просить вас об одном одолжении. Мой сын Владимир,— он показал на стоявшего рядом с ним мальчика лет десяти, обыкновенного по виду индийского мальчика,— очень любит читать русские книги и особенно про войну. Не найдется ли при вас такая книга?

Я охотно подарил Вове свой роман «Солдаты».

— Он мечтает поехать учиться в Россию,— сказал отец. И тут голос его дрогнул.— Вы знаете... я же русский. Фамилия моя Есаулов, я внук предводителя дворянства Саратовской губернии. Не слыхали ли про Шереметьевку? Это село принадлежало моему деду.

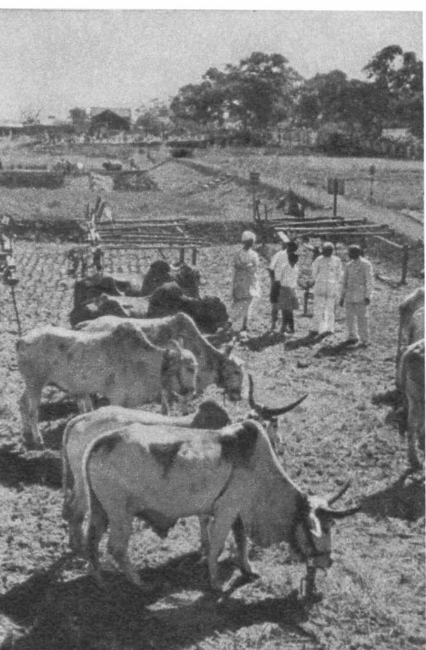
А когда я сообщил внуку предводителя, что не только слышал про Шереметьевку, но и много раз бывал в ней — у меня там товарищ учительствовал,— то на глаза господина Есаулова навернулись слезы. Справившись с волнением, он поведал нам коротко историю своей жизни. После Октября бежал за границу. Много скитался по разным странам, пока судьба не забросила его сюда, в Индию. Женился на индийской женщине. Сын Вова, однако, лучше говорит на русском языке.

Вова, не спуская с нас своего пристального и восторженного взгляда, прижимал к груди подаренные книги: Рамз тоже нашел в кармане небольшой сборничек стихов, выпущенных недавно на русском языке.

На таких лодках уходят в море индийские рыбаки.

Кооперативная ферма близ Бомбея.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

долами...

* * *

Из университета мы направились в Художественную галерею; там собрано много великолепных полотен индийских и зарубежных мастеров. Перед многими картинами хотелось задержаться как можно дольше, особое внимание привлекают рисунки Рабиндраната Тагора.

Потом мы перешли в зал, где развесили свои творения абстракционисты. Мы высказались довольно откровенно относительно увиденного. Экскурсовод, не большой, как выяснилось впоследствии, поклонник абстрактного искусства, тем не менее не удержался, чтобы не задать нам ставший уже традиционным в подобных обстоятельствах вопрос:

— Почему у вас не любят абстрактную живопись и скульптуру?

На это мы ответили вопросом:

— Почему добрая хозяйка каждый день выметает из своего дома мусор?

Экскурсовод улыбнулся и покосился на некое создание из расплющенного, покореженного куска ржавого железа, помещенное в центре комнаты,—мимо него посетители проходят в отдалении, дабы не уколоться и не порвать платье. Днем позже, когда мы в Национальном музее смотрели совершенно удивительные индийские народные танцы, были очарованы и самими танцами и костюмами танцоров и танцовщиц, нам вновь припомнилась горько-ироническая улыбка нашего экскурсовода из Художественной галереи.

Последний день нашего пребывания в Дели завершился приемом у заместителя министра просвещения. Беседа была в высшей степени дружественной и имела целью дела сугубо практические: что надо еще предпринять, чтобы культурные связи между нашими народами были более тесными и плодотворными. Наш хозяин интересовался тем, как поставлено образование в советских республиках Средней Азии. Тут уж нашему другу Рамзу Бабаджану, как говорится, и книги в руки. С живейшим интересом было выслушано его короткое сообщение и об Академии наук Узбекистана, и о многих высших учебных заведениях республики, и о всеобщем восьмилетнем образовании, и о книгоиздательстве, и о Союзе узбекских писателей. Вопрос же, собственно, был задан один:

— Вы сказали, что узбеки разговаривают и на родном своем узбекском языке и на русском. Это хорошо. А как же те, которые не учатся в школе?

— У нас учатся все,— сказал Рамз.

— Ах, да... конечно! — И заместитель министра смущенно умолк.

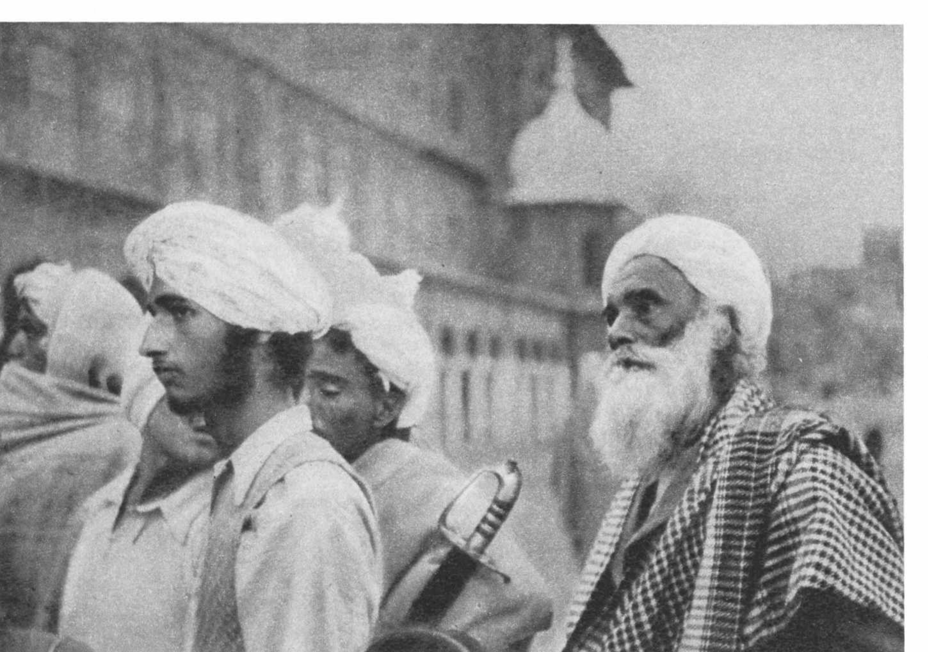
Он мог бы и не смущаться. Мы знаем, каких титанических усилий стоит индийскому правительству наладить дело народного образования и как много уже сделано в этом направлении.

* * *

Я вдруг вспомнил, что не назвал еще ни единой достопримечательности, с которой обычно связывают эту действительно сказочную страну. Не пробежали по моим строчкам резвые и смешные обезьянки, не прошагал своими негнущимися ножищами слон, не прошипела кобра, не пролетел гриф. Это, честно говоря, не есть мое упущение. Просто фауна, к которой мы привыкли из чтения мемуаров разных путешественников, пока еще нам не встречалась.

В Джайпуре нам повезло. С утра нас повезли в какую-то старую крепость, во дворе которой стояла дюжина слонов. Они все — будто кто-то невидимый ими командовал — согласно кланялись въезжающим в крепость, шевеля и повиливая кончиками своих хоботов.

По костюму в Индии часто можно узнать представителей той или другой национальности.

Индийский танец.

Фото Дм. Бальтерманца.

На спине каждого великана была прилажена своего рода карета, в нее садились по четыре туриста. Слон дважды провозил этих поглупевших от удовольствия людей по двору и подходил к широкой стене крепости, где и ссаживал осчастливленных. Покатались и мы на слоне; физиономии наши при этом тоже не выглядели интеллигентней. И все-таки, когда мы были не наездниками, а зрителями, нас более всего забавлял вид не слона, а взобравшейся на него какой-нибудь пожилой английской леди, прибывшей в страну, где, может быть, прошла ее молодость. Сколько важности, сколько гордого достоинства запечатлевалось в такую минуту на челе ее!

В Джайпуре у нас была вторая встреча с индийскими писателями. Это был очень большой и очень дружественный разговор о литературе. Потом читали стихи. Мы повторили опыт с многоступенчатым переводом, который нам

удался в Делийском университете. Удался он и здесь. Мне пришлось делать нечто вроде докладов о советской литературе.

* * *

Об Агре рассказ будет совсем короткий. И не только потому, что в этом великолепном городе мы пробыли самый малый срок, а главным образом потому, что тут мы ограничились осмотром многочисленных замков, крепостей и знаменитой гробницы Тадж-Махал, построенной на реке Джамна шахом Джаханом из белого мрамора в память жены. Об этом воистину изумительном сооружении старинного зодчества писалось так много и так подробно, что я не беру на себя смелость соперничать со своими собратьями по ремеслу, умевшими это делать куда искуснее меня, малоопытного путешественника, позабывшего даже — опять же по неопытности—обзавестись соответствующими туристическими справочниками...

Замки, крепости, усыпальницы, дворцы — все это было сделано в далекие времена для возвеличивания раджей и махараджей. Теперь же Индия, гордясь изумительными памятниками старины, озабочена более тем, что она должна сделать для своего народа, для того, чтобы весь народ был сыт, обут, одет, чтобы он получил образование, достойную работу и пользовался всеми как материальными, так и духовными благами своей земли. Мы видели среди осматривающих Тадж-Махал туристов не совсем обычных— то были инженеры, техники, рабочие с Бхилайского металлургического комбината и с других строек, сквозь которые видится будущее Индии, уже независимой не только политически, но и экономически от империалистов. Радостно было видеть среди смуглых индийцев наших светловолосых и светло-русых парней и девчат, загоревших под полуденным солнцем далекой дружественной страны.

* * *

Бенарес. Об этом древнейшем городе мы были наслышаны задолго до приезда в Индию.

Бенарес считается священным городом. Наш проводник Винод Джаджориа, человек еще очень молодой и, как мы убедились после, весьма остроумный и жизнерадостный, предложил нам завершить свое земное существование не где-нибудь, а именно в Бенаресе. В этом случае рай будет нам обеспечен, как бы ни был велик груз наших грехов: они, грехи наши тяжкие, исчезают, как злые духи, стоит лишь помереть на земле Бенареса. Сюда, чтобы совершить омовение в воде Ганга, съезжаются и сходятся со всех концов Индии, да и не только Индии, верующие.

Протискиваясь к реке сквозь плотную толпу полуобнаженных и вовсе обнаженных людей, среди которых были калеки, были прокаженные, каждый из нас троих, вероятно, думал, сколько же чудовищно сложных проблем — национальных, религиозных, здравоохранения, образования — стоит перед республикой. Однако проводник наш казался невозмутимым; и тут опять подумалось, что нищета и невежество страшны сами по себе, но во сто раз они страшнее, когда с ними примирятся и разум и совесть твоя. Во всяком случае, наш веселый Джаджориа сыпал направо и налево остротами, удивляясь при этом тому, что мы молчим.

Проводник высказал нам довольно оригинальный взгляд на причины перенаселения Бенареса и многих других городов страны, а значит, и на причины безработицы. Виною тому, оказывается, просвещение. Беда, по словам веселого г-на Джаджориа, в том, что образование пришло в сельскую местность. Многие крестьяне стали грамотны. А какой же грамотный будет ковыряться в земле и в навозе? Грамотные из деревень устремились в город — только и всего. А вывод? Коль у вас есть на плечах голова, сделайте его сами: просвещение — зло, а не благо...

В министерстве просвещения, где, надо полагать, имеют более полные сведения по этому вопросу, мы слышали нечто совершенно другое. На селе до сих пор еще насчитывается до 80 процентов неграмотных людей, и это, не в пример нашему веселому проводнику, не радует, а сильно заботит индийское правительство, не мыслящее прогресса своей страны без образования широких народных масс. В том же Бенаресе мы видели университет, в котором обучаются тысячи юношей и девушек; индийцы с вполне понятной гордостью сообщили нам, что сюда за получением хорошего образования приезжает молодежь из многих стран мира, в том числе из Европы и Америки.

Выбравшись из тесных улиц города, мы по отличной асфальтированной дороге направились осматривать различные исторические достопримечательности. Ехали, как по широкой аллее: по бокам росли огромные деревья, по пышности кроны напоминавшие нам каштаны где-нибудь на киевских высотах. Но это не каштаны. Это дерево, о котором индиец скажет не иначе, как с просветленным лицом:

— Манго!

Дерево не требует ни ухода за собой, ни особого наблюдения. Оно хорошо знает, что ему надо делать: ежегодно на его ветвях вызревают пленительно вкусные плоды.

Первым на нашем пути был Археологический музей. В нем собраны лучшие образцы буддийского искусства. Во множестве вариантов была представлена Богиня Искушения.

Истинное восхищение вызывает у посетителей храм по имени Мать Индия, построенный в честь Ганди. Во весь зал огромная мраморная карта Индии — такой, каковой страна должна быть после освобождения от колониальной зависимости.

Вообще Бенарес — город прежде всего храмов. Не знаю, есть ли ему в этом отношении равные в мире. Храмищи, храмы и крошечные храмики окружили город, вторглись в его центральную часть, жмутся один к другому, теснят друг друга, некоторые стоят, покосившись, по грудь в воде, а есть и такие, которые исчезли вовсе под водой или целятся из-под воды стволами башен.

Есть здесь сооруженный в давние еще времена Обезьяний храм. Там-то мы впервые и увидели этих капризных особ во множестве. Живут они в своем храме, прямо скажем, припеваючи. Их одаривают разными лакомствами богатые туристы, толпами осаждающие в течение всего дня этот храм. Старые обезьянки, разжиревшие, толстые и ленивые, как купчихи, занимают нижнюю часть храма, глядят на туристов и их приношения с полным безразличием, а то и с откровенным презрением. Обезьянки среднего возраста и веса расположились повыше, а молодые, озорные и легкомысленные, забрались на самую верхотуру; многие повисли на хвостах вниз головою и, вытаращив черные круглые глаза, скалят зубы и показывают своим цивилизованным сородичам язык. Свысока — в прямом и переносном смысле свысока — глядят они на нарядных леди и джентльменов, среди которых вдруг оказался совершенно обнаженный человек, посыпанный пеплом. Он, объяснили нам, объявил себя святым еще при жизни, и теперь ему нет никакой необходимости прикрывать причинные места. Однако и святой не утратил еще общечеловеческой слабости и пришел поглазеть на далеких своих прародителей...

А вот еще Храм любви. Возле него почти никогда не бывают леди, зато всегда толпятся джентльмены. Великие мастера резьбы по дереву хорошо потрудились тут во славу бога Эроса. Почтенные отцы семейств, приходя сюда, напустив на свой лик ангельское благолепие, смиренно выслушивают пояснения экскурсовода, которым является либо священник, настоятель этого собора, либо его двенадцатилетний сын.

Однако мы были принуждены прервать свою экскурсию по Храму любви. Нас ждал в своем дворце махараджа. Из слов Винода Джаджориа мы уже знали, что махараджа Бенареса — великий попечитель старины и индуистских традиций, чем и известен в городе и во всей округе.

Мы прибыли во дворец минут за пятнадцать до определенного нам срока. Слуги, чтобы скоротать время, провели нас в помещение, где было собрано оружие за много столетий. Зрелище этого уникального собрания увлекло нас, и мы чуть было не опоздали на прием.

Вслед за секретарем мы поднялись наверх, в просторную не то комнату, не то башню, открытую со стороны Ганга и со всех остальных трех сторон вольным ветрам и солнцу. Через минуту появился в национальном костюме махараджа, очень румяный, очень черноусый и очень жизнерадостный мужчина, чем-то напоминавший нам нашего юного проводника, хотя был лет на тридцать старше. Первое, с чего начал его величество, так это подвел нас к портрету другого величества — какого-то русского великого князя, однажды осчастливившего своим присутствием дворец бенаресского махараджи.

Потом его величество живо заговорил и говорил уже до тех пор, пока время аудиенции окончилось. Да, разумеется, он весьма озабочен сбережением традиций. Он, как вы видите, носит исключительно национальный костюм. Пьет воду только из Ганга, а ест только пищу, приготовленную руками его жены. Далее мы узнали, что его величество любит военные мемуары, он уже прочел всего Черчилля, хотел бы познакомиться с сочинениями советских полководцев. Я пообещал выслать ему книги некоторых наших маршалов.

На этом аудиенция закончилась, а вместе с нею окончилось и наше пребывание в Бенаресе.

На вокзале г-н Джаджориа, дружески попрощавшись, не забыл предупредить:

— Иностранец, побывавший в нашем городе дважды, тоже может быть уверен: рай ему обеспечен.

* * *

Калькутта встретила нас жарищей совершенно немыслимой. Программа же нашего трехдневного пребывания в столице Западной Бенгалии была так насыщена, что мы взмолились: «Сократите количество встреч и экскурсий хотя б на одну треть!» Наши гостеприимные хозяева вняли мольбам и малость подсократили. И все-таки мы всякий раз возвращались в отель «Спенса» в полнейшем изнеможении; Рамз падал в постель и сейчас же заказывал себе чаю, без которого он не мог бы прожить и одного дня, что там дня — часу не мог бы прожить.

Листая в своем номере телефонный справочник, я между прочим наткнулся на следующую рекламку:

«Вы сэкономите иностранную валюту, покупая советские колесные и гусеничные тракторы, сельскохозяйственные машины и землеройное оборудование». Я и теперь не знаю, кем и для кого составлена эта памятка. И если говорю о ней, то потому лишь, что здесь, в дальней-дальней стороне, даже такая малая деталь может сильно разволновать.

Университет Рабиндра Бхарати. О нем мы думали еще в Москве. И как же мы были благодарны нашим хозяевам за то, что они в первый же день повели нас в дом, к которому, вероятно, никогда «не зарастет народная тропа»! Да, это дом великого сына Индии и великого нашего друга Рабиндраната Тагора. Тихо входим в комнату, где он умер. На стене два его портрета, на маленьком столике ваза с цветком. Точно вечный огонь, днем и ночью, изо дня в день, из года в год курится фимиам. Так и кажется, что вот только сейчас, несколько минут назад, из комнаты вынесли покойного Тагора. Но рядом, в другой большой комнате, мы уже встречаемся с ним живым. Правда, мы не видим его, но слышим голос — голос Тагора, записанный на граммофонную пластинку. Тагор читает свои стихи сначала на родном, бенгальском, а затем на английском языке. Знаменитая певица Мит исполняет песню Тагора. Низкий тебе поклон, большой наш друг! Советская Россия помнит о тебе, ты одним из первых протянул ей дружескую руку из далекой Индии.

Взволнованные, выходим во двор. Тут же, у дверей, возвышается памятник. На нем надпись:

«От Общества советско-индийских культурных связей университету Рабиндра Бхарати в знак глу-

бокого уважения и любви к Рабиндранату Тагору, великому сыну индийского народа, завещавшему крепить дружбу между Индией и Советским Союзом».

В полдень, то есть в самый зной, нас пригласили в редакцию газеты «Джугантар». В рабочем кабинете, в тесной комнатушке заведующего отделом новостей, поэта и прозаика Д. Р. Босе собралось на беседу с нами несколько сотрудников. За фанерной перегородкой, отделяющей «кабинет» от типографии, ревели ротационные машины, стучали линотипы. Голос г-на Босе был едва слышен среди этого шума. Однако то была рабочая атмосфера для Босе, и потому он чувствовал себя превосходно, чего нельзя было сказать о нас. Босе же делает сразу много дел: пишет, говорит по телефону, задает нам и своим сотрудникам вопросы, слушает ответы, снова говорит по телефону, опять задает вопросы, дружески улыбается при этом, поощряет к откровенности.

* * *

Молочный комбинат Бомбея — предприятие для Индии новое, скорее всего экспериментальное, как, впрочем, и множество других предприятий. Все оборудование на нем принадлежит государству, а коровы являются собственностью крестьян, которые как бы сдают своих животных в аренду. Поскольку при переработке молока образуется много различных отходов, то рядом с молочными созданы свинофермы, и предприятие уже делается многоотраслевым. Сразу, конечно, не вникнешь в детали такого содружества частного с государственным, но ясно одно: дети Бомбея оказались в выигрыше, каждый день они получают свежее молоко и другие молочные продукты, в огромной массе выпускаемые комбинатом. Надо думать, что они с благодарностью вспоминают при этом дедушку Джавахарлала, по инициативе которого создано хозяйство.

Утром следующего дня мы поехали в аэропорт, чтобы вылететь в Аурангабад. Неподалеку от этого города находятся знаменитые пещеры, о существовании которых в течение сотен лет никто не подозревал в Индии: входы в них были завалены глиной, затем заросли травой, а потом и деревьями. Пещеры случайно обнаружил майор Гилл, бродивший в здешних краях с охотничьим ружьем. Всего 34 пещеры, из них 12 — буддийские, остальные — индуистские. Многие из них начаты еще в седьмом веке, а закончены в восьмом. Строительный материал — каменная скала, и больше ничего. По рисункам, по скульптурным изображениям вы можете прочесть всю историю не только религии, но вообще всю историю Древней Индии. На острове Слонов в Аравийском море, неподалеку от Бомбея, пещеры построены, а точнее, вырублены, в скале в том же седьмом веке. С вершины острова, то есть от самых входов в пещеры, хорошо была видна выступающая гряда чуть южнее Бомбея и на ней поблескивающий на солнце купол атомного реактора. Так мы смогли из глубин веков или, вернее сказать, глазами давно минувших столетий посмотреть на век наш, двадцатый.

ДЕНЬ ШЕСТОГО ИЮЛЯ

Сам автор назвал пьесу «опытом документальной драмы». Здесь нет придуманных героев и ситуаций. События одного дня 1918 года полны драматизма и значительности, и они определили содержание и действие пьесы.

Это был день, когда левые эсеры, подняв мятеж, готовились нанести удар в спину еще не окрепшей советской республике, был заготовлен приказ об аресте Ленина, захвачен телеграф и арестован Дзержинский.

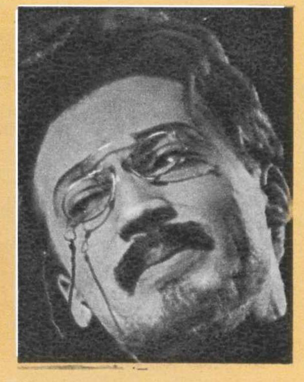
Из Большого театра, где происходит V съезд Советов, действие переносится в кабинет Ленина, в немецкое посольство, на завод.

С первых же моментов зрители в напряжении. Они втянуты в действие пьесы. С балконов грозно глядят стволы пулеметов, откуда-то с галерки раздается бас большевика, прямо из зала выходят митингующие рабочие, и прямо в зал обращается со своей речью Владимир Ильич Ленин.

В исполнении Б. Смирнова образ вождя раскрывается с удивительной силой. Мы верим каждой интонации актера, остроте сарказма и ярости гнева, искреннему, открытому смеху. В последнем действии, когда мятеж уже подавлен, Ленин идет по Сокольническому парку, кукушка щедро считает ему годы, звучит музыка. И Владимир Ильич смеется, счастливый, ликующий. Он идет к нам...

Да, этот спектакль «Шестое июля» М. Шатрова — еще одна удача МХАТа, еще одна творческая находка Б. Смирнова, режиссера Л. Варпаховского и молодого художника В. Ворошилова.

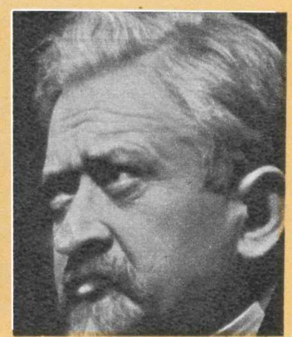
Ленин — Б. Смирнов.

Свердлов — Н. Пеньков.

Дзержинский — Л. Губанов.

Чичерин — В. Муравьев.

Фото А. Гладштейна.

Умное сердце

К 75-летию со дня рождения Веры Инбер

Весной 1944 года — третьей военной весной — Ленинград был по-особому прекрасен. Он словно отдыхал после многих месяцев фронтовой страды, теперь отдалившейся от его стен. Ленинградцам уже не было надобности совмещать свой обычный труд с трудом бойца, защитника родного города. И в этот поворотный час работники разных профессий вспоминали сделанное, обдумывали будущее, проверяли свое мастерство. Этим были заняты и писатели, за годы блокады, как никогда прежде, ощутившие, что значит и что может взвешенное, воодушевленное слово, входящее в человеческие сердца и укрепляющее их.

...Светлым майским вечером несколько литераторов собрались на Петроградской стороне у Веры Михайловны Инбер. Беседа уже близилась к концу, когда хозяйка решила прочитать первые строфы начатого ею стихотворения «Наша биография». Поэтесса здесь обращалась к своей доброй лошадке «по имени Пегас», благодарила ее за неутомимость и отнюдь не обещала отдыха.

Мы неразлучны, мой Пегас,
И нам покоя нет.

Эти строки были одновременно итогом и обещанием, трудовым девизом и жизненной программой. Застой, безделье, спокойствие равнодушия неизвестны писательнице. Работа для нее — естественное состояние, неодолимая потребность, источник радости.

Строки, выходящие из-под пера Веры Инбер, многое говорят самым различным читателям. Те, что помоложе, с удовольствием читают про хозяйственную сороконожку и смелых скворцов; другие ценят тонкое остроумие ее рассказов и лирических стихотворений; третьи обращаются к автобиографической повести «Место под солнцем», запечатлевшей трудный путь автора к гражданской зрелости; четвертые снова переживают напряжение военных лет над ленинградским дневником «Почти три года» и поэмой «Пулковский меридиан»; пятым книга статей, исследований, портретных характеристик, воспоминаний «За много лет» открывает движущие силы художественного творчества.

Да, круг интересов Веры Инбер широк, и у нее на вооружении многие способы общения с читателем: стихи и проза, поэмы и очерки, строки веселые и печальные, сильные своей достоверностью и остроумием. Однако же для того, чтобы оценить по достоинству это обилие красок, сюжетов, судеб, эту пытливость ума и щедрость души, неутомимую жажду постижения и готовность поделиться своими знаниями с товарищами, согражданами, надобно охватить полностью все сделанное писательницей, сопоставить отдельные части ее книг.

В 1938 году свой «Путевой дневник» Вера Инбер завершила словами: «В том-то все и дело, чтобы преодолеть свои пределы». Это не отвлеченная истина, высказанная в пространство, а убеждение, подкрепленное делом, можно сказать, всей жизнью, более чем полувековым трудом.

В одном из ранних стихотворений Веры Инбер речь идет о сказках — изящных, уютных, забавных. Именно такими часто были и ее стихи в ту пору. Она сама впоследствии очень точно сказала: «Целое поколение интеллигенции потягивало действительность сквозь соломинку и в таком виде находило ее сносной». Когда грянула революция, этому поколению пришлось пройти через суровое испытание. Вера Инбер его выдержала. Не сразу она нашла сильные, строгие слова, но ее твердая решимость быть вместе со своим народом, ее энергия, талант, трудолюбие принесли свои плоды. Сравните стихи, которыми она начинала, со стихами первых пятилеток, с теми, что написаны в осажденном Ленинграде, с послевоенными — и вы испытаете странное чувство. Видно, что все они написаны одной и тою же рукою, и вместе с тем они совершенно различны по зоркости взгляда, по остроте чувств, по глубине обобщения, по твердости почерка, по охвату сопоставлений. Это значит, что рост художника был и органичным, естественным и одновременно стремительным, преодолевавшим исходные вкусы и представления.

С увлечением, с любовью, от души она ведет речь о чувствах, отношениях, нравственных связях, утверждающихся в нашей стране. «Я узнала апрельскую прелесть» — так начала она свой рассказ о встрече с Узбекистаном. Эта радость узнавания живет в ее стихах и рассказах предвоенных лет, рождаемая добрыми переменами в жизни страны.

В годы Великой Отечественной войны строка Веры Инбер была боевой, сражающейся — не только по смыслу и звучанию, но и по месту рождения. Муза теперь являлась к писательнице «под сирены вой в исхлестанной ветрами плащ-палатке», и поступь ее была еще более широкой, мужественной, а сердце не знало ни устали, ни страха.

Близость к своему времени и искренняя готовность работать для него — этим живет и дышит писательница.

И. ГРИНБЕРГ

Этот портрет работы Н. Жукова взят из недавно вышедшего первого тома четырехтомного собрания сочинений Веры Михайловны Инбер.

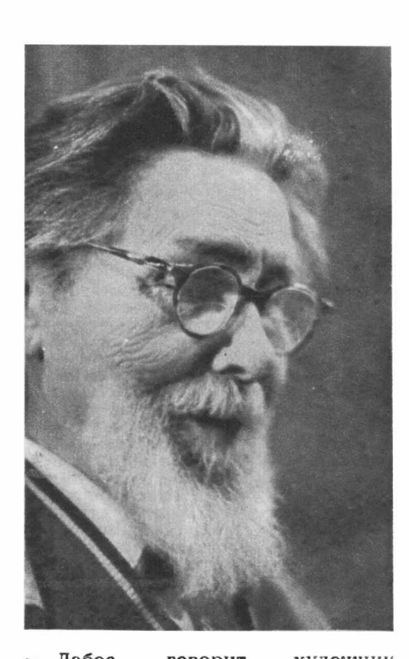
Н. ТОЛЧЕНОВА

ЛАБОС — значит ЗДРАВСТВУЙТЕ!

— ЛАБОС, лабос!

Доброе слово привета с особым радушием звучит в мастерских художников и студиях скульпторов Литвы.

Первым, у кого мы побывали в гостях, был, конечно, Антанас Жмуйдзинавичюс. Патриарх литовских живописцев, он на два года младше Сергея Тимофеевича Коненкова. Его девяностая весна наступит в будущем году.

— Лабос, — говорит художник Жмуйдзинавичюс.

Приехав в Каунас, в Художественный музей имени Чюрлиониса, мы осведомились по телефону: не позволят ли нам навестить Антанаса Ионовича: он недавно был болен, домашние строго оберегали его покой. В трубке сперва помолчали, потом зашептались, послышались шаги, неясный шум... Наконец сердитый мужской голос громко закричал:

— Ну, разумеется, позволю! Очень рад. Нечего даже и спрашивать! Где вы? Приходите скорее! Идите сюда сразу же!

Повинуясь энергичному призыву, мы перешли площадь, вымощенную каменными плитами на старинный образец. Столь же старинные куранты медлительно и мелодично вызванивали нам вслед бойкую «Катюшу». Для всех каунасцев это еще один безошибочный признак наступления весны и лета, когда из двух курантистов на башню поднимается младший, весельчак.

Идти было недалеко, и еще издали мы увидели, как в доме № 64 по улице Саломеи Нерис распахнулась вдруг высокая створка узкого стрельчатого окна. Над цветущими каштанами навстречу нам чуть не до пояса высунулся, сияя улыбкой, блестя лукавыми серыми глазами, Жмуйдзинавичюс. Седой и розовый, похожий на рождественского деда, он нетерпеливо махал рукой, и не успели мы произнести «лабос» в маленькой прихожей, как Антанас Ионович уже бодро шагал впереди по крутой деревянной лестнице своего дома.

Во всех подробностях — и непременно сам! — хотел он показать гостям филиал музея, устраиваемый здесь к 25-летию Советской Литвы. Такой вот чудесный подарок к празднику художник преподносит своему народу.

Поистине бесценный дар.

Кроме картин и этюдов самого Жмуйдзинавичюса,— а их около тысячи,— в филиале экспонируется еще множество других полотен, собранных художником за долгую жизнь, в том числе известные произведения М. Чюрлиониса, З. Петравичюса, А. Унаняна, В. Мешкова, В. Тюрина... Тут будут находиться скульптура и графика, уникальные книги, коллекции монет, народные изделия из кожи и металла, керамика, резьба по дереву, вышивки — да всего и не перечислишь!

— Коротко говоря, все свое отдаю вместе с домом. И еще самого себя в придачу,— смеется Жмуйдзинавичюс. И со свойственной ему лукавой живостью добавляет: — В придачу к своим чертям: ясное дело!..

Окружающие смеются. Однако упоминание о чертях требует дополнительных разъяснений, на что хитрый Антанас Ионович, кажется, и рассчитывал.

Забавную коллекцию своих чертей художник показывает не спеша, с явным удовольствием, наслаждаясь от души неистощимой фантазией, вложенной в смешные, мастерски выполненные фигурки, хвостатые и рогатые. Сделаны они художниками и народными умельцами из дерева, гипса, глины, мрамора, жести, шерсти, бумаги, меди, бронзы, фарфора, чугуна, стекла — словом, из всего того, над чем только могут и умеют трудиться изобретательные руки. На днях в «Пандемониум» Жмуйдзинавичюса поступил 230-й по счету черт, искусно вышитый цветными нитками на куске ткани. Черти прибывают к художнику буквально со всех концов света, потому что теперь их собирает для него чуть ли не вся Литва! Пока еще здесь нет разве только американских чертей. И недаром в Литве шутливо говорят, что старый Жмуйдзинавичюс истребил на земле почти всю нечистую силу: ведь, согласно народному поверью, черт не переносит, когда его изображают.

По этому же поводу на основной — весьма обширной и интересной — территории музея в Каунасе происходит «Собрание последних чертей». Так называется многофигурная скульптурная композиция, которая не способна рассмешить только мертвого. Мрачный Вельзевул и его унылые подопечные скорбят, потому что Жмуйдзинавичюсу весело! Посетителям каунасского музея об этом сообщает надпись, четко выведенная на транспаранте чертом-писцом...

КАУНАС — бывшая столица Литвы. На тенистых улицах и площадях, заросших огромными каштанами, старина и новое переплелись как-то на редкость своеобразно и тесно. И это составляет особое, неизъяснимое очарование и города и его людей. Возле Каунаса шумит безбрежное Каунасское море, прекрасное творение рук человеческих, рук советских. И плавно катит из века в век спокойные свои воды задумчивый Неман.

Вот и на полотнах художников Литвы привлекают такие же живые, естественно выраженные приметы нынешней, советской жизни. Мажорно заявляют о себе эти приметы на таких картинах, как «На стройке Кедайняйского химкомбината» А. Криштопайтиса или «Спортсмены на водной станции» Г. Петровой, публикуемых на нашей вкладке. А вот «Старые рыбаки Ниды», написанные молодым художником Ромуальдом Кунца.

Взгляните — это люди, знающие, почем фунт лиха, насквозь просоленные и выдубленные Балтикой; такими были наверняка и отцы их и деды... Но присмотритесь к старикам повнимательней. Выразительные, твердые лица их дышат отнюдь не пенсионным покоем, а уверенностью в завтрашнем дне.

НЕСОМНЕННО, еще отчетливее или, точней сказать, увереннее и пластичней выступает атмосфера сегодняшнего дня, самый воздух его в полыхающих красками полотнах Антанаса Гудайтиса, крупнейшего живописца современной Литвы.

Зрелый талант этого художника, который отметил свое шестидесятилетие в прошлом году, находится ныне в самом расцвете. И можно только позавидовать, глядя на собранного, стройного, подтянутого человека, не уступающего в дальних походах и двадцатилетнему спортсмену.

Десятки километров способен исходить он по дальним окрестностям Вильнюса и вообще по родной литовской земле, форсируя холмы и болота в поисках пейзажа, отвечающего замыслу. И, конечно же, могучее влияние Антанаса Гудайтиса на учеников, которых он, профессор института, растит в республике, объясняется не только пленительным своеобразием его художественной манеры, но еще и присущими ему чисто человеческими качествами. Это натура волевая, энергичная. Его веселое, приветливое «лабос» сопровождается крепким, дружеским рукопожатием.

Проницательный, умный художник относится к молодежи с неизменной доброжелательностью, хотя взгляд его, пожалуй, остается таким же острым, как прежде, как в те далекие времена, когда Антанасу слишком часто приходилось пристально, зорко приглядываться к окружающим, чтобы лучше уметь бороться за кусок хлеба, а порой — чтобы просто не погибнуть с голоду.

Отец Антанаса, заводской рабочий, старавшийся передать сынишке волнение и радость своих мыслей, донести свет прочитанных книг, был вынужден покинуть родину. За границу, в далекую Америку гнала его не вечная нужда — к ней они привыкли,— а преследования полиции, хватавшей подряд всех участников революционного движения 1905 года. Пощады старому Гудайтису ждать не приходилось, и Антанас остался один, лицом к лицу с нищетой, обидами, лишениями. Но, как ни странно, не озлобился. Жизнь закалила юношу, видно, он был из той породы, которую удары судьбы делают крепче.

Многие сверстники Гудайтиса свой скудный заработок пропивали с горя либо цепко приберегали каждый грош на черный день. Антанас же ухитрялся на свои гроши учиться. Сначала он равно увлекался живописью и литературой. По всей вероятности, в нем

А. Криштопайтис.

НА СТРОЙКЕ КЕДАЙНЯЙСКОГО ХИМКОМБИНАТА.

Г. Петрова.

СПОРТСМЕНЫ НА ВОДНОЙ СТАНЦИИ.

Р. Кунца.

СТАРЫЕ РЫБАКИ НИДЫ.

А. Гудайтис.

В ПОЛДЕНЬ.

жил еще и писатель: образы теснились в его воображении. Он начал было сочинять, потом почувствовал, что живописью может выразить жизнь более сжато, лаконично, не переводя тайную силу красок в более открытую силу слов.

Воплощение мира собственников требовало от художника суровости, сдержанности. Необыкновенные возможности Гудайтиса как колориста, находящего в цвете главные возможности для передачи всех особенностей и всех богатств жизни, раскрылись на создаваемых им полотнах наиболее полно уже в советские годы.

«В полдень» — одна из наиболее спокойных по цвету поздних картин Гудайтиса. Но все равно она вся проникнута теплом, живым, ясным светом. Дыхание Литвы сегодняшней — это дыхание земли людей, которые распрямились, расправили плечи и с любовью взглянули на мир, принадлежащий им по праву.

НА УЛИЦЕ ГРИБА в Вильнюсе, напоминающей московские Черемушки, специально для художников выстроили несколько домов. В верхних этажах размещаются просторные мастерские.

Не квартира, а благодать для художника, если, конечно, в своей семье не он один художник... В подобном случае мастерскую, разумеется, забирает глава семьи. Ну, а остальные уж приспосабливаются как могут.

Констанция Стошкус, жена известного латвийского витражиста Альгиса Стошкуса,— скульптор. Чаще всего она работает у себя в спальне. Так Констанции легче приглядывать за детьми, используя и то время, пока маленькая Далите спит. Хотя, укладываясь в постель, дочка, видимо, успевала одним глазом понаблюдать за матерью. И вот в один прекрасный день — пожалуйте! — Даля сама берет маленькими пальчиками глину.

— Лабос, Далите! А что ты сегодня вылепила?

Девочка с серьезным лицом приносит на деревянной подставке двух человечков — большого и поменьше, они держатся за руки. Так Даля играет в «дочки-матери» с глиной... Вероятнее всего, с возрастом это увлечение пройдет, а сейчас из глины лепятся дом и птица, черепаха и дерево... Теперь уже не скрываясь, Далите подолгу смотрит на созидающие руки матери... С тем же неистощимым любопытством подбирается девочка и к зарисовкам отца. Впрочем, Альгис, как все отцы, не очень-то любит, когда ему мешают.

Было время, одна из главных жизненных задач Альгиса Стошкуса, поставленная им перед собой со свойственной ему непреклонностью, сводилась к современному решению богатейших эстетических возможностей витража.

Этого он добился.

Великолепным украшением Вильнюса стали работы Стошкуса — огромные сияющие композиции из цветного стекла. Они возникают перед вами, полные такого мощного излучения, словно художник делал их из солнечного спектра. И как же чудесно, что эта живая, искрящаяся радуга, послушная воле художника, воле человека, может теперь рассказывать о новой жизни новых людей!.. Освоены те секреты, те богатства, какими пленяют взоры прославленные витражи собора в Риге...

Истинный талант, однако, не ведает ни довольства, ни успокоения.

Проходит время, и Альгис Стошкус снова подчиняет всю свою жизнь новым замыслам. Он проводит ночи без сна, худеет, нервничает, напрасно старается спрятать от учеников следы переутомления и бессонницы...

Объемное, а не плоское стекло в витраже. Разные по цвету, по величине и по форме, но одинаково массивные стеклянные кирпичи, из которых по рисунку складывается стена-витраж. Вот идея. И, конечно, надо увидеть такой витраж воочию,— в чем нам особо посчастливилось! — чтобы судить о его новых, безмерно возросших эстетических качествах. Это прежде всего новый, еще более глубокий и насыщенный цветсвет. Словно потоками струится он из каждого отдельного кирпичика. Сколотые художником тут и там грани этих кирпичиков придают витражу особую прелесть, сообщая ему завораживающее мерцание, множество переливов и отблесков света в цвете...

Сколько же трудов потребовало от Стошкуса осуществление идеи! Особенно если учесть, что своей печи, где можно было бы без помех варить стекло, у витражиста и его студентов до сих пор нет.

Но либо действительно нам везло и мы все больше встречали в Литве людей с упорным характером, либо же такие характеры вообще — главное достояние советской Балтики...

Альгис Стошкус со своим объемным стеклом.

ПЕРЕПОЛНЕН РУССКОЙ МУЗЫКОЙ

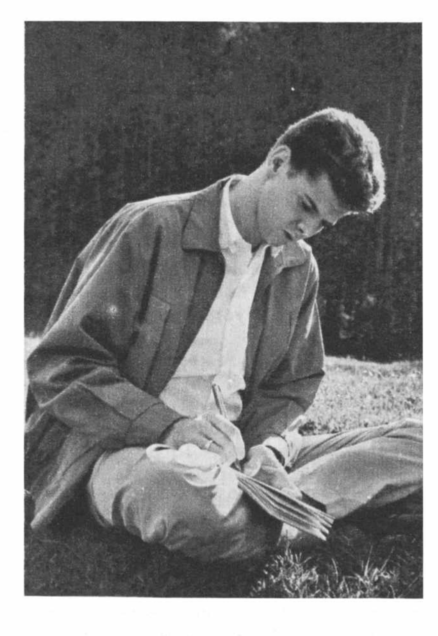

Фото Е. Умнова.

Как всегда, на концертах Клиберна всюду цветы: на рояле, на полу, на сцене...

— Он так любит нашу страну,— говорит Генриэтта Беляева, переводчица и друг Вана Клиберна.— И так рад, что снова среди своих друзей.

Для дирижерского дебюта в Советском Союзе Клиберн не случайно избрал Симфонические танцы своего любимого Рахманинова. Здесь мы опять почувствовали большое любящее сердце Вана, его душу, переполненную русской музыкой, русскими просторами. Очень светло прозвучала увертюра к опере Дм. Кабалевского «Кола Брюньон». А 3-й концерт Прокофьева, где Клиберн выступил в роли пианиста-дирижера, показал зрелость музыканта, его интеллектуальный рост. В то же время мы увидели оставшийся нетронутым искренний молодой задор пианиста... И как воспоминание о волнующих днях конкурса, как дань большой дружбе с советскими слушателями прозвучал 1-й концерт Чайковского. Исполненный Ваном в содружестве с Кириллом Петровичем Кондрашиным, концерт был сыгран с особым подъемом и ликованием...

И вот Новосибирск. Встречи с незнакомой аудиторией, жаждущей близкого знакомства с прославленным музыкантом. Теперь можно смело сказать, что сибиряки тоже открыли для себя Клиберна. После исполнения бетховенской Appassionata и VI сонаты Прокофьева по залу прокатился гул. Слушатели были покорены безудержным романтизмом си-минорной сонаты Листа. А потом на «бис» звучали Скрябин, Шопен, Шуман, известное москвичам «Грустное воспоминание» Вана Клиберна...

Моя встреча с Ваном произошла в коттедже Академгородка под Новосибирском, где природа немного сродни подмосковной. Чувствуется громадное напряжение пианиста, утомленность, бессонные ночи. Он говорит, что недоволен собою; накануне концерта в Москве чувствовал себя ужасно, но отменить концерт не было никакой возможности.

— Вообще, еще в Штатах я договорился с импрессарио, что он не очень перегрузит мое турне по Советскому Союзу. Но когда я увидел готовый контракт,— что оставалось делать? Правда, ваша страна для меня в особом положении, хотя здесь устаешь гораздо больше.

Клиберн чувствует, что ему необходим отдых. Нужно время для углубленных занятий, философских раздумий.

— С сентября месяца — одни репетиции и концерты! Иначе невозможно: если не напоминать о себе почаще, то скоро забудут. А вы знаете, публика так много берет! Я люблю играть для людей, но ведь может прийти час, когда ничего не сможешь больше дать.

Чувствуется громадный интерес пианиста к советской музыке.

— Очень люблю концерты Прокофьева. Особенно три первых.

Клиберн немножко понимает по-русски, кое-что говорит. В этом — заслуга Генриэтты Беляевой.

— Так хочу научиться русскому языку! Читать в подлиннике Пушкина, Толстого, Чехова, Шолохова... Но нет ни времени, ни условий. Бесконечные поездки по Соединенным Штатам, гастроли за рубежом. Менеджеры везде одинаковы: они не считаются ни с твоим здоровьем, ни с настроением...

И все-таки, несмотря на тяжелые условия концертной жизни, Ван остается романтиком во всех отношениях.

— Я слишком стар, чтобы переделываться! — шутит он.

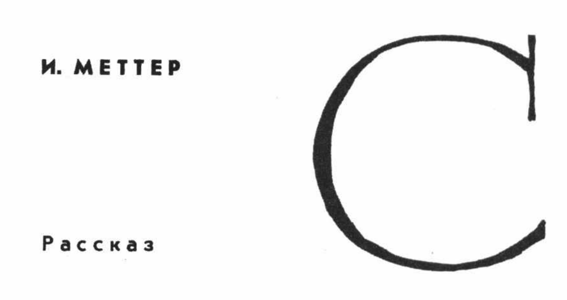
В связи с этим вспоминается статья в ноябрьском номере журнала «Музыкальная Америка» за 1962 год, посвященная конкурсу имени Вана Клиберна в техасском городе Форт-Уэрт. Критик утверждает, что Ван все равно стал бы выдающимся пианистом, получил бы он приз Чайковского или нет, ибо мир ожидал прихода нового пианиста-романтика. Но попутно автор статьи удивляется, как это Клиберн сумел победить на столь значительном конкурсе с таким «роковым дефектом», как романтизм.

А не за этот ли «роковой дефект» мы и полюбили Вана? Не этот ли истинный романтизм сильного духа, лишенный слезливой сентиментальности и умиленности, испокон веков дорог русскому сердцу? И не то ли особенно покорило советских слушателей, что именно парень из далекой Америки так играл русскую музыку...

Теперь уже и у себя на родине Ван Клиберн признан большим, зрелым музыкантом, которому по плечу и русская, принесшая ему славу, и любая другая музыка. А ведь после конкурса Америка требовала от Клиберна только Чайковского и Рахманинова. В нем не желали видеть пианиста с обширным репертуаром. Теперь это позади. Всем стало ясно, что Ван Клиберн — это не преходящая сенсация 1958 года, а большой, настоящий пианист со своим неповторимым музыкальным обликом. Выбрав свой единственный путь, он уверенно идет вперед. И как хочется, чтобы он почаще приезжал к нам, в страну своих искренних друзей.

Наталья КАЛИНИНА

И. МЕТТЕР

Рассказ

В электричке они поссорились. Ссора возникла из пустяков, но, как это всегда у них бывало, наворотилось много лишних грубых слов, причина ссоры тотчас же была забыта, а злость осталась.

Минут за десять до станции Анатолий сказал:

— Давай, Варька, сделаем, чтоб старики не заметили. А то, честное слово, неловко получается: вечно приезжаем, поругавшись...

— Подумаешь!— сказала Варя.—Перед своими давить фасон. Пусть знают. Я не умею лицемерить, как ты.

— При чем тут лицемерие? Может, я просто огорчать их не хочу. Или, может, мне стыдно...

— Стыдно?— Она повернула к нему красивое осатанелое лицо.— Тогда надо было жениться на другой. Впрочем, ты еще успеешь.

— Дура!— сказал Анатолий.— Вот дура!

— От такого же и слышу.

И все началось сначала, по второму разу.

День был субботний. Покуда они шли от вокзала к родительскому дому, по дороге попадались знакомые. Шли парни из РТС, кое с кем из них Анатолий и Варя учились когда-то в поселковой школе.

— Алё, Толька!— закричали парни еще издали.

Поравнявшись, они посмотрели годовалую дочку, которую нес Анатолий, стрельнули у него сигарет и пошли своей дорогой.

— Они тебя совершенно не уважают,— сказала Варя.

Он не стал ничего отвечать.

— Вообще мильтонов мало кто уважает. Хорошо еще, что ты форму не носишь. Стошнить может от вашей формы.

— Зарплату приношу — не тошнит,— сказал Анатолий миролюбиво.— Брось, Варька, ей-богу, надоело...

— Ты не можешь мне запретить высказывать свои мысли.

— Да я не запрещаю. Я прошу.

— А попрекать меня своей зарплатой тоже не имеешь права. Вот после курсов поговорим, кто больше будет домой приносить.

Он видел, что Варя завелась надолго. Они всегда приезжали в поселок, поругавшись. Матери он не стеснялся, матери он ни в чем не стеснялся, а отца было совестно. И теперь еще, как назло, эти чертовы парикмахерские курсы. Отговорить ее не удалось. На все его доводы она отвечала, что это очень хорошая специальность — делать людей красивыми.

— Ты возишься круглые сутки с жульем — считается благородная профессия. А мои клиенты будут порядочные люди. И заработок подходящий.

— Чаевые,— подсказывал Анатолий.

— Зависит от точки зрения. Для кого — чаевые, а для кого — благодарность за душевное отношение. Вообще хорошенькая женщина имеет право получать подарки. Ты мне цветы когда-то приносил?

— Но я же потом на тебе женился.

— Ну, знаешь! Если из-за каждого букета выходить замуж...

Спорить с ней было бессмысленно. Он либо терялся, либо выходил из себя и только усилием воли сдерживался, чтобы не ударить по ее нарядному лицу. Иногда ему казалось, что она ждет, чтобы он ее ударил. Ей нужно зачем-то, чтобы он оказался негодяем. Ссоры их заходили так далеко, что и вспоминать было тошно. Варя никого не стеснялась, ей было море по колено, когда она злилась, присутствие свидетелей даже как будто вдохновляло ее.

Из-за этих проклятых парикмахерских курсов придется сегодня просить стариков, чтобы они взяли к себе месяца на три Иришку. Мать скажет: «Хорошо, пожалуйста. Раз нужно — чего там, где трое, там и четверо». А отец ничего не скажет, закурит, подвигает желваками, поглядит вверх, в потолок...

Когда они подошли к дому, мать стирала на крыльце, а младший брат Витька, поскребыш, носился за оградой на трехколесном велосипеде.

— Тю!— закричал Витька.— Варюха опять покрасилась!..

Открывая калитку, Анатолий вспомнил, что и на этот раз не захватил никакого гостинца. Он всегда вспоминал об этом, открывая калитку. Вот свинство! Хоть бы Варе когда-нибудь вскочило в голову. Постоянно получалось, что именно в дни приезда, раза два в месяц, он ходил без денег. Хозяйство у них в городе велось как попало. Иногда приезжала из поселка мать, привозила на милицейском «газике» мешок картошки со своего огорода, капусту, огурцы. Елена Ивановна вздыхала, глядя на жизнь сына, ее расстраивал беспорядок в доме, она говорила невестке:

— Я тебя, Варя, совершенно не понимаю. Почему у вас не хватает денег до получки? Как же другие-то люди живут?

— Может, у них запросы меньше,— усмехалась Варя.— Вы, мама, не можете этого понять.

— Почему же, интересно, я не могу?— обижалась Елена Ивановна; голос ее густел: обиженная, она всегда разговаривала басом.

— Потому что, мама, вы свою жизнь уже отжили. И время было другое. Вам кажется, что самое главное — набить желудок. А мы с Толиком смотрим иначе. Мы лучше будем голодные...

— Я ему третьего дня белье стирала,— перебивала Елена Ивановна,— у него кальсоны все рваные. И носки тоже.

— Ну и что?

— Неудобно все-таки. Женатый человек. Офицер. В институте учится...

— А он в институт в кальсонах не ходит. И вообще, мама, позвольте нам жить, как нам нравится.

— Грубиянка ты!— подымалась Елена Ивановна.

— Спасибо за комплимент,— отвечала Варвара, выкладывая привезенную картошку в «авоськи».

От мужа Елена Ивановна старалась скрыть, что помогает сыну, но делала это неумело, и Василий Капитонович догадывался: из дому исчезал то отрез на брюки, то пара белья, а то вдруг оказывалось, что не дотянуть до дня зарплаты. Поблажки эти сердили Василия Капитоновича, он никак не мог взять в толк, почему сын, старший лейтенант милиции, здоровый парень двадцати семи лет от роду, должен доить своих родителей. Но говорить с ним об этом Василий Капитонович не решался, а, выпив, привязывался к своей жене, виня ее за баловство.

— Ну чего ты меня-то мучаешь?— басила Елена Ивановна.— Посмотри лучше на мои руки, все пошли пупырьями, нервы уже не выдерживают.

— Пускай больше сюда не ездят,— говорил Василий Капитонович.

— А ты скажи им! Чего ты ко мне-то вяжешься? Твой же сын, как и мой.

Лукин бывал изредка в городе по делам службы, но к сыну домой не заходил. Сноху свою терпеть не мог да заодно не любил и всю ее семью. Варькиного брата пришлось сажать в тюрьму за украденный в Доме культуры баян; Варькина мать курит, как мужик, горластая баба, нарожала от трех мужей кучу детей — пять девок, одна красивей другой, да еще двух парней; с парнями этими постоянная морока, и Василию Капитоновичу, местному начальнику милиции, другой раз бывает совестно смотреть людям в глаза: породнился с семейкой, спасибо большое Анатолию. Когда пришли с обыском за баяном, теща Анатолия подняла такой крик, что сбежалась вся улица. Баян лежал в сарае, закиданный дровами, теща сказала, что сами милицейские его туда и подбросили, им за это премия идет.

В городе Василий Капитонович виделся с сыном только в управлении.

Старший Лукин заглядывал в ту комнату, где работал Анатолий, и громко говорил:

— Привет молодежи!

Здесь сидели трое оперуполномоченных. Они все подымались, когда появлялся в дверях старик Лукин; он молодцевато обходил их, сверкая насмешливыми, добрыми глазами, и крепко пожимал им руки.

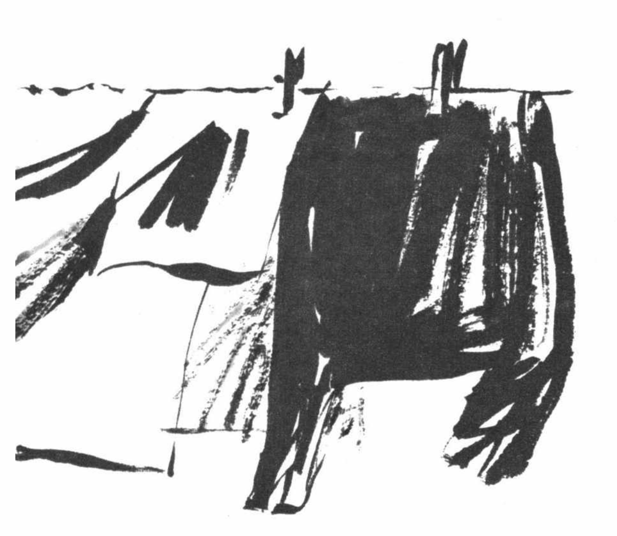
— Стараемся?— подмигивал он.— Давайте, давайте, товарищи дорогие! У вас грамотуха посильнее, чем у нас...

Молодые люди приветливо улыбались подполковнику Лукину, но Анатолий старался как можно скорей тактично оттеснить его в коридор, боясь, что отец как-нибудь глупо, старомодно пошутит.

НОХА

Рисунок Н. Флоренской
и Г. Никеева.

В коридоре яркие глаза Василия Капитоновича гасли, он смотрел в потолок и спрашивал:

— Как зачеты?

— Сдаю понемногу, батя.

— Иришка здорова?

— Здорова. Ты чего, пап, приехал? Отчет привозил? У вас, говорят, три кражи висят нераскрытые...

— Вот ты приедешь на выходной в гости и раскроешь.

Общность работы не сближала их. Они смотрели на свое дело по-разному. В споре Василий Капитонович легко раздражался, багровел, грубил, говорил сыну «вы», обращаясь к нему во множественном числе:

— К вашему сведению... Вы не в курсе вопроса... Нахалы вы!..

Елена Ивановна разнимала их:

— Будет вам! Надоели. Сцепились, как два петуха.

Сын, улыбаясь, умолкал сразу, а отец еще долго гневно бормотал:

— Вот так.. По рогам вам надо дать...

В этот приезд, как только Анатолий с Варей вошли за ограду, Витька подкатил на трехколесном велосипеде и радостно завопил:

— Тю, Варюха опять покрасилась!

— По шее получишь,— сказала ему через плечо Варвара, целуя Елену Ивановну.

— Где батька?— спросил Анатолий.

— В бане, сейчас придет.

Пока мать хлопотала по хозяйству, он вышел в палисадник поклевать на грядках клубники. В родительском доме он чувствовал себя мальчишкой. Не прошло и десяти минут, как они уже носились с Витькой по двору, наводили друг на друга, прицеливаясь, указательные пальцы, орали: «Ба-бах! Ба-бах!» — и падали замертво.

Варя помогала Елене Ивановне накрывать на стол. Когда вот так собиралась вся семья и невестка вела себя без фокусов, Елена Ивановна бывала счастлива. Ей хотелось, чтобы у всех у них был достаток — харчи, одежда, квартира,— а если всего этого будет вдосталь, то не может не быть и счастья. Она росла когда-то в огромной нищей семье — их было одиннадцать душ детей, какого только горя не пришлось ей хлебнуть — и считала с тех пор, что все беды в семьях исключительно от нужды, от нищеты.

Василий Капитонович пришел из бани, когда стол уже был накрыт к ужину.

— Здравствуй, сноха!— сказал он с порога.— Зови мужиков, голодные, наверное, как черти... Леля,— обернулся он к жене,— дай на полбанки, ко мне сын приехал.

В магазин пошли вдвоем с Анатолием.

Им было приятно сейчас идти по поселку, где все знают их. Оба высокие, крепкие, лобастые; у отца седая голова, синие, как порох, глаза. Он уже успел в бане выпить полтораста граммов, и теперь все в нем играло и требовало ответа.

— Ты в магазин не заходи,— сказал сын.— Неудобно все-таки...

— Глупость,— сказал отец.

В очереди за водкой стояли плотники ремстройконторы, работяги из промартели — всего человек десять. Ленька Каляев, застенчивый пьяница, раза два в год сидевший по нескольку суток в камере, увидев Лукина, приветливо заулыбался.

— Я немножко, Василий Капитонович,— сказал он.— С получки.

— У тебя каждый день получка,— сказал Василий Капитонович.— Завтра Ритка прибежит жаловаться.

— Не-е,— заверил Ленька.— Я ей деньги снес. А это халтура, погреб копал одному человеку.

Когда подошла очередь, Василий Капитонович протянул сыну три рубля, тот отдал их продавщице и взял бутылку «Московской», а на остальные — сигареты.

За ужином все шло гладко, покуда Варя не сказала:

— Мы хотели, мама, попросить вас взять Иришку. Я на курсы поступила.

Елена Ивановна испуганно посмотрела на мужа и спросила загустевшим голосом:

— На какие курсы?

— На парикмахерские. Дамских мастеров в городе совершенно не хватает.

Василий Капитонович смотрел в потолок.

— Три месяца обучения,— сказала Варя.— Очень серьезная программа: укладка, окраска, завивка. Отличников даже посылают на практику в косметический кабинет...

— Значит, теперь будете оба с образованием?— спросил Василий Капитонович.

Он налил себе полную стопку и выпил один.

— А деньги,— сказала Варя,— мы двадцато будем привозить. Главное, конечно, попасть после курсов в хорошую точку. Куда-нибудь в центр города, например, возле ДЛТ или Пассажа.

— Сунуть придется?— равнодушно спросил Василий Капитонович.

— Ну почему непременно «сунуть»?— сказала Варя.— Можно позвать человека в гости, красиво принять... Вот только надо расплатиться за шифоньер. Когда у нас последний взнос, Толик?

— Не помню,— сказал Анатолий; раздраженно, сбоку, он взглянул на отца.

— Ты никогда ничего не помнишь,— сказала Варя.— В конце концов я тоже человек. Ничего, кроме пеленок, не вижу.

Она заплакала, вскочила из-за стола и побежала в другую комнату.

Анатолий поднялся вслед за ней.

— Иришку мы возьмем,— торопливо сказала Елена Ивановна.— А ты чего молчишь?— спросила она Василия Капитоновича.

— Надо взять,— сказал он, наливая себе еще стопку.— Парикмахерское дело серьезное. Теперь стричься будем по блату.

— Можешь не иронизировать,— сказал Анатолий и вышел из комнаты.

Елена Ивановна принялась убирать со стола.

— И на самом-то деле трудно им,— сказала она.— В городе, Вася, жизнь дорогая. Мы с тобой никуда не ходим, а они люди молодые. В кино сходить—и то рубль на двоих, а еще захочется в буфете лимонаду выпить. Одеться надо, обуться. Смотри, как Толик оборвался...

— А ты б взяла мой костюм отдала. По поселку можно в трусах бегать.

— Все злишься,— сказала Елена Ивановна.— Пил бы меньше.

— А это мое дело.

— Против кого пьешь-то? Против себя и пьешь. Неужели от людей не совестно?

— Я на свои пью.

— Виновата я, что ли, раз у них такое положение — ребенка не с кем оставить?

— А чего ж,—сказал Василий Капитонович,— пошла бы к Варьке в домработницы.

Он встал, притворно потянулся и зевнул.

— Вася,— жалобно сказала Елена Ивановна,— гуляет она, по-моему. Кольцо видел у нее новое на руке?

— Не приметил,— соврал Василий Капитонович.

— Когда вы ходили в магазин, я спросила, откуда кольцо, она говорит, подруга подарила. Где ж это бывают такие подруги? И сумочка у нее новая... Поговорил бы ты с Толиком.

— Пусть сами разбираются.

— Отец все-таки.

— А он меня не спрашивал, когда женился.

Надев плащ, Василий Капитонович пошел к дверям.

— Вася,— еще раз жалобно обратилась к нему жена. Он остановился вполоборота к ней и вскинул глаза к потолку.— Думаешь, я не понимаю, с чего ты стал вино пить? Через Варьку и пьешь...

— Ладно,— сказал Василий Капитонович.— Будет. Поговорили.

— Ну и кому ты этим доказываешь?— спросила Елена Ивановна.— Выведут на пенсию прежде времени. А нам еще Витю подымать надо... Вася, не ходи в чайную.— Она дотронулась до его локтя.— Слышишь, Вася...

Он ничего не ответил и вышел вон.

На улице было темно. Светились окна Дома культуры, оттуда доносилась музыка — там заканчивались танцы.

В этом поселке Василий Капитонович работал десять лет. Он уже давно понял, что здесь ему дослуживать свою службу до конца. Вся его жизнь прошла вокруг города, то в одном сельсовете, то в другом, он никогда не жаловался на свою судьбу. В городе ему бывало неуютно, он чувствовал себя там ничтожным человеком, от которого ничего не зависит. Да и не понимал он городских людей, их интересы были далеки ему.

Последние годы ему приходилось сильно напрягаться, чтобы поспеть за тем, что происходит вокруг. Многого он не мог постичь, и это его изумляло, а порой раздражало. Вся его прошлая жизнь представлялась ему сейчас стройной и последовательной; люди, с которыми доводилось когда-то встречаться и работать, казалось, были чище и лучше, и даже пороки их выглядели интересней.

У него было слишком мало слов, чтобы выразить свои сложные чувства и мысли, поэтому нетерпеливым собеседникам чудилось, что он ограниченный, грубый и темный человек. Начальство уже давно поставило на нем крест и даже немного стеснялось его — он это видел и не испытывал зависти к молодым работникам.

Прожив в поселках всю свою службу, Василий Капитонович часто ездил по окрестным деревням — райком посылал его уполномоченным при всякой кампании, и в качестве уполномоченного он совершал множество ошибок, зная при этом, что он совершает ошибки; он шел зачастую против своей мужицкой совести, требуя с людей то, чего они не могли дать; сердце его болело от того, что он видел в избах и на поле, и, чтобы заглушить эту боль, он ожесточался. Ожесточиться ему было проще, нежели другому человеку, ибо по роду своей милицейской работы он должен был часто бывать жестоким.

Однако, когда пришло время и наступила возможность списать свои ошибки и начать жить иначе, Василий Капитонович уже окостенел, ошибки эти стали дороги ему, он не хотел отказываться от них и с презрительным изумлением наблюдал тех работников, которые с легкостью, даже с какой-то залихватской покаянной гордостью зачеркивали все, чем жили и за что получали зарплату прежде.

У этих работников, думал Василий Капитонович, получалось так, что они и тогда были правы, а теперь тоже правы. Выходит, всегда их верх, с горечью думал он.

Не было никакой логики в том, что он думал, и в спорах с сыном он терпел поражение. Анатолий беседовал с ним снисходительно и вяло, как это часто принято у молодых людей, когда отжившие свой век старики донимают их пустыми разговорами.

Сила была на стороне Анатолия. И не только потому, что отец был невежественнее его, а просто время для Анатолия сложилось иначе, удачней: его ничем нельзя было попрекнуть, не лежало на нем никакой вины, и он пользовался этим вовсю, видя в этом свою личную заслугу.

— Ты бы, батя, помалкивал,— ласково говорил он.— Наломали вы дров порядочно.

— Никому не секрет!— горячился Василий Капитонович.— Наломали. А, к вашему сведению, порядка больше было.

— Да какой же это порядок, батя, вам всюду враги народа мерещились.

— Я лично их не касался,— свирепел Василий Капитонович: ему осточертели эти попреки.— Я ворье сажал... А пусть мне сопляки пояснят, зачем я нынче с председателем райпотребсоюза Блиновым должен здороваться за ручку? Почему мы с ним вместе на активах сидим? Он, сволочь, народное добро расхищает, на нем пробы негде ставить!.. Могу я его арестовать?

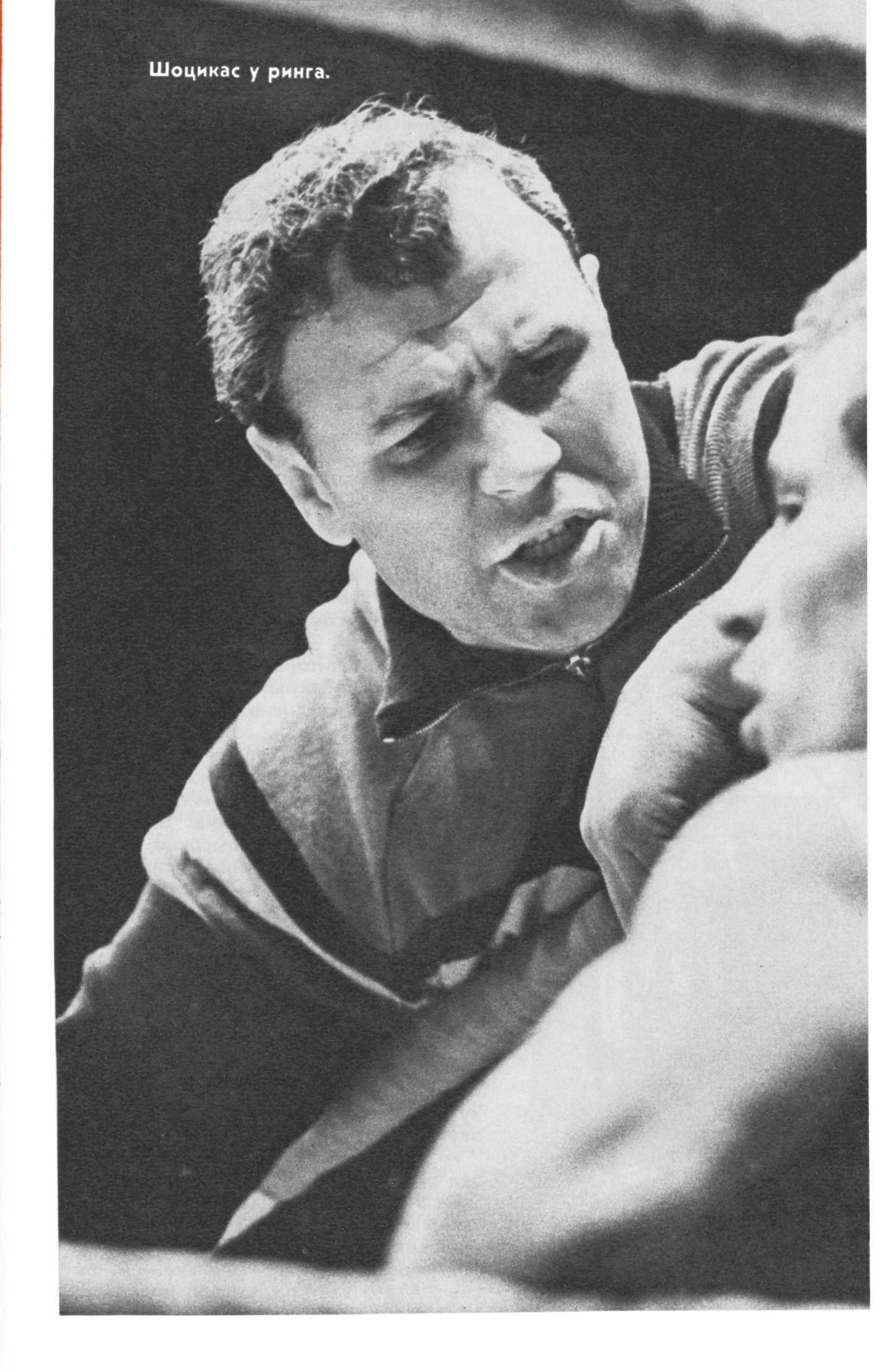
— Должен.

— А кто мне даст санкцию? Я пришел к секретарю райкома, он говорит: ты не тронь Блинова, мы на него по партийной линии воздействуем. Работать надо с людьми, товарищ Лукин, воспитывать их!.. А не спрашивает меня секретарь, хочу я быть с Блиновым в одной партии или не хочу!

— Зря расстраиваешься,— сказал Анатолий.— Теперь-то будет попроще. Не таких орлов берем... Это уже пройденный этап.

— А почем я знал, что он будет пройденный? Я на том самом этапе жизнь оставил... Выходит, зря, что ли?

И действительно, сын был прав: Блинова вскорости арестовали — приехали из управления и взяли,— но Василий Капитонович не мог простить себе, что смолчал тогда в райкоме. Смолчал потому, что боялся перечить секретарю. А боялся потому.... Да стоит ли объяснять, почему он боялся! Сколько раз он давал себе слово поступать так, как велит его совесть, сколько раз убеждался в том, что если бы поступал в свое время по совести, то потом оказалось бы, что именно эти поступки и были государственно верными. Долго его смолоду ломали, чтобы приучить отличать свою точку зрения от государственной, словно в его личной точке зрения непременно есть что-то зазорное, шкурное, и он на самом деле стал стыдиться своей точки зрения, полагая ее слишком мелкой.

Шоцикас у ринга.

ЛИТОВСКИЕ ПЕРЧАТКИ

Нынче времена изменились — Василий Капитонович это видел,— но его огорчало, что изменения эти произошли без активного его участия.

Хотелось ему внушить свой жизненный опыт сыну, но не умел Василий Капитонович этого сделать, не хватало ни слов, ни терпения.

И сейчас, идя по темной улице поселка, он горевал, что сын отламывается от него все сильнее, все дальше — Варька уводила его в сторону. Поделиться своим отцовским, мужским горем было не с кем, и стал Василий Капитонович полегоньку попивать: сперва из-за Варьки, а потом уж без особых причин, только для того, чтобы утвердиться в своей обиде. Да и чувствовал он себя, выпивши, вольнее; ему казалось тогда, что он пронзительнее понимает окружающую его жизнь.

Проходя мимо освещенных окон чайной, он различал в папиросном дыму фигуры людей, стоящих у высоких столиков.

Неподалеку, на улице, прохаживался милиционер.

Заходить в чайную Василий Капитонович не стал, хотя мог свободно сделать это: посмотреть, кто, как и на какие шиши пьет, милицейскому работнику всегда полезно. Но сейчас он был расстроен приездом сына.

Подойдя к милиционеру, Василий Капитонович сказал:

— Ты вот что, Савчук. Добеги до квартиры Леньки Каляева. Он давеча брал в магазине пол-литра. Погляди, не шумит ли на детей.

Милиционер тотчас же быстро ушел, а Василий Капитонович побродил еще немного, записал на всякий случай номера грузовых машин, остановившихся подле Дома культуры — на машинах приезжали беспокойные солдаты из далекого стройбата на танцы,— прошел мимо трех магазинов, вглядываясь в полутьму, на месте ли сторожа; и всю дорогу, не переставая, думал, что с сыном надо серьезно поговорить насчет Варьки.

Когда он вернулся домой, все уже спали.

Посидев на кухне, Василий Капитонович попил теплого чая с не остывшей еще плиты, просмотрел на ночь газеты. Потом выпил лекарство от сердца и улегся в постель.

Среди ночи его разбудила жена.

Он сел на постели, еще не соображая, о чем речь.

— Ругаются,— прошептала жена.

Из соседней комнаты доносились голоса: громкий, злой — Варькин и сдавленный — Анатолия.

Василий Капитонович нащупал в темноте пачку сигарет, лег и закурил.

Курево в темноте было безвкусное.

Ссора за стеной не унималась.

— Вася,— прошептала жена,— не случилось бы чего...

— Спи,— велел ей Василий Капитонович.

Они лежали рядом. Он слышал, как дрожало ее плечо.

— Срам-то какой,— сказала она.

Заплакала Иришка. Хлопнула дверь из соседней комнаты в кухню.

Он поднялся и, как был, в кальсонах, пошел на кухню.

Александрас **ИЦИКАВИЧЮС**

По правде говоря, во всем виноват значок, обыкновенный красно-бело-зеленый значок с контурами территории Литовской ССР, какой носят туристы нашей республики, отправляясь за границу. И если бы не он, этот значок, я бы, наверное, не написал очерка. А дело было так. Берлин. В Вернер-Зеелинбиндер-халле только что закончилось первенство Европы по боксу. Несколько журналистов решили прогуляться с двумя победителями этого чемпионата — литовцами Ричардасом Тамулисом и Даном Позняком. И вот на одной из улиц к нашим боксерам подошел пожилой берлинец и, показав на значок, спросил, что он значит.

— Это контуры Литвы — одной из республик, входящих в Советский Союз,— объяснил ему Тамулис.

— Советская Литва?— переспросил берлинец и задумался, а потом, улыбнувшись, сказал:— Знаю, знаю! Советская Литва — это Шоцикас... В 1955 году он здесь, в Берлине, стал чемпионом Европы.

Было более чем странно в такой момент услышать фамилию Шоцикаса. После горячих схваток на ринге, когда вся печать ГДР пестрела снимками победителей, а радио и телевидение по нескольку раз повторяли фамилии восьми советских боксеров, завоевавших первенство, наш собеседник вдруг вспоминает то, что происходило десять лет назад.

— Возможно, старик тогда интересовался спортом, а сейчас нет? — предположил кто-то.

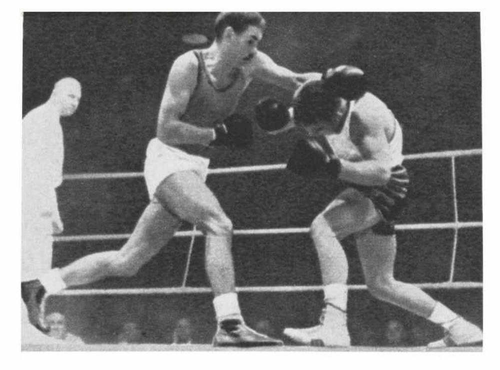
Возможно. А может быть, берлинец вспомнил Шоцикаса потому, что он был одним из первых советских чемпионов? Ведь первые всегда лучше запоминаются. Вот сколько у нас теперь космонавтов, какие полеты они совершили, а Гагарин все равно остается первым. Гагарин остается Гагариным. Но почему Литва ассоциируется с боксом? Неужто край Немана отличается только боксерами? Нет, конечно, но литовские боевые перчатки давно уже ценятся во всем мире.

Давно?.. Не очень. Имена наших боксеров стали звучать в полную силу уже в послевоенные годы, а в то время, когда и автор этих строк изредка надевал кожаные боксерские перчатки, тренеры в Литве были наперечет. Два лита (килограмм масла), внесенные за право в течение месяца посещать тренировки, еще не являлись гарантией, что тебя чему-то научат. Получил билет на посещение зала, перчатки, несколько указаний — и работай, совершенствуйся как знаешь! И помощь тренера часто заменяли рассказы о знаменитом бойце Шаркисе-Жукаускасе, эмигрировавшем из Литвы в Америку. Вот это король ринга! Он ведь сумел прославиться в США, стал чемпионом мира в тяжелом весе под фамилией Шаркей.

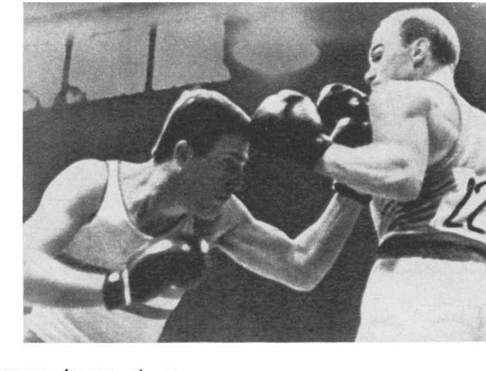
В то время, когда эстонцы успешно выступали на рингах Европы, в Неманском крае не было ни школы бокса, ни тренеров. Так продолжалось из года в год. Но вот в 1947 году в Москве, на всесоюзном параде физкультурников, девятнадцатилетний воспитанник ремесленного училища, слесарь Альгирдас Шоцикас, участник парада, впервые в жизни увидел бокс. И увидел не рядовой поединок. На ринге сражался Николай Королев! Что же удивительного в том, что рослый, сильный юноша решил стать боксером? Но удивительно другое: через несколько месяцев Альгирдас Шоцикас стал чемпионом спортивного общества профсоюзов Литвы «Жальгирис». А вскоре он выступил и на первенстве ВЦСПС и встретился там на ринге с заслуженным мастером спорта, абсолютным чемпионом страны Николаем Королевым.

Не много времени потребовалось Королеву для победы! Раздался гонг, проведено было несколько обманных движений, последовал удар — и Альгирдас оказался в нокдауне. В течение первых двух раундов Шоцикас семь раз побывал на настиле ринга, но каждый раз поднимался, чтобы продолжать бой...

Каунас. Первенство СССР по боксу. В финале тяжелого веса — старые знакомые: Королев и Шоцикас. Снова звучит гонг. Но что происходит на ринге? Доминирует Шоцикас, а не знаменитый Королев. Люди, собравшиеся в зале, отлично видят и понимают это. А вот судьи видят и не верят своим глазам. Ведь Королев никогда не имел достойного соперника, никто не помнит, чтобы абсолютный чемпион переходил в «глухую защиту». Но молодой каунасец уже не тот, что два года назад. Бой Шоцикаса остался без окончательного решения... Год спустя Альгирдас

Темпераментно и осторожно ведет Р. Тамулис бой на берлинском ринге с польским боксером Глукой.

Д. Позняк (справа) успешно провел на чемпионате Европы в Берлине трудный бой с венгерским боксером И. Эдаши.

стал чемпионом Советского Союза в тяжелом весе. А когда команда СССР впервые приняла участие в первенстве Европы в Варшаве, Шоцикас, первый боксер Литвы, стал чемпионом Европы.

И пришел день, когда один школьник из Каунаса сказал себе: «А почему я не могу стать боксером? Ведь я левша, ведь и я быстрый. Почему же мне не стать таким же боксером, как Шоцикас?»

С такими мыслями пришел в зал бокса Каунасского института физкультуры худощавый, физически слабый парнишка. В список подростков, желающих заниматься боксом, внесли его фамилию — Тамулис. Черноволосый мальчуган уже имел на своем счету несколько боев на ринге, и однажды он видел, как Шоцикас в поте лица тренировал своего соперника — Ричардаса Юшкенаса. Разве этого мало? Шоцикас хотел, чтобы Ричардас был подготовлен не хуже, чем он сам! Как это благородно! Вот бы иметь Тамулису такого заботливого наставника! И как же обрадовался мальчик, когда он увидел в зале Шоцикаса, внимательно следящего за ним! А потом, просмотрев тренировочный бой Тамулиса, Шоцикас сказал:

— Правильно, очень правильно делаешь, что не стараешься раздавить соперника. Помни: бокс не драка, а искусство фехтовать перчатками. В бою решает не только сила, но и ум!

Такая оценка бокса в то время была еще новшеством. Тренеры старого поколения считали, что соперника надо «прикончить» любыми средствами, и такой взгляд на бокс всегда вызывал у Альгирдаса возмущенный протест. Главное — человек на ринге должен оставаться человеком, а не превращаться в драчуна в перчатках. Этот взгляд он защищал неуклонно, когда сам выступал и когда воспитывал в таких принципах и своих учеников.

Кто присутствовал на Первой спартакиаде народов СССР, помнит, как Шоцикас в финале боксировал с Львом Мухиным. Рослый молодой парень не только волновался, но и побаивался встречи со знаменитостью. А Шоцикас? Девять минут он вел бой с Мухиным, не послав молодого боксера в нокдаун, используя каждую брешь в защите соперника для набора очков.

Когда пятикратный чемпион СССР и двукратный чемпион Европы покинул ринг, в Литве уже было много отличных боксеров. Каунасцы Ричардас Юшкенас и Ромуальдас Мураускас привезли в родной город золотые медали чемпионов страны. Пополнила список трофеев литовских боксеров и первая олимпийская (правда, бронзовая) медаль, завоеванная Мураускасом в далеком Мельбурне. Возросло мастерство Ричардаса Тамулиса.

Литовские боксеры стали чемпионами Всесоюзной спартакиады профсоюзов, в сборной страны «прописались» воспитанник Шоцикаса Ричардас Тамулис и ученик Альфредаса Левицкаса Дан Позняк. Заявку на титул чемпиона подали второй ученик Альгирдаса — Альгимантас Зурза — и гордость шяуляйского тренера Вацловаса Пелецкиса Ионас Чепулис. И вот из Берлина Тамулис, второй призер Токийской олимпиады, и Позняк вернулись с золотыми медалями.

Да, высокого качества литовские боевые перчатки!

Анатолий стоял спиной и мыл над раковиной лицо. Когда он обернулся и увидел отца, один глаз у него стал испуганный, а вторую щеку вместе с глазом он прикрыл рукой.

Василий Капитонович ничего не сказал и сел за кухонный стол.

Анатолий снял левой рукой с вешалки пальто, накинул его на плечи, потом наклонился и стал шнуровать полуботинки.

— Далеко собрался? — спросил Василий Капитонович.

— В город.

— Первый поезд в шесть утра. А сейчас ночь.

— Я на вокзале пережду.

— Так,— сказал Василий Капитонович.— Интересные новости.

Анатолий сунул руку в задний карман брюк, вынул пистолет и протянул отцу.

— Я с ней жить не буду,— сказал Анатолий рыдающим голосом.— Шлюха она.

— Это точно?— спросил Василий Капитонович. Ему было и жаль и противно смотреть на сына.

— Пойми меня, папа,— сказал Анатолий, торопливо захлебываясь, словно отец уговаривал его.— Я уже давно заметил. Чужая она. Я вас огорчать не хотел... Она с кем попало шляется. Прихожу с работы, в пепельнице лежат окурки «Казбека», а я «Север» курю. Я сперва курил «Беломор», она говорит: «Не по средствам...» Я спрашиваю: «Откуда «Казбек»?» Она говорит: «Управхоз приходил»,— я проверил управхоза — у него сигареты...

— С сигаретами,— сказал Василий Капитонович,— бывают перебои.

— Да что ты мне рассказываешь?— рассердился Анатолий.— А кольцо откуда у нее? А сумка?..

Забывшись, он снял руку со щеки. С правого глаза до подбородка щека была расцарапана.

От стыда и отвращения Василий Капитонович отвернулся.

— Уйду,— сказал Анатолий.— Я за себя не ручаюсь... Лучше уйти. Уйду — и дело с концом. Она нам чужой человек, папа. Она меня доведет... Из-за нее у меня в университете три экзамена не сданы...

— Могут отчислить,— сказал Василий Капитонович.

— Вполне!— почему-то с радостью согласился Анатолий.— И работа в голову не лезет. А наше дело, папа, знаешь, какое?

— Ваше дело я знаю,— сказал отец.

Он поднялся со стула.

— Куда ты?— спросил сын.

— К матери. Досыпать.

Подтянув на впалом животе кальсоны, босой, с зазябшими ногами, он повертел в руках пистолет, положил его на стол и пошел из кухни.

Укладываясь подле жены, Василий Капитонович неловко погладил ее по остывшему круглому плечу.

— Ну как, Вася?— прошептала Елена Ивановна.

— Все в порядке,— сказал он.

— Поговорил с ним?

— Ага. Беседовали. Спи, Леля.

— Спасибо тебе, Вася.— Она поцеловала его в висок.— Никогда я никого не любила, кроме тебя.

Он скрипнул зубами и еще долго не мог заснуть.

Утром в кухне пили чай.

Анатолий вышел из комнаты с перевязанной щекой. Варя держала на коленях ребенка и поила его с ложечки теплым молоком. Витька убежал в школу.

— Значит, насчет Ириши мы договорились, мама,— сказала Варя.— В среду Толик привезет ее.

— Я, наверное, бюллетень оформлю, из-за флюса,— сказал Анатолий.— Если в городе не дадут, попрошу здесь, в больнице. Батя поможет.

Василий Капитонович ничего не ответил. Он пил чай.

Когда собрались на вокзал, Елена Ивановна вышла провожать их на крыльцо. Сверток с пирогами она положила сыну в портфель.

— Туфли у тебя нечищеные,— сказала Елена Ивановна.

— Ну что ты, мама, вечно привязываешься ко мне с туфлями?— сказал Анатолий.— Почищу в городе.

— Удивительный вы человек, мама,— сказала Варя.— Как будто у людей нет других интересов, кроме туфель.

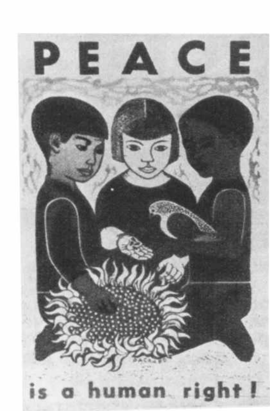
Они пошли к автобусу. Анатолий нес дочку, Варя — портфель.

В комнате, у окна, стоял Василий Капитонович. Глядя им вслед, он громко произнес:

— Сопляк. Вот сопляк!

«МИР — ПРАВО ЧЕЛОВЕКА»

Плакат «Мир — право человека», который напечатан на 4-й странице обложки, был сделан американской художницей Эмми Лю Паккард в 1962 году. Ученица великого мексиканского художника Диего Риверы, помогавшая ему создавать монументальные росписи, Эмми Лю Паккард — выдающийся мастер фрески и мозаики. В начале 50-х годов она увлеклась черной и цветной гравюрой на дереве и линолеуме, и именно в этой технике выполнен и плакат, посвященный борьбе за мир во всем мире. В свои гравюры Эмми Лю Паккард перенесла монументальную строгость и величавую простоту, свойственную ее стенной живописи, как и работам ее учителя Диего Риверы.

Эмми Лю Паккард живет в Мендосино, маленьком поселке на берегу Тихого океана, к северу от Сан-Франциско. В искусстве дальнего запада Соединенных Штатов Америки, как, впрочем, и в Нью-Йорке, и в Филадельфии, и в Чикаго, идет напряженная и острая борьба между течениями, далекими от реализма, и художниками, ищущими жизненную правду. Она принадлежит к числу известных и уважаемых мастеров прогрессивного и реалистического искусства Америки. Подобно крупнейшим реалистическим художникам США, таким, как Эдвард Хоппер и Рафаэль Сойер, Рокуэлл Кент и Антон Рефрежье, Эндрю Уайес и Уильям Зорах,— Эмми Лю Паккард не представляет себе художественного творчества без горячей заинтересованности во всем, что волнует простых людей Америки и всего мира, без борьбы за мир и дружбу между народами.

Потому и появился недавно в одной из газет Сан-Франциско ее рисунок, изображающий семью вьетнамского крестьянина. Этот рисунок был напечатан вместе с воззванием против войны во Вьетнаме, под которым поставлены сотни подписей профессоров и преподавателей университетов Калифорнии, в том числе и крупнейшего среди них университета в Беркли. Потому Эмми Лю Паккард и сочла своим долгом стать делегатом Америки на Конгресс сторонников мира в Хельсинки.

Для таких смелых, принципиальных, бесстрашных людей, как Эмми Лю Паккард, людей с щедрой и доброй душой, искусство и жизнь нераздельны.

А. ЧЕГОДАЕВ

Флавио в штрафной площадке...

ИНТЕР НО

После игры Пеле и Воронин дружески обменялись футболками.

Гарринча готовится к выходу на поле.

Фото А. БОЧИНИНА.

Читатель — читателю

Стареет ли романтика?

Дорогая редакция «Огонька»! Очень прошу напечатать мое письмо.

Меня волнует такой вопрос: когда кончается романтика, и может ли человек в 40—50 лет быть романтиком?

Я из того поколения романтиков, которые усердно учились и много мечтали, заканчивая в 1941 году десятилетку. Но начавшаяся через день война перекроила все наши планы и, как буря, разбросала нас в разные стороны. Мы разъехались, растерялись.

Недавно я нашла подругу-одноклассницу. Она работает химиком в одной из вечерних школ. Но ее ответ на мое восторженное письмо, полное воспоминаний и эмоций, заставил меня остыть и задуматься. Она написала, что живет с семьей очень хорошо, что у нее свой собственный большой дом, сад, огород, хозяйство, что работы по хозяйству очень много, писать ей некогда, и предлагала писать друг другу только по случаю праздника.

Ох, как защемило у меня сердце! Я тут же ей написала: «Ты ли это, Лида? Ведь из письма так и пахнуло гоголевской Пульхерией Ивановной! Где же былая романтика?»

И вот получаю ответ с явной обидой: что же, мол, тут плохого? «Я много ездила когда-то, много повидала. А теперь уж 10 лет живу на юге, в чудесных местах. Все мои мечты сбылись, я имею все свое, умею хозяйничать. Мы, учителя, часто собираемся (так как работаем 4 вечера в неделю), веселимся. Чаще всего забегают ко мне, так как у меня всегда найдется «выпить и закусить». Так что время проводим весело, коллективно. Моей хозяйственностью все восхищаются. Да, я имею сотни многолитровых банок с маринадами, вареньями, соленьями, винами своего изготовления и горжусь этим. Я успеваю и почитать, выписываю много журналов».

И тут же контрвопрос: «А в чем, Аня, твоя «романтика» состоит?.. Ведь, чтобы мечтать, надо иметь материальную почву под ногами!»

А у меня, признаться, крепкой материальной базы под ногами нет и интереса к ней нет. Значит, я и не романтик? Значит, романтика умирает вместе с молодостью? Но ведь «главное, ребята, сердцем не стареть». И я с этим в корне согласна. А ведь у Лиды моей как раз сердце-то и заскорузло.

Я меньше ее ездила, но меня и в 40 лет не прельщает собственное хозяйство, умение делать и иметь собственные маринады и вина, варенья и соленья.

Я скромно тружусь, люблю очень свою работу, отдаю ей больше времени, чем положено; вращаюсь среди молодежи, люблю ее, помогаю ей, стараюсь зажечь в них огонек жажды к знаниям, к творческой жизни и горжусь этим! Вот молодежь-то и не дает мне сердцем стареть.

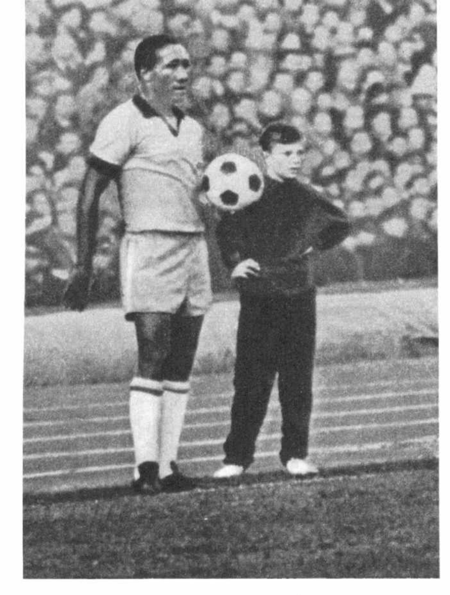
Но годы бегут, и свои дети взрослеют. А кончилась ли моя романтика или нет, я не знаю. И кончается она в молодости или вместе с человеком рядом живет до старости?

Я хотела бы услышать об этом мнение других читателей, своих сверстников, и особенно выпускников 1941 года.

Отзовитесь и напишите, как сложились ваши судьбы и кончилась ли ваша романтика?

А. КУЛАГИНА

Целиноград.

Сантос — лучший защитник мира.

ЕСНО,

Автор системы «4 + 2 + 4», тренер сборной Бразилии Феола и врач команды Кослинг.

ГРУСТНО

Итак, долгожданное знакомство состоялось. В Лужниках сборная СССР провела матч с двукратным чемпионом мира — командой Бразилии.

Большой интерес, вызванный этой встречей, объясняется не только титулом наших гостей, но и участием в игре таких футбольных звезд, как Пеле, Гарринча, Сантос. И, надо сказать, зрители не обманулись в своих ожиданиях. Бразильцы демонстрировали гроссмейстерский футбол. Отличная техника, скрытый, но удивительно точный пас, смелость и желание форвардов пойти на риск, умение импровизировать, цепкая игра в защите — все это доставило много хлопот нашим спортсменам.

Пеле! Когда он получал мяч, стадион замирал в предвкушении чего-то особенного. И действительно, даже на фоне тонкого мастерства своих товарищей техника Пеле отличалась виртуозностью, а его рейды к воротам сборной СССР были стремительны и коварны. Два забитых им гола — зрелище захватывающее и интересное.

К сожалению, наши ребята на сей раз действовали скованно и робко. Это, конечно, отрицательно сказалось на классе их выступления. Лишь после перерыва 20-минутная вспышка позволила создать несколько голевых моментов у ворот бразильцев. Но использовать их наши форварды не сумели. Это было грустно.

Могла ли сборная СССР сыграть сильнее против чемпионов мира? Безусловно. Нужно было преодолеть своеобразный психологический барьер, стряхнуть с себя скованность и, не убоявшись грозного соперника, продемонстрировать все лучшее, на что мы способны. Думается, в этом смысле наши шансы в Лондоне не так уж малы, как может показаться после матча с Бразилией.

Наши мастера получили хороший урок. Будем надеяться, что он пойдет им впрок.

РЫБОЛОВНЫЕ МОТИВЫ

Рисунки Владимира Гальбы.

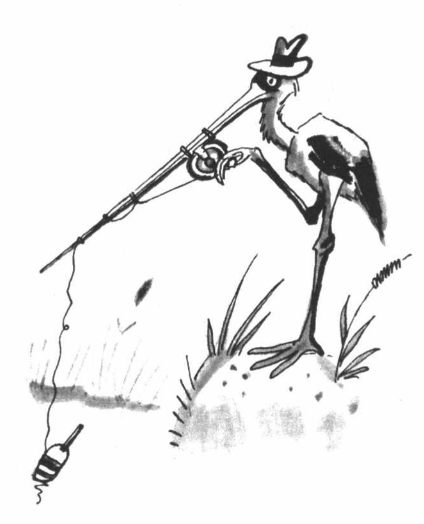
— Во-от таких ловил!..

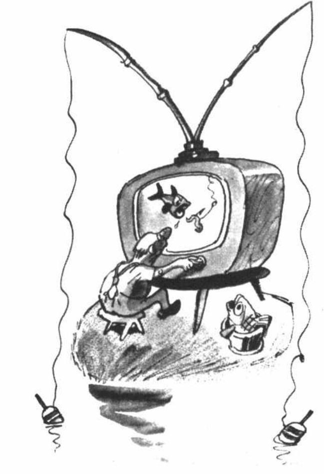
Убежденный луночник.

Охотницко-рыболовный гибрид.

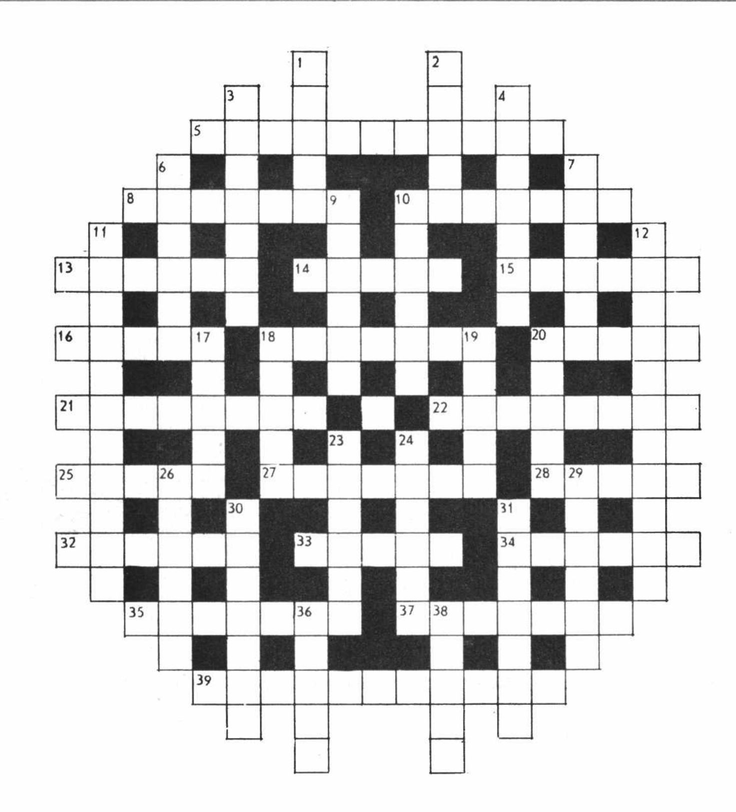

Болотный спиннингист.

Новости рыболовной науки и техники.

По горизонтали:

5. Громкоговоритель. 8. Приток Северной Двины. 10. Стихотворение в восемь строк. 13. Минеральная краска, не растворимая в воде. 14. Медленный темп в музыке. 15. Белая огнеупорная глина. 16. Нотный знак. 18. Советский писатель. 20. Спортивная лодка. 21. Роман А. Д. Кронина. 22. Русский художник XIX века. 25. Лиственное дерево. 27. Оранжерея. 28. Каспийская сельдь. 32. Французский металлург. 33. Стоянка для автомобилей. 34. Край леса. 35. Цветок. 37. Административно-территориальная единица в СССР. 39. Наука о природных химических соединениях.

По вертикали:

1. Крупный населенный пункт. 2. Портовый грузчик в западных странах. 3. Дорога через горный хребет. 4. Северная ягода. 6. Жанр народно-поэтического творчества. 7. Река в РСФСР. 9. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 10. Вечева, стягивающая концы лука. 11. Балерина, народная артистка СССР. 12. Птица с ярким оперением. 17. Персонаж рассказа М. Горького «Макар Чудра». 18. Советский космический управляемый аппарат. 19. Ластоногое животное. 20. Киргизский музыкальный инструмент. 23. Часть очков. 24. Спортивное общество. 26. Синтетическое волокно. 29. Курорт в Крыму. 30. Озеро в Северной Америке. 31. Русский путешественник, исследователь Центральной Азии. 36. Щипцы. 38. Украшение.

●

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

3. Микрофон. 7. Подорешник. 9. Песо. 10. Улей. 12. Август. 16. Бабадаг. 18. Насечка. 19. Сундсвалль. 20. Графика. 22. Монолог. 24. Гранат. 26. Узел. 27. Рысь. 28. Арифметика. 29. Коперник.

По вертикали:

1. Жиздра. 2. Лорнет. 4. Опока. 5. Акула. 6. Метаморфоза. 8. Зеленогорск. 11. Пандури. 13. Виндзор. 14. Саванна. 15. Аксаков. 17. Груша. 18. «Налим». 21. Калан. 23. Овраг. 24. Грибов. 25. Тритий.

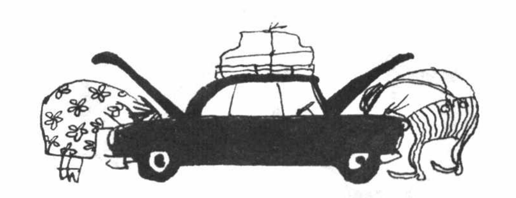
●

ИЗОРЕПОРТАЖ

Через ветровое стекло

Юрий ЧЕРЕПАНОВ

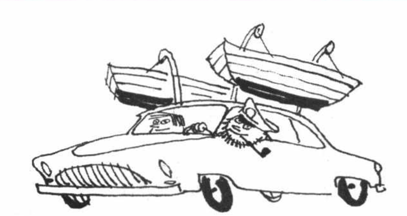
...Наступает день, когда автомобилисты с лихвой вознаграждают себя за все ниспосланные им испытания. В разгар лета владелец машины торжествующе является домой, засовывает в багажник две запасные канистры с бензином «люкс», велит зажарить гуся и после этого объявляет ошеломленной семье: «Пробил наш час, едем путешествовать своим ходом».

И в великую армию автопроходцев вливается еще один энтузиаст. Их много, неутомимых путешественников на колесах. Они мчатся во все стороны света, на мотороллерах и мотоциклах, на «Запорожцах» и «Москвичах», «Волгах» и велосипедах.

Мотоциклетный спорт — спорт смелых, это известно каждому. И надо лишь радоваться, что супружеская пара ижевских инженеров воспитывает смелость у своего наследника с грудного возраста. Впрочем, ижевцы считают, что мотоцикл с коляской, выпущенный на заводе их родного города,— самый надежный и удобный вид транспорта.

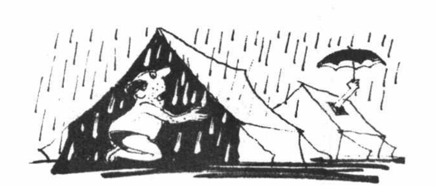
Нетрудно догадаться, что в этом экипаже следует бравый морской волк. И верно, как удалось выяснить, владелец машины — отставной штурман из Мурманска. Уж его-то море не застанет врасплох!

И когда эта веселая, жизнерадостная, пахнущая бензином и жареными пирожками кавалькада автолюбителей мчится по шоссе, ты лети с дороги, птица, зверь, с дороги уходи... Разве что кроткие кроты способны пересечь трассу, пользуясь личными подземными переходами.

Наиболее нетерпеливые бросаются в первую набежавшую волну...
Обстоятельный же автомобилист сначала должен устроить быт, а потом уже приняться за дело, которое называется здоровым и полезным отдыхом. Море от него не уйдет.

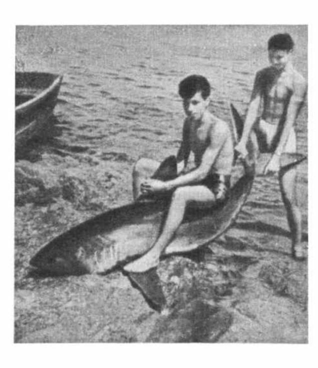

Если он захочет смыть с плеч дорожную пыль, вовсе не надо бежать в душ. Первый же дождь, беспрепятственно проникающий сквозь палатку из водоотталкивающей ткани системы Ирпенькурортторга, доставит море удовольствий.

А затем начинается купание боевых коней. Мероприятие это несложное и доступное каждому владельцу. При въезде в Ялту под сенью гипсового орла легко отыскать недостроенное здание моечного поста. И, как видите, без больших хлопот можно ополоснуть машину.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

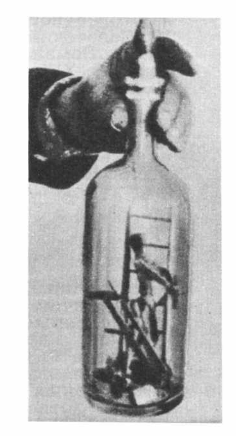
ВЕРХОМ НА АКУЛЕ

Не каждому посчастливится поймать такую акулу, да еще удочкой. Как-то наши ребята, купаясь у берега Японского моря, решили порыбачить. Тут же смастерили специальную удочку. В качестве лески использовали проволоку, удилищем послужил металлический штырь, а крючком — железная арматура. Удилище прикрепили к берегу. Через некоторое время леска резко дернулась, вытянулась струной. Человек двадцать с трудом удерживали удочку. Наконец усилия ребят увенчались успехом — из воды показалась голова акулы... А теперь можно и сфотографироваться.

В. Припутнев

ХИТРОУМНАЯ БУТЫЛКА

В семье крестьянина Стефана Ачанского из одного села возле города Нови-Сад (Югославия) хранится бутылка, в которую неизвестный умелец ухитрился поместить несколько предметов, вырезанных из дерева.

ЧТО ЭТО ЗА ЖИВОТНОЕ?

Перед вами всего лишь обломок ветлы, найденный у берега реки близ Дивногорска.

А. Ковалев

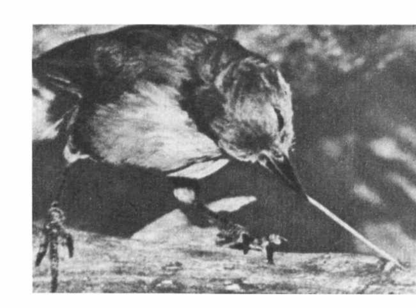
ГРАЧ-ВОРИШКА

Недавно на одной из улиц Воронежа произошло необычное происшествие. Его виновником был грач. Объектом грачиного внимания оказались вывешенные для сушки капроновые чулки, которые один за другим перекочевали на высокое дерево. Факт кражи был зарегистрирован прохожими. Пернатый воришка даже не посчитался с тем, что пострадавшая живет рядом с милицией.

В. Михайлов

ВОСПИТАННЫЙ ВЬЮРОК

На Галапагосских островах обитает очень редкая птичка — дятловый вьюрок. Недавно одному зарубежному ученому удалось снять фильм о нем. В фильме показывается, как вьюрок с ловкостью виртуоза добывает из глубоких отверстий старых деревьев пищу при помощи палочки. Причем орудует он ею, как воспитанный едок вилкой. Удивительно и то, что птичка подходит к выбору этого инструмента с большой требовательностью. Если палочка чуть длинна, вьюрок обламывает ее. Одна и та же палочка служит птичке несколько раз.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

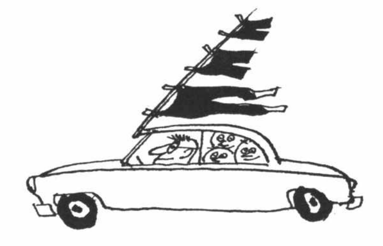
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

На первой странице обложки: Литва. Утро на Куршской косе. Фото Д. Ухтомского.

Обитатель Севера всем видам транспорта предпочитает верного оленя, согласно песне: «Самолет — хорошо, пароход — хорошо, а олени лучше».

Мы лично решили отправиться по традиционному великому трансконтинентальному пути Москва — Ялта на «Волге».

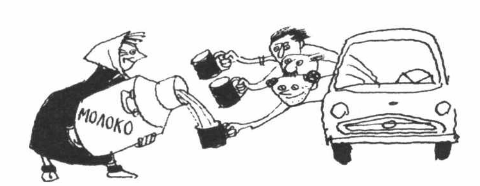

Боже мой, кого только не довелось нам встретить на этой тернистой дороге! Вот, испытующе глядя сквозь ветровое стекло, ведет семейный автокорабль бесстрашный командор из Петрозаводска. Вымпелы победно трепещут на ветру, давая понять встречным, что последний привал у реки был плодотворным.

Встречали мы коллективы и покрупнее семьи. Казалось, целый заводской участок выбрался в отпуск. Конечно, успешно справившись с производственным заданием...

Накормить такую ораву не просто. Не очень-то полагаясь на придорожные кафе и чайные, путешественники сами позаботились о путевом меню.

Предвкушая блаженство отдыха у моря, некоторые автолюбители несутся с такой скоростью, что забывают о трехразовом питании и регулярном восьмичасовом сне. Хорошо еще, что на пути попадаются доброхотные старушки со свежими продуктами!

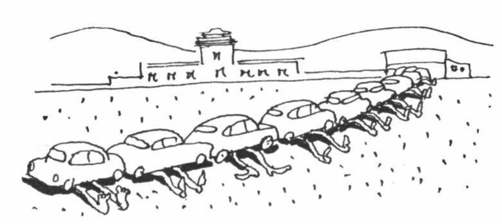

Возможно, некоторые автопутешественники не очень торопятся на юг, к лазоревому морю, их вполне устраивает комплекс удовольствий, которые можно получить в избытке по дороге. Владельцы «Запорожцев», несомненно, сумеют с толком использовать портативность своих машин.

Но вот перескочили через Чонгарский мост и оказались в Крыму.

Каждый по-своему встречает Крым. Мотоциклист бросается испить шеломом воды Северокрымского канала.

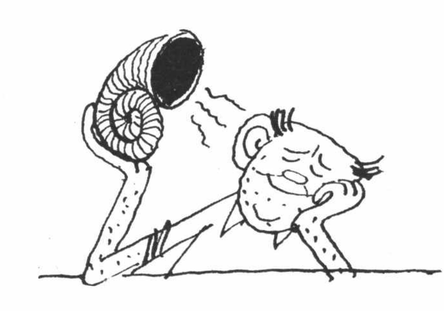

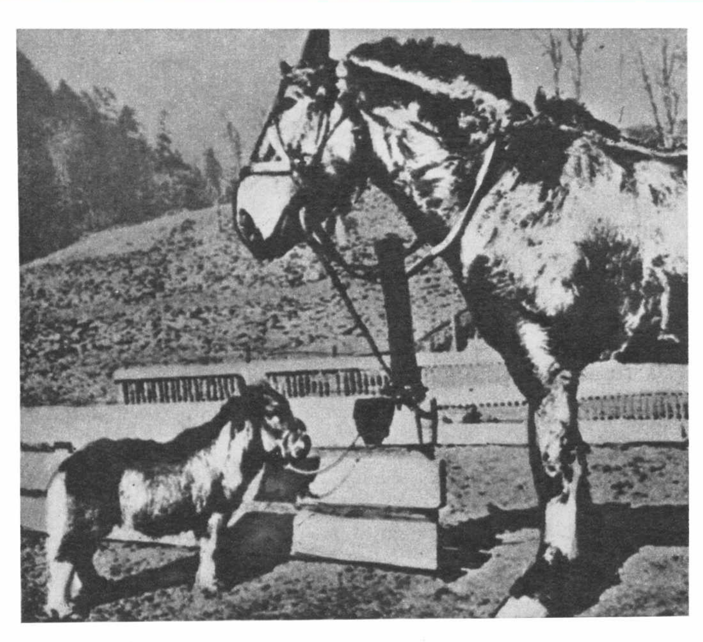
Во время длинного пути вы с тревогой прислушивались к стуку в моторе второго клапана справа. Но утешение находили в том, что, добравшись до Ялты и отправив семью купаться в море, отремонтируетесь на станции «Техобслуживание». Но вам придется изрядно позагорать.

Земляки встретят вас завистливыми восклицаниями: «И где только вы так сумели загореть!» Не станешь же объяснять, что чернота вашего тела приобретена с помощью дымовой трубы, которая стоит рядом с автопансионатом.

Перед дорогой каждый уважающий себя автотурист закупает уйму сувениров, которые он собирается демонстрировать сослуживцам. Наибольшей популярностью пользуется морская раковина с ялтинского рынка. Дома, когда вас охватят воспоминания о проделанном путешествии, очень приятно достать из шкатулки этот дар моря и, поднеся к уху, услышать рокот волн, убаюкивающие сказки о непреходящей прелести и удобстве автотуризма.

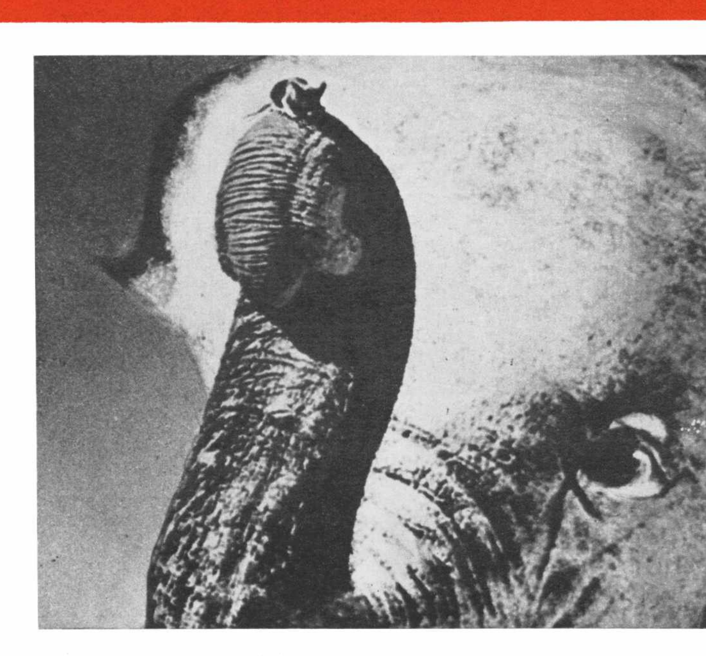
СЛАДКИЙ КРЕНДЕЛЬ

Американец Смит МакКой — большой любитель пони. На своей небольшой ферме он в течение многих лет выращивает миниатюрных лошадок. Сейчас у него 40 взрослых малюток, ростом не превышающих 80 сантиметров. Но самая его любимая лошадка — Сладкий Крендель. Ее рост — 50 сантиметров, вес — 13,5 килограмма. Перед вами на фото Сладкий Крендель рядом с обычным пони.

РАДИО И СОБАКА

У этой овчарки к ошейнику прикреплен миниатюрный радиопередатчик. Найдя заблудившегося альпиниста, она начинает лаять. Спасательные команды определяют с помощью пеленгаторов место нахождения собаки и спешат на выручку пострадавшему. Таких розыскных собак используют в Англии.

ДРУГ МЫШОНКА

Слониха Попси, живущая в зоопарке города Санта Моника (США), однажды заметила, что на нее долго смотрят два малюсеньких глаза. А затем кто-то вскарабкался на ее хобот. Это был мышонок. С тех пор нет дня, чтобы мышонок не навещал своего друга.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусства — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02344. Подписано к печати 7/VII 1965 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 900 000. Изд. № 1145. Заказ № 1783.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Л. Паккард (США). МИР — ПРАВО ЧЕЛОВЕКА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663